801-17
221
S 20
111

ПОЭТЪ ПУШКИНЪ.

ОБЩЕДОСТУПНОЕ ЧТЕНІЕ.

писано къ открытію памятника великому поэту въ Москвѣ.

А. Филоновъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Глазунова, Казанская улица, д. № 8.
1880.

Дозволено цензурою, С.Петербургъ 11 Мая, 1880 года.

82487-0

2015188098

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Поэтъ и поэзія.	1.
Біографическія свѣдѣнія о Пушкинѣ.	4.
Произведенія, изображающія отечеств. исторію	6.
Сочиненія, изображающія народный бытъ.	91.
Сочиненія, изображающія Русскую природу.	121.
Религіозныя произведенія.	150.
Значеніе поэзіи Пушкина.	158.

ПОЭТЪ ПУШКИНЪ.

Въ настоящее время, въ Москвѣ, по подпискѣ всей Россіи, поставленъ памятникъ Александру Сергѣевичу Пушкину. Пушкинъ былъ поэтомъ. Другой заслуги онъ не имѣлъ: онъ сослужилъ Россіи великую службу только въ качествѣ поэта...

Вамъ*) надо знать смыслъ этого прекраснаго слова. Оно не труднѣе для пониманія, чѣмъ и другія иностранныя слова, которыя мы каждый день произносимъ, напр.: телеграфъ, керосинъ, газъ, театръ, актеръ, адвокатъ, полиція и пр. Названныя слова иноземныя однимъ Русскимъ словомъ не разъяснишь. Такъ и слово «поэтъ» надо толковать многими словами.

Поэтъ (Греческое слово) есть дѣятель съ возвышенными дарованіями,—человѣкъ, имѣющій способность писать стихи и не стихи, — что̀ написано не стихами, то у людей ученыхъ—называется прозою, т. е. рѣчію свободною, не заключенною въ стихи. Поэтъ есть «небесъ избранникъ», по выраженію Пушкина **); поэтъ есть

*) Настоящее сочиненіе составлялось для *народнаго* чтенія.

**) Разныя указанія на сочиненія Пушкина сдѣланы по изданію *Я. А. Исакова.* Спб. 1859, семь томовъ.

«другъ истины»; поэтъ «поклонникъ правды и свободы»,— выражаюсь все языкомъ Пушкина. Поэтъ есть любимецъ, наперсникъ музы,—и это слово (Греческое) вамъ надо знать, когда говоримъ о такихъ людяхъ, какъ Пушкинъ. Муза—«богиня» (языческая) «пѣсенъ и разсказовъ», муза покровительствуетъ наукамъ и искусствамъ; муза—«легкій другъ мечты»; поэтъ пишетъ, сочиняетъ, творитъ стихи и не стихи подъ вліяніемъ вдохновенія, т. е. особеннаго свѣтлаго расположенія души, когда поэту такъ и хочется сочинять, когда ему хорошо сочиняется, когда у него стихи такъ и нижутся на перо, какъ жемчугъ на нитку.—Поэзія есть искусство легко и свободно писать стихами и не стихами о всемъ, что есть прекраснаго въ мірѣ видимомъ и невидимомъ. Поэтъ чувствуетъ «жажду знаній и труда, страхъ порока и стыда». Пушкинъ любилъ поэзію до мозга костей. Онъ не могъ жить безъ нея. Все пробуждало въ немъ сладкія мечты поэзіи:

Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;
За мной *повсюду* онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ.
(Сочин. т. 1, стр. 292).

Поэзія влекла къ себѣ Пушкина неодолимою силою. Часто видѣли его на постелѣ, въ одной рубашкѣ, окруженнымъ лоскутками бумаги: это все были стихи, стихи, стихи... На вечерѣ, среди говора гостей, его посѣщала муза, вдохновеніе слетало на поэта, и онъ говорилъ

стихами, тутъ же, при гостяхъ, при всеобщемъ весельѣ. Стихи съ его изустныхъ словъ записывались на лоскуткахъ бумаги и разлетались по Петербургу съ быстротою молніи... Пушкинъ сорилъ стихами направо и налѣво. Увидитъ альбомъ, т. е. книжку съ бѣлыми чистыми листами; онъ беретъ перо или карандашъ и духомъ пишетъ прелестное стихотвореніе. Встрѣчаетъ знакомаго Пушкинъ на улицѣ, тотъ скажетъ, что поэтъ не докончилъ одного произведенія,—Пушкинъ войдетъ въ знакомый домъ и докончитъ немедленно сочиненіе, къ изумленію окружающихъ его людей.

Стихи Пушкина восторженно принимались его современниками. «Я *упиваюсь* твоими стихами», писалъ Пушкину одинъ князь (П. А. Вяземскій) въ 1825 году. (Рус. Арх. 1879, № 8, стр. 474). Въ стихотворной повѣсти Пушкина «Бахчисарайскій Фонтанъ» есть слѣдующія два стиха:

Твои плѣнительныя очи
Яснѣе дня, чернѣе ночи.
(Сочин. 2—138).

По прочтеніи этихъ двухъ стиховъ одинъ нашъ писатель (Н. И. Гнѣдичъ), одноглазый, сказалъ, что онъ готовъ за нихъ отдать и послѣднее свое око. (Изданіе Анненкова 1855 г., т. 1, стр. 80). Пушкина называли «чародѣемъ», «сиреною», «чудотворцемъ» за его прелестные стихи. Книгопродавцы платили ему по червонцу за каждую стихотворную строчку. Музыканты перелагали на музыку его стихи: М. И. Глинка сочинилъ цѣлую оперу изъ его «Руслана и Людмилы», А. С. Даргомыжскій двѣ оперы написалъ изъ его сочиненій «Русалка»

*

и «Каменный Гость» *); множество мелкихъ стихотвореній Пушкина положено на музыку и распѣваются по всей Россіи. Во всѣхъ школахъ книжки для изученія Русскаго языка наполняются преимущественно стихами Пушкина. Стихи его твердитъ вся Россія.

Сочиненія Пушкина изданы въ шести томахъ — послѣднее изданіе (Я. А. Исакова), вышедшее 1871 года.— Но есть много замѣчательныхъ сочиненій Пушкина, его драгоцѣнныхъ писемъ, его прелестныхъ стихотвореній, которыя не внесены въ эти скудные шесть томиковъ; въ разныхъ журналахъ, газетахъ и сборникахъ печатаются и по сіе время все новыя и новыя произведенія Пушкина, которыя, бывъ собраны воедино, могли бы составить еще два-три тома.—Великая благодарность была бы тому, кто издалъ бы намъ *всего* Пушкина! Громы рукоплесканій стяжалъ бы этотъ благодѣтель Русскаго народа, который гордится славнымъ именемъ великаго поэта...

Жизнь Пушкина не обильна внѣшними дѣлами. Онъ родился въ Москвѣ, 26 Мая 1799 г., въ четвергъ, въ день Вознесенія Господня, на Молчановкѣ, — въ богатомъ домѣ. Окруженъ былъ въ дѣтствѣ иностранными учителями, даже Русскій языкъ преподавалъ ему нѣкто Шиллеръ. Съ міромъ роднымъ знакомила его простая деревенская женщина, няня Арина Родіоновна, воспитавшая всѣхъ дѣтей отца Пушкина, умершая на семидесятомъ году своей жизни. Учился Пушкинъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ, откуда выпущенъ съ чиномъ коллежскаго секретаря. Числился на службѣ по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ. Въ 1820 году былъ отправленъ на югъ Россіи, что дало ему возможность видѣть Кавказъ и Крымъ. 1824 года переведенъ на житье въ село Михайловское, Опочецкаго уѣзда, Псковской губерніи—имѣніе матери поэта. Съ конца Августа 1826 года окончилась ссылка Пушкина повелѣніемъ Государя Императора Николая Павловича. Съ тѣхъ поръ поэтъ попеременно жилъ въ обѣихъ столицахъ, уѣзжая на осень въ село Михайловское, излюбленное имъ мѣсто.

*) Оперы *Мусоргскаго* «Борисъ Годуновъ», *Чайковскаго* «Евгеній Онѣгинъ», *Кюи* «Кавказскій Плѣнникъ» взяты изъ его сочиненій.

Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія талантъ Пушкина созрѣлъ до изумительной степени. *Что* написано имъ съ тридцатыхъ годовъ до смерти, случившейся въ 1837 году,—*то* отличается недосягаемымъ совершенствомъ по мысли, чувству и языку.

Преждевременная смерть Пушкина произошла отъ поединка (дуэли) въ 1837 году,—когда —

Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
Палъ оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести.
(Соч. Лермонтова. Спб. 1863, т. II, стр. 61).

Смерть Пушкинъ поразила всю Россію; она поразила и его противника, иностранца Дантеса, который двадцать пять лѣтъ спустя послѣ поединка «*не имѣлъ духа* распечатать пакета», съ которымъ онъ былъ отправленъ изъ Россіи: въ пакетѣ находились документы смертнаго поединка. (Рус. Архивъ 1865 г., стр. 767 «Воспоминанія В. А. Соллогуба»).

При послѣднихъ минутахъ своей жизни Пушкинъ

имѣлъ счастіе получить слѣдующую собственноручную записку отъ Государя Императора Николая Павловича: «Если Богъ не приведетъ намъ свидѣться въ здѣшнемъ свѣтѣ, посылаю тебѣ Мое прощеніе и послѣдній совѣтъ: умереть христіаниномъ. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся: Я беру ихъ на свои руки». (Изъ Словаря Бантышъ—Каменскаго). Умирающій Пушкинъ говорилъ поэту Жуковскому: «скажи Государю, что мнѣ жаль умереть; былъ бы весь Его. Скажи, что я Ему желаю долгаго, долгаго царствованія, что я Ему желаю счастія въ Его Сынѣ, счастія въ Его Россіи». (Изъ письма В. А. Жуковскаго о послѣднихъ минутахъ Пушкина). По смерти Пушкина долгъ съ его имѣній былъ снятъ, на печатаніе сочиненій его отпущено, по повелѣнію Государя Императора Николая Павловича, 50,000 р. ас., два сына его зачислены въ пажескій корпусъ, имъ и вдовѣ назначены пенсіи. (Изд. Анненкова, т. 1, стр. 392).

Но не этими замѣчательными фактами богата жизнь Пушкина; она богата его многочисленными сочиненіями, которыя составляютъ неисчерпаемый источникъ для образованія нашего ума, сердца и языка.

Приступимъ же къ разсмотрѣнію сочиненій Пушкина. Дабы намъ разобраться въ этомъ обширномъ матеріалѣ, мы обсудимъ произведенія поэта съ *четырехъ* сторонъ: во-первыхъ со стороны выраженія въ нихъ событій нашей Отечественной *исторіи*; во-вторыхъ со стороны *народнаго быта*, ярко очерченнаго поэтомъ въ его произведеніяхъ; въ-третьихъ—со стороны изображенія въ нихъ нашей *Русской природы*, родимаго нашего края, и въ-четвертыхъ обратимъ вниманіе на *духовно-нравственныя* его произведенія (или религіозныя).

Въ заключеніе скажемъ вообще о *значеніи* поэзіи Пушкина.

Нѣтъ сомнѣнія, что многое нами будетъ упущено; но Пушкинъ такой необычайный поэтъ, что *все* едва ли когда-нибудь скажешь о немъ...

Поэтъ любилъ свою родину. Древняя Русь привлекала его вниманіе. «Пѣснь о Вѣщемъ (мудромъ) Олегѣ» (напис. 1822 г.), который жилъ въ самомъ почти началѣ Руси (ум. 911 г.), знакомитъ насъ со стародавнимъ нашимъ бытомъ. Тутъ мы видимъ волхва, который покоренъ былъ одному «перуну»: такъ назывался языческій богъ нашихъ предковъ, еще не вѣдавшихъ христіанства. Кромѣ волхва здѣсь выступаютъ разные древніе наши порядки: пращъ, стрѣлы, сѣкиры (топоры), щиты, брони,—всѣ тѣ вооруженія, которыми защищались наши предки отъ непріятеля; сраженіе въ «Пѣснѣ о Вѣщемъ Олегѣ» называется «сѣчею», потому что наши предки въ самое древнее время на битвахъ «рубились» мечами и топорами, такъ какъ огнестрѣльное оружіе еще не было изобрѣтено. Въ ту пору, когда жилъ «Вѣщій Олегъ», войско, окружавшее князя, называлось «дружиною»; съ дружиною князь ходилъ на битву, съ дружиною и пировалъ. По обычаю предковъ, князь и дружина пили ковшами, поминая битвы и совершая «тризну», т. е. поминки по усопшемъ князѣ на его могилѣ. Во время тризны убивали коня и его кровью орошали могилу покойнаго князя. Въ знакъ побѣды надъ врагомъ наши князья вѣшали свои щиты на воротахъ взятаго ими города. Олегъ повѣсилъ щитъ свой на вратахъ Цареграда (Константинополя).

Стихотвореніе «Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ» изучается

въ нашихъ школахъ повсюду съ тою цѣлію, чтобъ познакомить дѣтей съ древнимъ бытомъ нашихъ предковъ.

Древней же Россіи посвятилъ поэтъ одно большое свое стихотворное сочиненіе, которое онъ назвалъ «Борисъ Годуновъ» (напис. 1825—1831 г.). Это сочиненіе Пушкинъ называлъ самымъ лучшимъ своимъ трудомъ. Обратимъ же и мы на него особенное вниманіе. Борисъ Годуновъ былъ царемъ на Руси отъ 1598 до 1605 г. Много хорошаго говорятъ про него наши и иностранные историки. Пушкинъ представилъ его во многихъ мѣстахъ своего сочиненія съ отличной стороны. При восшествіи на престолъ Борисъ пригласилъ на свой царскій пиръ всѣхъ—и богача и бѣдняка:

Теперь (т. е. послѣ принятія царскаго вѣнца) пойдемъ, поклонимся гробамъ
Почіющихъ властителей Россіи,
А тамъ—сзывать весь нашъ народъ на пиръ,
Всѣхъ, отъ вельможъ до нищаго слѣпца;
Всѣмъ вольный входъ, всѣ гости дорогіе.

(Соч. А. С. Пушкина, изд. 1859, т. 3, стр. 246).

Не только при восшествіи на престолъ былъ милостивъ царь Борисъ къ народу: онъ былъ щедръ и милостивъ къ нему въ теченіи всего своего семилѣтняго царствованія. Среди бѣдствій, постигавшихъ народъ, онъ являлся истиннымъ ангеломъ-утѣшителемъ. Пушкинъ такія прекрасныя рѣчи влагаетъ во уста царя Бориса:

Богъ насылалъ на землю нашу гладъ;
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы.

Пожарный огнь ихъ домы истребилъ;
Я выстроилъ имъ новыя жилища.

(Соч. Пушк. 3—258).

Выходя изъ церкви, царь Борисъ велѣлъ раздавать нищимъ милостыню.

Онъ любилъ просвѣщеніе. Сынъ его Ѳеодоръ занимался черченіемъ географическихъ картъ. Но лучше прочтемъ этотъ прекрасный отрывокъ изъ «Бориса Годунова». Представляются царскія палаты въ Москвѣ; дочь Бориса—Ксенія цѣлуетъ портретъ умершаго своего жениха, а царевичъ чертитъ географическую карту. Царь спрашиваетъ у него:

А ты, мой сынъ, чѣмъ занятъ? Это что?

Ѳеодоръ.

Чертежъ земли Московской, наше царство
Изъ края въ край. Вотъ видишь: тутъ Москва,
Тутъ Новгородъ, тутъ Астрахань. Вотъ море,
Вотъ Пермскіе дремучіе лѣса.
А вотъ Сибирь.

Царь.

А это что такое
Узоромъ здѣсь вiется?

Ѳеодоръ.

Это Волга.

Царь.

Какъ хорошо! Вотъ сладкій плодъ ученья!
Какъ съ облаковъ ты можешь обозрѣть
Все царство вдругъ: границы, грады, рѣки.
Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ

Намъ опыты быстротекущей жизни.
Когда-нибудь, и скоро, можетъ быть,
Всѣ области, которыя ты нынѣ
Изобразилъ такъ хитро на бумагѣ,
Всѣ подъ руку достанутся твою.
Учись, мой сынъ, и легче, и яснѣе
Державный трудъ ты будешь постигать.

(Соч. Пушк. 3—275).

Старинная Русь представлена Пушкинымъ въ сочиненіи «Борисъ Годуновъ». Царя окружаютъ бояре; патріархъ руководитъ его своими совѣтами и укрѣпляетъ молитвою:

Ты, отче Патріархъ, вы всѣ, Бояре!
Обнажена моя душа предъ вами:
Вы видѣли, что я пріемлю власть
Великую со страхомъ и смиреньемъ.
Сколь тяжела обязанность моя!
Наслѣдую могущимъ Іоаннамъ (т. е. Іоанну III, свергшему Татарское иго 1480 г., и Іоанну IV, покорителю Казани 1552 г.) —
Наслѣдую и Ангелу-Царю (т. е. Ѳеодору Іоанновичу, царствовавшему отъ 1584 до 1591 г.)!..
Отъ васъ я жду содѣйствія, Бояре!

(Соч. Пушк. 3—245).

Въ годину бѣдствій отечества собиралъ царь думу, гдѣ, кромѣ бояръ, присутствовалъ и патріархъ:

Вы знаете, что наглый самозванецъ
Коварные промчалъ повсюду слухи;
Повсюду имъ разосланныя письма
Посѣяли тревогу и сомнѣнье;
На площадяхъ мятежный бродитъ шепотъ,
Умы кипятъ... ихъ нужно остудить;

Предупредить желалъ бы казни я,
Но чѣмъ и какъ? рѣшимъ теперь. Ты первый,
Святый Отецъ, свою повѣдай мысль.

(Соч. Пушк. 3—306).

Въ избраніи царя на царство участвовалъ въ старину великій Соборъ, т. е. высшее духовенство, бояре, дворяне и выборные люди, — принималъ участіе и весь народъ. Когда Годунова звали на царство, то Соборомъ положили отправиться всѣмъ въ монастырь Новодѣвичій (въ Москвѣ), гдѣ заключился Борисъ Годуновъ, страшась принять царскій вѣнецъ:

Соборомъ положили
Въ послѣдній разъ отвѣдать силу просьбы
Надъ скорбною Правителя душой.
Заутра вновь святѣйшій Патріархъ,
Въ Кремлѣ отпѣвъ торжественно молебенъ,
Предшествуемъ хоругвями святыми,
Съ иконами Владимірской, Донской,
Воздвижется, а съ нимъ Синклитъ, Бояре,
Да сонмъ Дворянъ, да выборные люди
И весь народъ Московскій православный,
Мы всѣ пойдемъ молить Царицу (супругу умершаго царя Ѳеодора, сестру Годунова) вновь,
Да сжалится надъ сирою Москвой
И на вѣнецъ благословитъ Бориса.

(Соч. 3—243).

Цари древней Россіи и на престолѣ скучали о тихой монастырской жизни. Въ разбираемомъ сочиненіи есть превосходный разсказъ о царѣ Іоаннѣ Грозномъ и сынѣ его Ѳеодорѣ. Инокъ Чудовскаго монастыря (въ Москвѣ) Пименъ говоритъ послушнику Григорію:

Подумай, сынъ, ты о Царяхъ великихъ:
Кто выше нихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто. А что же? Часто
Златый вѣнецъ тяжелъ имъ становился:
Они его мѣняли на клобукъ.
Царь Іоаннъ (Грозный) искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
Кромѣшники (опричники, особаго рода тѣлохранители)
въ тафьяхъ (родъ скуфьи) и власяницахъ
Послушными являлись чернецами,
А Грозный Царь игумномъ богомольнымъ.

(Соч. 3—251).

Однажды Грозный говоритъ монахамъ:

«Отцы мои, желанный день прійдетъ:
Предстану здѣсь (т. е. въ монастырѣ) алкающій спасенья;
Прійду къ вамъ, преступникъ окаянный,
И схиму здѣсь честную восприму».
Такъ говорилъ державный Государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
Да снисшлетъ Господь любовь и миръ
Его душѣ, страдающей и бурной.
А сынъ его Ѳеодоръ? На престолѣ
Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ Царскіе чертоги
Преобратилъ въ молитвенную келью:
Тамъ тяжкія, державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе Царя,

И Русь при немъ во славѣ безмятежной
Утѣшилась.

(Соч. Пушк. 3—252).

И Борисъ Годуновъ передъ смертью принялъ схиму, т. е. высшій обѣтъ иноческой жизни: то же сдѣлалъ и Іоаннъ Грозный, жившій прежде его.

Въ старину святая вѣра была главною заботою всего Русскаго народа—отъ царя до послѣдняго раба. Годуновъ говоритъ у Пушкина своему сыну:

Со строгостью храни Уставъ церковный;
Будь молчаливъ! не долженъ Царскій голосъ
Въ воздухѣ теряться по пустому;
Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать
Велику скорбь или великій праздникъ.

(Соч. Пушк. 3—326).

Царицы постригались въ монашество по смерти своихъ супруговъ-царей. Такъ поступила жена царя Ѳеодора Іоанновича.

Старинные наши монастыри были не только обителями мира и тишины, но служили въ то же время мѣстами образованности. Старецъ Пименъ велъ лѣтопись, т. е. такое сочиненіе, въ которомъ записывалъ, не мудрствуя лукаво, все то, чему свидѣтелемъ онъ былъ въ жизни:

Войну и миръ, управу Государей,
Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчества и знаменья небесны.

(Соч. Пушк. 3—255).

Писали иноки свои лѣтописи,—эти драгоцѣнные ма-

теріалы для изученія исторіи,—съ благочестивою цѣлію. Лѣтописецъ Пименъ говоритъ:

Не даромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безыменный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
И, пыль вѣковъ отъ хартій (т. е. древнихъ рукописей) отряхнувъ,
Правдивыя сказанія перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ Царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро—
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.

(Соч. Пуш. 3—248).

Самая главная мысль сочиненія Пушкина «Борисъ Годуновъ» заключается въ томъ, что царская власть должна быть неприкосновенна. «Не прикасайтеся помазанному моему», написано на часовнѣ у Лѣтняго Сада, въ Петербургѣ, — эти священныя слова, съ которыми прожила наша Русь цѣлые вѣка, сами собою слагаются въ мысляхъ, когда мы со вниманіемъ прочтемъ «Бориса Годунова», сочиненіе Пушкина. Бояринъ Борисъ Годуновъ дерзнулъ коснуться царской власти, на которую онъ не имѣлъ права, — такъ какъ оно принадлежало сыну царя Іоанна Грознаго, царевичу Димитрію, жившему со своею матерью въ Угличѣ, — дерзнулъ, говорю, коснуться этой власти, неприкосновенной для подданнаго, и — страшныя бѣдствія обрушились на него, на

его родъ и на всю Русскую землю... Самъ Борисъ Годуновъ, будучи человѣкомъ образованнымъ, помышлявшимъ о заведеніи на Руси высшаго учебнаго заведенія (университета), искалъ спасенія у колдуновъ отъ постоянныхъ угрызеній въ совѣсти. Совѣсть терзала несчастнаго царя:

Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть;
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобою, надъ темной клеветою;
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелося,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ упрекомъ,
И все тошнитъ, и голова кружится,
И мальчики кровавые въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста.

(Соч. Пушк. 3—259).

Изъ-за нечистой совѣсти царя Бориса страдало все его семейство. Единственная дочь царя Ксенія лишилась любимаго жениха; сынъ Бориса Ѳеодоръ былъ убитъ, его жена умерщвлена возмутившимся народомъ; народъ проклиналъ цареубійцу и всѣ свои бѣдствія (голодъ, пожары) приписывалъ злодѣянію Бориса; его обвиняли въ отравленіи царя Ѳеодора Іоанновича; самъ Борисъ Годуновъ внезапно умеръ, когда принималъ пословъ иноземныхъ; войско ему измѣнило и перешло на сторону врага; пришелъ ложный царь, облеченный именемъ Царе-

вича Димитрія и воцарился на Москвѣ... «Не прикасайтеся помазанному моему!»... Эта Божественная мысль начертана на всей Русской жизни...

Отъ древней нашей исторіи поэтъ переноситъ насъ своими произведеніями въ исторію новую, ко временамъ Петра Великаго и Императрицы Екатерины II.

О царѣ Петрѣ Великомъ Пушкинъ говоритъ въ слѣдующихъ своихъ стихотвореніяхъ: «Стансы» (напис. 22 дек. 1826 г.), «Полтава» (—1828 г.), «Мѣдный Всадникъ» (—1833 г.) и «Пиръ Петра Перваго (—1835 г.).

Стихотвореніе «Стансы» представляетъ краткую, но выразительную исторію царствованія Петра Великаго. Стихотвореніе небольшое: прочтемъ нѣсколько строкъ изъ него:

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дней Петра
Мрачили мятежи и казни.
Но правдой Онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ Нимъ отличенъ Долгорукой.
Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.
То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.
(Соч. Пушк. 1—354).

Вотъ вамъ въ немногихъ строкахъ главныя страницы

изъ исторіи Великаго Государя, преобразователя, пересоздателя Россіи. Въ началѣ царствованія его были мятежи. Стрѣльцы,—такъ называлось строевое войско, образованное до Петра I,—стрѣльцы задумали низвергнуть Петра съ престола и возвести на его мѣсто царевну Софію, сестру Петра. Петръ смирилъ ихъ строгими мѣрами. Строгія мѣры ужаснули Русскій народъ, но «правдой» Государь «привлекъ сердца». Правду любилъ Царь Петръ. Гнѣвный взоръ его немедленно смягчался, лишь подданный говорилъ, что онъ за правое дѣло вступается. Доказательство тому—князь Яковъ Ѳеодоровичъ Долгорукій, о которомъ Пушкинъ говоритъ въ стихотвореніи «Стансы». Этотъ смѣлый князь не побоялся уничтожить указъ Петра Великаго, несправедливостію исполненный. Государь не только не прогнѣвался на смѣлый поступокъ своего подданнаго, но даже еще сильнѣе привязался къ Долгорукову, котораго называлъ «дядею Яковомъ» и всегда спрашивалъ *его* мнѣнія, когда хотѣлъ рѣшать какое-нибудь важное дѣло... «Но нравы укротилъ наукой», говоритъ Пушкинъ въ стихотвореніи «Стансы». Тутъ въ одной строкѣ содержатся указанія на всѣ заботы Государя о просвѣщеніи народа.—«Смѣло сѣялъ просвѣщенье», говоритъ поэтъ. Здѣсь надо разумѣть тѣ рѣшительныя мѣры, которыя принималъ Государь для развитія ученія въ своемъ народѣ: во-первыхъ—тотъ строгій указъ, который запрещалъ молодымъ дворянамъ жениться, если они не будутъ учиться; во-вторыхъ—тотъ грозный указъ, который отдавалъ въ военную службу дѣтей духовныхъ лицъ, если они уклонялись отъ посѣщенія заведенныхъ тогда школъ. Въ слѣдующихъ четырехъ строкахъ помянутаго стихотворенія «Стансы» указывается на

разнообразную и неутомимую дѣятельность Государя Петра Алексѣевича:

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Учить наизусть, наизусть надо всѣмъ намъ учить подобные стихи и отъ нихъ брать урокъ, какъ въ немногихъ словахъ высказывать многое. «То академикъ»: это значитъ, что Императоръ Петръ Первый былъ ученымъ человѣкомъ въ самомъ высокомъ смыслѣ: онъ *первый* изъ Государей Русскихъ основалъ Академію Наукъ въ Россіи, т. е. высшее ученое общество, которое должно совершенствовать науки, дарующія государству разныя блага.—«То герой»: это значитъ, что Петръ I-й былъ мужественнымъ и храбрымъ воиномъ на полѣ битвы. Подъ Полтавою въ сраженіи (1709 г.) съ Карломъ XII-мъ, Шведскимъ королемъ, онъ бросался въ самый огонь,— его шляпа и сѣдло были прострѣлены вражьею пулею,— а передъ Полтавской битвою онъ отдалъ слѣдующій приказъ по арміи своей, показывающій истиннаго героя въ Государѣ нашемъ:

«Воины! Вотъ пришелъ часъ, который рѣшитъ судьбу Отечества. И такъ не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за Государство, Петру врученное, за родъ свой, за Отечество, за Православную нашу вѣру и церковь.—Не должна васъ также смущать слава непріятеля, будто-бы непобѣдимаго, которой ложь вы сами своими побѣдами надъ нимъ неоднократно доказали. Имѣйте въ сраженіи предъ очами вашими правду и Бога,

поборающаго по васъ.—А о Петрѣ вѣдайте, что Ему жизнь его не дорога, только бы жила Россія въ блаженствѣ и славѣ, для благосостоянія вашего». (Рус. Арх. 1871, стр. 186). Героемъ Государь былъ на войнѣ, героемъ онъ былъ и въ частной своей жизни. Бури морскія другихъ устрашали, а онъ не боялся ихъ. Не боялся онъ ничего: ни воды, ни огня. Передъ кончиною своею онъ около деревни Лахты (близъ Петербурга) сошелъ по поясъ въ воду, спасая жизнь матросовъ; въ крещенье, во время оттепели, онъ, дѣлая смотръ своей гвардіи, стоялъ болѣе получаса на Невѣ, на льду, поверхъ котораго бѣжала вода. Его поддерживала любовь къ своему народу, любовь безпримѣрная, отъ вѣковъ неслыханная. Его поддерживалъ и укрѣплялъ постоянный трудъ. «На тронѣ вѣчный былъ работникъ». Сладкія слова! Великія слова! Истинныя слова!

Въ пять часовъ утра Петръ уже былъ на работѣ; сидя на мачтѣ, принималъ донесенія иноземныхъ пословъ; самъ на заводахъ носилъ бревна на плечахъ, самъ тачалъ сапоги, плелъ лапти, ковалъ желѣзо. «Видишь, братецъ, сказалъ однажды Петръ своему приближенному Неплюеву, — я и царь, да у меня на рукахъ *мозоли*». Великую истину сказалъ Пушкинъ въ своихъ стихахъ, что Петръ «на тронѣ вѣчный былъ работникъ».

Еще въ трехъ стихотворныхъ произведеніяхъ говоритъ Пушкинъ о Петрѣ Великомъ: «Полтава», «Мѣдный Всадникъ» и «Пиръ Петра Перваго». Первое стихотворное сочиненіе «Полтава», состоящее изъ трехъ частей (пѣсенъ), знакомитъ насъ съ однимъ изъ самыхъ главныхъ событій царствованія Петра I-го. Тутъ говорится о войнѣ Петра съ Карломъ XII-мъ, королемъ Шведскимъ. Оба

Государя — и Русскій Петръ и Шведскій Карлъ XII-й — стоили другъ друга. Оба были храбры и пренебрегали опасностію. Наканунѣ сраженія подъ Полтавою (1709 г.) Карлъ XII-й былъ раненъ, но не оставилъ поля бит вы онъ велѣлъ носить себя на перекрещенныхъ пикахъ передъ войскомъ и все руководилъ битвою. Пушкинъ такъ описываетъ Карла во время Полтавскаго сраженія:

И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился;
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился,
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На Русскихъ двинулъ онъ полки.
И съ ними Царскія дружины
Сошлись въ дыму, среди равнины —
И грянулъ бой, Полтавскій бой!

(Сочин. Пушк. 2—259).

Таковъ былъ Карлъ XII-й во время Полтавской битвы! Посмотрите теперь, какимъ героемъ, какимъ отважнымъ героемъ и какимъ въ то же время благочестивымъ человѣкомъ былъ при Полтавѣ нашъ Царь-богатырь. Мы прочтемъ по Пушкину о Петрѣ Великомъ подъ Полтавою, потому что лучше Пушкина никто въ Россіи не могъ доселѣ разсказать про это славнѣйшее событіе въ исторіи нашего отечества. Слушайте!

И Царь туда жъ (подъ Полтаву) помчалъ дружины;
Онѣ какъ буря притекли —
И оба стана средь равнины
Другъ друга хитро облегли:
И злобясь видитъ Карлъ могучій
Ужъ не разстроенныя тучи
Несчастныхъ Нарвскихъ *) бѣглецовъ,
А нить полковъ блестящихъ, стройныхъ,
Послушныхъ, быстрыхъ и спокойныхъ,
И рядъ незыблемый штыковъ.

(Сочин. Пушк. 2—253).

Подошелъ часъ грозной и рѣшительной битвы:

Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
«За дѣло, съ Богомъ!» Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ;
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь какъ Божія гроза
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ,
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могущимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки,
Равняясь строятся полки,
Молчитъ музыка боевая.

*) Подъ Нарвою Карлъ разбилъ Русскихъ на голову 1700 г.

На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се—равнину оглашая,
Далече грянуло *ура*:
Полки увидѣли Петра.
И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова —
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ (т. е. Меньшиковъ).

Самый бой Полтавскій Пушкинъ описываетъ такъ:

Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, Русскій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ.
Бой барабанный, клики, скрежетъ.
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ!
Ура! мы ломимъ; гнутся Шведы.

О славный часъ! о славный видъ!
Еще напоръ — и врагъ бѣжитъ;
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась
Какъ роемъ черной саранчи.
(Сочин. Пушк. 2–257 и 261).

Побѣдилъ Петръ своего «непобѣдимаго» врага. «Непобѣдимые господа Шведы скоро хребетъ свой показали (говоритъ самъ Петръ своимъ простымъ языкомъ), и отъ нашихъ войскъ вся непріятельская армія весьма опрокинута».

Посмотрите теперь, какъ онъ ласкаетъ своихъ плѣнниковъ!

Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его.
И Царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.
(Сочин. Пушк. 2—262).

Хорошо читать подобные стихи. «Добрыя чувства» они пробуждаютъ въ человѣкѣ. Поневолѣ благоговѣніе возбуждается къ великому Государю, преобразователю нашего отечества. Это благоговѣніе усиливается, когда читаешь въ той же «Полтавѣ» объ отношеніяхъ Петра къ несчастнымъ людямъ—Кочубею и Искрѣ, которые невинно пострадали за свое отечество. Кочубей былъ главнымъ судьею въ Малороссіи, а Искра — полковникомъ,

товарищемъ Кочубея. Кочубей, видя замыселъ гетмана (главнаго начальника Малороссіи) Мазепы, задумавшаго измѣнить Петру во время войны его съ Карломъ, извѣстилъ Государя объ измѣнѣ; полковникъ Искра помогалъ Кочубею обнаружить замыселъ Мазепы. Хитрый гетманъ умѣлъ оправдаться передъ царемъ, указывая на свою прежнюю вѣрную службу —

И съ кровожадными слезами,
Въ холодной дерзости своей,
Ихъ казни требуетъ злодѣй.

(Соч. Пушк. 2—229).

Казнь была совершена. Кочубей и Искра погибли на плахѣ. Невинность ихъ открылась при Полтавѣ, когда Мазепа вмѣстѣ съ Карломъ XII-мъ обнажилъ мечъ противъ своего Государя...

Кто опишетъ
Негодованье, гнѣвъ Царя?
Гремитъ анаѳема въ соборахъ;
Мазепы ликъ (куклу) терзаетъ катъ (палачъ).

(Соч. Пушк. 3—252).

Но слушайте дальше:

Съ бреговъ пустынныхъ Енисея (большая рѣка въ Сибири)
Семейства Искры, Кочубея
Поспѣшно призваны Петромъ.
Онъ съ ними слезы проливаетъ;
Онъ ихъ ласкаяя осыпаетъ
И новой честью, и добромъ.

(Соч. Пушк. 3—253).

Прахъ невинныхъ страдальцевъ Петръ велѣлъ похоронить съ почестями въ Кіевской Лаврѣ.

Сохранилася могила,
Гдѣ двухъ страдальцевъ прахъ почилъ:
Межъ древнихъ праведныхъ могилъ
Ихъ мирно Церковь пріютила.

(Соч. Пушк. 2—267).

Сочиненіе Пушкина «Полтава» напоминаетъ намъ, повторяю, величайшее событіе изъ исторіи нашего отечества — борьбу Петра I съ Карломъ XII-мъ, окончившуюся совершеннымъ пораженіемъ Шведскаго короля.

Была та смутная пора,
Когда Россія молодая,
Въ бореньяхъ силы напрягая,
Мужала съ геніемъ Петра.
Суровый былъ въ наукѣ славы
Ей данъ учитель.

(Соч. Пушк. 2—218).

Не одинъ урокъ кровавый задалъ ей Шведъ «непобѣдимый».

Но въ искушеньяхъ долгой кары,
Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ (молотокъ),
Дробя стекло, куетъ булатъ.

(Соч. Пушк. 2—218).

Русь окрѣпла ко времени борьбы съ Карломъ XII-мъ подъ Полтавой. Шведскій король былъ разбитъ: онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ Мазепою къ предѣламъ Турціи.

Въ концѣ «Полтавы» Пушкинъ задаетъ вопросъ: что осталось черезъ сто лѣтъ отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей?

Ихъ поколѣнье миновалось—
И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ
Усилій, бѣдствій и побѣдъ.
Въ гражданствѣ (гражданской жизни) сѣверной державы,
Въ ея воинственной судьбѣ,
Лишь ты воздвигъ, Герой Полтавы,
Огромный памятникъ себѣ.

(Соч. Пушк. 2—266).

Памятникъ, т. е. постоянную память по себѣ оставилъ Петръ I-й своими великими дѣяніями во всемъ государствѣ Русскомъ и въ сердцѣ каждаго мыслящаго Русскаго человѣка.

Стихотворная повѣсть «Мѣдный Всадникъ» переноситъ насъ къ тому времени, когда появилась у Царя Петра Перваго мысль построить городъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь красуется Петербургъ. Когда вы*) будете читать «Мѣдный Всадникъ», вамъ ясно представится поразительная картина: дремучій лѣсъ или «тьма лѣсовъ», не пропускающая лучей солнца,—болота топучія или «топь блатъ»,—широкая рѣка съ бѣднѣйшими избами «убогаго Чухонца» по мшистымъ берегамъ. Но лучше мы прочтемъ, какъ Пушкинъ описываетъ ту печальную мѣстность, гдѣ нынѣ цвѣтетъ наша сѣверная столица, «полночныхъ странъ краса и диво».

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ Нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ

*) Напоминаемъ еще разъ, что настоящій трудъ былъ писанъ для чтенія *народу*.

По ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго Чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.
И думалъ Онъ:
«Отсель грозить мы будемъ Шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ—
И запируемъ на просторѣ.

(Соч. Пушк. 2—303 и 304).

Вчитайтесь въ эти простыя, но прекрасныя строки: вы поймете ту твердость характера Государя, съ которою онъ побѣждалъ самую природу. «Природой *здѣсь* намъ суждено въ Европу прорубить окно», — и, дѣйствительно, прорубилъ Петръ Первый «окно» въ Европу своею волею, одною своею желѣзною, ни передъ чѣмъ не уступающею, волею. Нева есть окно въ Европу. Волга — матушка вела насъ въ море Хвалынское (Каспійское тожъ), а за нимъ — Азія, страна мрака и сна.

Родъ людской тамъ спитъ глубоко
Ужъ девятый вѣкъ.

(Соч. Лермонтова «Споръ»).

По Невѣ Русскій человѣкъ вступалъ со временъ

Петра I-го въ Финскій заливъ, изъ Финскаго залива онъ шелъ въ Балтійское море: тутъ ужъ Европейскія государства, болѣе насъ образованныя, начинаются: Швеція и Норвегія. Изъ Балтійскаго моря Русскій человѣкъ, желающій просвѣтить свой умъ, приходилъ въ Нѣмецкое море: тутъ онъ видѣлъ Данію, образованнѣйшее государство въ Европѣ, хотя и маленькое, — изъ этого государства наша Цесаревна, супруга Наслѣдника Престола. Въ этомъ маленькомъ государствѣ крестьяне освобождены отъ крѣпостной зависимости въ 1788 году, а университетъ основанъ въ 1478 году; тамъ одинъ неграмотный приходится на девять грамотныхъ; тамъ, при въѣздѣ въ столицу (Копенгагенъ), Русскій человѣкъ увидитъ памятникъ, воздвигнутый народомъ, по общей подпискѣ, въ благодарность за освобожденіе и права, данныя народу королемъ: памятникъ поставленъ въ томъ же 1788 году, когда было уничтожено крѣпостное право. Въ этомъ маленькомъ государствѣ, — куда прорубилъ окно Петръ I, — жили впослѣдствіи два великихъ человѣка, свѣтившихъ своимъ умомъ на весь образованный міръ, сказочникъ Андерсенъ и скульпторъ Торвальдсенъ. Сказочникъ Андерсенъ (род. 1805 г., ум. 1875 г.) прожилъ около 70 лѣтъ, написалъ множество славныхъ сказокъ, которыя съ жадностію читаютъ всѣ просвѣщенные люди; дѣти Русскія не могутъ оторваться отъ нихъ: такъ онѣ хороши! Въ этомъ же маленькомъ государствѣ жилъ знаменитый скульпторъ, т. е. такой мастеръ, который дѣлаетъ статуи изъ разныхъ матеріаловъ. Прекрасныя статуи Торвальдсена (р. 1770, ум. 1844) собраны тамъ, т. е. въ Копенгагенѣ, столицѣ Даніи, въ разныхъ мѣстахъ, а особенно въ одномъ музеѣ, гдѣ, —

слушайте, слушайте! — двадцать одна комната наполнена ими, — и дивится просвѣщенный міръ, изумляется, смотря на произведенія великаго мастера, — а мысли чистыя, а чувства добрыя такъ и роятся, такъ и роятся у каждаго человѣка, вникающаго въ чудеса искусства...

Въ эту образованную страну прорубилъ окно Петръ I-й рѣкою Невою. Поѣдетъ Русскій человѣкъ изъ Нѣмецкаго моря далѣе въ огромнѣйшій океанъ, называемый въ наукѣ Атлантическимъ, онъ плыветъ по каналу, носящему названіе Па-де-Кале, и увидитъ самую «центру» просвѣщенія: Англію съ правой стороны, Францію съ лѣвой стороны; захочетъ онъ въ Германію, къ Нѣмцамъ: тоже можетъ проѣхать по тому же пути, по которому онъ ѣхалъ въ Англію и Францію. Правъ, правъ поэтъ нашъ, вложившій въ уста Петра такія умныя слова: «природой», (т. е. самимъ Богомъ)», «здѣсь», т. е. тамъ, гдѣ теперь Петербургъ, «суждено въ Европу прорубить окно». И до сихъ поръ по этому пути жалуютъ къ намъ бо́льшая часть Европейскихъ гостей, — черезъ это же окно входятъ къ намъ и другія государства и другіе заморскіе народы, напр. Американцы, отдѣленные отъ насъ огромнѣйшимъ океаномъ.

Прошло сто лѣтъ — и юный градъ,
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво:
Гдѣ прежде Финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ,

По оживленнымъ берегамъ,
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами:
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова —
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова.

(Соч. Пушк. 2—304).

Небольшая повѣсть Пушкина, не стихами написанная, подъ названіемъ «Арапъ Петра Великаго» (напис. 1827 г.), знакомитъ насъ съ образомъ жизни Государя въ «Петербургѣ-городкѣ». Подымающійся изъ болотъ и лѣсовъ городъ такъ здѣсь описанъ: «Ибрагимъ (имя Арапа, крестника Петра I-го) съ любопытствомъ смотрѣлъ на новорожденную столицу, которая подымалась изъ болота по манію своего Государя. Обнаженныя плотины, каналы безъ набережной, деревянные мосты, повсюду являли недавнюю побѣду человѣческой воли надъ сопротивленіемъ стихій. Дома́, казалось, на́ скоро построены. Во всемъ городѣ не было ничего великолѣпнаго, кромѣ Невы, неукрашенной еще гранитною рамою, но уже покрытой военными и торговыми судами». (Соч. Пушк. 4—185 и 186). Поэтъ говоритъ о токарной Петра I. «Петръ заперся въ токарнѣ и занялся государственными дѣлами. Онъ по очереди работалъ съ Брюсомъ (ученымъ человѣкомъ того времени, котораго народъ считалъ за про-

рицателя), съ княземъ Долгорукимъ (крутымъ совѣтникомъ своимъ), съ генералъ-полицмейстеромъ Девіеромъ, и продиктовалъ Ибрагиму (бывшему въ токарнѣ съ аспидною доскою) нѣсколько указовъ и рѣшеній. По окончаніи трудовъ, Петръ вынулъ карманную книжку, дабы справиться, все ли имъ предполагаемое на сей день исполнено». (Соч. 4—187). Дѣятельность Петра въ новомъ городѣ была разнообразна. Онъ вставалъ съ зарею, будилъ своего Арапа и начиналъ свою кипучую дѣятельность: «Ибрагимъ видалъ Петра въ Сенатѣ, оспариваемаго Бутурлинымъ и Долгорукимъ, разбирающаго важные запросы законодательства; въ Адмиралтейской Коллегіи, утверждающаго морское величіе Россіи; въ часы отдохновенія видалъ его съ Ѳеофаномъ (архіепископомъ), Гавріиломъ Бужинскимъ (монахъ—морякъ) и Копіевичемъ (лучшій печатникъ того времени), разсматривающаго переводы иностранныхъ публицистовъ (писателей о государственныхъ дѣлахъ), или посѣщающаго фабрику купца, рабочую ремесленника и кабинетъ ученаго. Россія представлялась Ибрагиму огромной мастерскою, гдѣ движутся однѣ машины, гдѣ каждый работникъ, подчиненный заведенному порядку, занятъ своимъ дѣломъ». (Соч. 4—188). Не угодно ли взглянуть, какъ въ новомъ городкѣ Государь принимаетъ иноземныхъ пословъ! Одинъ изъ нихъ говоритъ Ибрагиму: «Государь престранный человѣкъ; вообрази, что я засталъ его въ какой-то холстяной фуфайкѣ, на мачтѣ новаго корабля, куда принужденъ былъ карабкаться съ моими депешами. Я стоялъ на веревочной лѣстницѣ и не имѣлъ довольно мѣста, чтобы сдѣлать приличный реверансъ (поклонъ) и совершенно замѣшался. Однакожъ, Государь, прочитавъ бу-

маги, посмотрѣлъ на меня съ головы до ногъ...; улыбнулся и позвалъ меня на сегодняшнюю ассамблею». (Соч. 4—190).

Что такое «ассамблея?» Это слово вамъ непремѣнно надо знать, чтобы имѣть понятіе объ увеселеніяхъ Петра I въ новомъ городѣ, выросшемъ «изъ тьмы лѣсовъ и топи блатъ». Самое простое и правдивое описаніе этихъ «нововведенныхъ игрищъ» (выраженіе Пушкина) мы находимъ въ той же прекрасной повѣсти «Арапъ Петра Великаго». Прочтемъ страницу—другую: «Они (Ибрагимъ и посолъ изъ Парижа) подъѣхали ко дворцу (Царицыну—что нынѣ въ Лѣтнемъ саду, въ Петербургѣ). Множество длинныхъ саней, старыхъ колымагъ и раззолоченныхъ каретъ стояло уже на лугу. У крыльца толпились кучера въ ливреѣ и въ усахъ; скороходы, блистающіе мишурою, въ перьяхъ и съ булавами; гусары, пажи, неуклюжіе гайдуки, навьюченные шубами и муфтами своихъ господъ—свита, необходимая по понятіямъ того времени». (Соч. 4—192). При входѣ въ залу дворца иностранецъ «остолбенѣлъ... Въ большой комнатѣ, освѣщенной сальными свѣчами, которыя тускло горѣли въ облакахъ табачнаго дыма, вельможи съ голубыми лентами черезъ плечо, посланники, иностранные купцы, офицеры гвардіи въ зеленыхъ мундирахъ, корабельные мастера въ курткахъ и полосатыхъ панталонахъ, толпою двигались взадъ и впередъ при безпрерывномъ звукѣ музыки. Дамы сидѣли около стѣнъ; молодыя убраны были со всею роскошью моды. Золото и серебро сіяли на ихъ робахъ (платьяхъ); изъ пышныхъ фижмъ возвышалась, какъ стебель, ихъ узкая талія; алмазы сверкали въ ушахъ, въ длинныхъ локонахъ и около шеи. Онѣ весело повертывались

направо и налѣво, ожидая кавалеровъ и начала танцевъ». Здѣсь были жены и дочери Голландскихъ шкиперовъ; онѣ были одѣты просто «въ канифасныя юбки» и «красныя кофточки», занимались здѣсь же, на ассамблеѣ, вязаньемъ чулокъ, смѣялись и разговаривали «какъ будто дома». «Императрица (Екатерина I) и Великія Княжны, блистая красотою и нарядами, прохаживались между рядами гостей, привѣтливо съ ними разговаривая. Государь былъ въ другой комнатѣ. Тамъ сидѣли большею частію иностранцы, важно покуривая свои глиняные трубки и опоражнивая глиняныя кружки (съ пивомъ). На столахъ разставлены были бутылки пива и вина, кожаные мѣшки съ табакомъ, стаканы съ пуншемъ и шахматныя доски. За однимъ изъ нихъ Петръ игралъ въ шашки съ однимъ Англійскимъ шкиперомъ». (Соч. 4 — 193). На ассамблеяхъ молодежь занималась танцами. Но что это были за танцы?!.. Пушкинъ пишетъ: «Неожиданное зрѣлище поразило (иноземца). Во всю длину танцовальной залы, при звукѣ самой плачевной музыки, дамы и кавалеры стояли въ два ряда другъ противъ друга, кавалеры низко кланялись; дамы еще ниже присѣдали, сперва прямо противъ себя, потомъ поворотясь направо, потомъ налѣво, тамъ опять прямо, опять направо, и такъ далѣе». За нарушеніе порядка, заведеннаго на ассамблеяхъ, полагалось своеобразное наказаніе: виновный «долженъ» былъ «выпить *кубокъ большаго орла*», наполненный мальвазіей. Самъ Государь оставлялъ игру въ шахматы и присутствовалъ при исполненіи этого наказанія, которому подвергались всѣ, безъ различія пола, въ случаѣ провинности противъ порядковъ ассамблеи.

Петръ любилъ работать, любилъ и веселиться. Любилъ свадьбы устраивать. Въ этой же повѣсти говорится, что онъ сосваталъ одну боярышню — красавицу за своего любимаго арапа: самъ пришелъ къ отцу невѣсты, и пришелъ запросто, по домашнему, во время обѣда боярина Гаврилы Аѳанасьевича: «Гаврила Аѳанасьевичъ всталъ поспѣшно изъ-за стола; всѣ бросились къ окнамъ и въ самомъ дѣлѣ увидѣли Государя, который всходилъ на крыльцо, опираясь на плечо своего деньщика. Сдѣлалась суматоха. Хозяинъ бросился на встрѣчу Петра; слуги разбѣгались, какъ одурѣлые; гости перетрусились; иные думали, какъ бы убраться поскорѣе домой». Но Государь ласково успокоилъ всѣхъ. «Что же? я вамъ помѣшалъ? вы обѣдали; прошу садиться опять, а мнѣ, Гаврила Аѳанасьевичъ, дай-ка анисовой водки...» Просьбу Царя хозяинъ исполнилъ. «Петръ сѣлъ подлѣ хозяина и спросилъ себѣ щей. Государевъ деньщикъ подалъ ему деревянную ложку, оправленную слоновою костью, ножикъ и вилку съ зелеными костяными черенками, ибо Петръ никогда не употреблялъ другаго прибора, кромѣ своего». Послѣ обѣда Петръ повелъ хозяина въ гостиную, заперъ дверь и тамъ наединѣ сообщилъ ему о желаніи своемъ женить арапа на дочери Гаврилы Аѳанасьевича. Потомъ, поклонившись гостямъ и хозяевамъ, пошелъ въ переднюю. «Хозяинъ подалъ ему (пишетъ Пушкинъ) красный его тулупъ (дубленый), проводилъ его до саней и на крыльцѣ еще благодарилъ за оказанную честь. Петръ уѣхалъ». (Соч. Пушк. 3—201, 202 и 203).

Простота Петра Великаго, представленная Пушкинымъ въ повѣсти «Арапъ Петра Великаго», производитъ

весьма отрадное дѣйствіе на душу читателя. Невольное уваженіе пробуждается въ ней къ мудрому преобразователю Россіи. Повѣсть «Арапъ Петра Великаго» можетъ быть разсматриваема какъ картинка внутренней, домашней, ежедневной жизни побѣдителя Карла XII-го. На полѣ битвы онъ герой, а здѣсь — онъ обыкновенный смертный, нашъ братъ—Русскій человѣкъ, любящій Русскія сани, Русскія щи, Русскій тулупъ и ходящій съ дубинкою, о чемъ говорится въ этой же повѣсти. По набережной Невы Государь встрѣтилъ своего арапа Ибрагима и говоритъ ему: «я тебя сосваталъ. Завтра поѣзжай къ своему тестю, но смотри, потѣшь его боярскую спѣсь: оставь сани у воротъ, пройди черезъ дворъ пѣшкомъ, поговори съ нимъ о его заслугахъ и знатности—и онъ будетъ отъ тебя безъ памяти.—Теперь, продолжалъ онъ, потряхивая *дубинкою*: заведи меня къ *плуту*-Данилычу, съ которымъ надо мнѣ перевѣдаться за его новыя проказы». (Соч. 4—209).

Мастеръ, великій мастеръ Пушкинъ схватывать черты характера человѣка! Смотрите: онъ заставилъ Петра говорить нашимъ повседневнымъ языкомъ,—простымъ, но выразительнымъ.

Довершеніемъ характеристики Петра Перваго служитъ превосходное стихотвореніе Пушкина «Пиръ Петра Перваго». Эти стихи знакомятъ насъ съ однимъ изъ благороднѣйшихъ качествъ великаго человѣка—его милосердіемъ къ виновному подданному. Въ стихотвореніи Пушкинъ разсказываетъ о какомъ-то блестящемъ пирѣ у царя въ «Петербургѣ-городкѣ»: на судахъ по Невѣ вьются пестрые флаги, раздаются пѣсни гребцовъ, гремитъ музыка, палятъ изъ пушекъ. Поэтъ ищетъ причины такого торжества:

*

Озаренъ ли честью новой
Русскій штыкъ, иль Русскій флагъ?
Побѣжденъ ли Шведъ суровой?
Мира ль проситъ грозный врагъ?
Годовщину ли Полтавы
Торжествуетъ Государь?
Родила-ль Екатерина?
Имянинница-ль она?

Или же въ отнятый край у Шведовъ пришелъ *дѣдушка Русскаго флота*, — тотъ небольшой корабликъ, сдѣланный еще при отцѣ Петра Перваго и починенный Голландскимъ мастеромъ Брантомъ при Петрѣ, въ Москвѣ, — тотъ «Брантовъ утлый ботъ», на которомъ Петръ сначала катался по рѣкѣ Яузѣ въ Москвѣ, потомъ на Переславскомъ озерѣ (Владимірской губ.), а затѣмъ перевезъ его въ Петербургъ и ежегодно чествовалъ пальбою изъ пушекъ, встрѣчая его «всей семьей» другихъ судовъ? Не то, все не то. — Какая же причина торжества Государя?

Въ Царскомъ домѣ пиръ веселой;
Рѣчь гостей хмѣльна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Слушайте, внимательно слушайте причину торжества Царя:

Онъ съ подданнымъ мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пѣнитъ съ нимъ одну;
И въ чело его цѣлуетъ,
Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ:

И *прощенье* торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ.
(Соч. Пушк. 1—518).

Это стихотвореніе вошло во многіе учебники, по которымъ учатся дѣти наши въ школахъ. Счастливы дѣти, которымъ учителя даютъ для заучиванія наизусть подобные стихи! Дѣти еще въ школахъ воспитываютъ въ себѣ чувство любви къ Государямъ своимъ, украшавшимъ славою святую Русь! Слава и поэту, который можетъ сказать о себѣ, что онъ «пробуждаетъ *добрыя чувства*» своими стихами! Пушкинъ въ стихотвореніи своемъ «Памятникъ» сказалъ:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ.

Лирой, т. е. стихами своими. И не одно стихотвореніе «Пиръ Петра Перваго» пробуждаетъ добрыя чувства. Эти добрыя чувства возбуждаются многочисленными произведеніями нашего знаменитаго поэта. Надо только почаще вчитываться въ нихъ...

Жизнь Петра Великаго и его царствованіе Пушкинъ изучалъ съ особенною любовію. Онъ хотѣлъ написать полную исторію его царствованія; съ этою цѣлію онъ испросилъ у правительства разрѣшеніе посѣщать государственные архивы, гдѣ о Петрѣ Великомъ собрано многое множество драгоцѣнныхъ бумагъ. Пушкинъ рылся въ этихъ бумагахъ, часто приходилъ въ архивъ пѣшкомъ съ Черной рѣчки (въ Петербургѣ), гдѣ онъ лѣтомъ жилъ. Мысль объ исторіи Петра Великаго занимала его всю жизнь.

Изучая матеріалы для исторіи Петра Великаго, Пуш-

кинъ полюбилъ другое, не менѣе славное, царствованіе Императрицы Екатерины II-й. О царствованіи Екатерины II Пушкинъ говоритъ въ слѣдующихъ своихъ произведеніяхъ: «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» — два стихотворенія: одно написано 1829 г., а другое—1815 г., «Исторія Пугачевскаго бунта» (напис. 1833 г.) и «Капитанская Дочка» (напис. 1833 г.).

Вѣкъ Императрицы Екатерины II — вѣкъ великихъ именъ, громкихъ побѣдъ. У Петра Перваго были «птенцы»,—такъ выразительно называетъ Пушкинъ сотрудниковъ Петра Великаго: Шереметева, Меньшикова и другихъ,—а Екатерина II-я имѣла уже «орловъ»: опять выраженіе нашего поэта. Екатерина II окружена была «стаею» орловъ, т. е. многихъ главныхъ пособниковъ ея царствованія: они летали какъ *орлы* побѣждать враговъ Ея. Въ стихотвореніи «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ», написанномъ 1829 года, Пушкинъ ведетъ своихъ читателей въ сады Царскаго Села,—городъ въ 25 верстахъ отъ Петербурга,—гдѣ самъ поэтъ воспитывался. Онъ съ нѣжностію, съ благодарностію вспоминаетъ мѣсто своего воспитанія и царскосельскіе сады, «этотъ благословенный пріютъ», гдѣ и теперь еще стоитъ зданіе «Лицей»,—нѣкогда учебное заведеніе, воспитавшее многихъ именитыхъ мужей нашего отечества:

Вновь нѣжнымъ отрокомъ, то пылкимъ, то лѣнивымъ,
Мечтанья смутныя въ груди моей тая,
Скитался по лугамъ, по рощамъ молчаливымъ...
Поэтомъ... забывался я!
И славныхъ лѣтъ, передо мною
Являлись вѣчные слѣды:
Еще исполнены Великою Женою (т. е. Императрицею Екатериною II)

Ея любимые сады
Стоятъ населены чертогами, столпами,
Гробницами друзей, кумирами боговъ,
И славой мраморной, и мѣдными хвалами
Екатерининыхъ орловъ!
Садятся призраки героевъ
У посвященныхъ имъ столповъ;
Глядите: вотъ герой, стѣснитель ратныхъ строевъ,
Перунъ Кагульскихъ береговъ!
Вотъ, вотъ могучій вождь полунощнаго флага,
Предъ кѣмъ морей пожаръ, и плавалъ, и леталъ!
Вотъ вѣрный братъ его, герой Архипелага,
Вотъ Наваринскій Ганнибалъ!
(Соч. Пушк. 1—423).

Понять, понять надо эти прекрасныя строки, чтобы вполнѣ насладиться имъ.

«Перунъ Кагульскихъ береговъ!». Тутъ разумѣется графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ, разбившій при рѣкѣ Кагулѣ (притокъ Дуная съ лѣвой стороны, въ Молдавіи) въ 1770 г. сто пятьдесятъ тысячъ Турокъ съ семнадцатью тысячами Русскихъ, слѣдствіемъ чего было взятіе Букареста, Измаила, Киліи, Браилова и покореніе всего лѣваго берега Дуная. «Перунъ», т. е. сокрушитель, подобно молніи и грому обрушившійся на Турокъ.

Вотъ, вотъ могучій вождь полунощнаго флага,
Предъ кѣмъ морей пожаръ, и плавалъ, и леталъ!

Это графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, другой «орелъ» временъ Екатерины, уничтожившій въ 1770 г., при Чесмѣ (у береговъ такъ называемой Малой Азіи, близъ острова Хіоса) Турецкій флотъ и названный потому «Орловъ-Чесменскій».

«Вотъ вѣрный братъ его, герой Архипелага!»

Здѣсь разумѣется братъ графа Алексѣя Орлова, графъ Ѳедоръ Григорьевичъ Орловъ, который дѣйствовалъ со славою противъ Турокъ въ Архипелагѣ, т. е. въ томъ со многими островами морѣ, которое окружаетъ Грецію съ восточной ея стороны.

«Вотъ Наваринскій Ганнибалъ!» Наваринъ—укрѣпленный портовый городъ въ Греціи на юго-западномъ берегу. Здѣсь Иванъ Абрамовичъ Ганнибалъ, дѣдъ Пушкина по матери, отличился въ Турецкую войну вмѣстѣ съ Орловыми. Предъ нимъ

Средь гибельныхъ пучинъ
Громада кораблей вспылала
И палъ впервые Наваринъ.
(Соч. Пушк. 1—467).

Императрица Екатерина II воздвигла въ Царскомъ Селѣ памятникъ Румянцеву, Орлову-Чесменскому, брату его—Ѳеодору Григорьевичу и Ивану Абрамовичу Ганнибалу.

Восхваляетъ Пушкинъ еще одного «сѣдаго орла» временъ Екатерины II, адмирала Мордвинова. Онъ, новый Яковъ Долгорукій, любилъ правду и твердо стоялъ за нее.

Въ совѣтахъ недвижимъ у мѣста своего.
Стоишь ты, новый Долгорукій,

«Сіяя» въ то же время, «доблестью, и славой, и наукой». Онъ берегъ царскую казну, какъ неоцѣненное сокровище:

Одинъ на рамена подъявши мощный трудъ,
Ты зорко бодрствуешь надъ Царскою казною!

Вдовицы бѣдный лептъ, и дань Сибирскихъ рудъ
Равно священны предъ тобою....
(Соч. Пушк. 1—586).

Вѣкъ Екатерины II былъ вѣкомъ громкихъ побѣдъ и знаменитыхъ мужей. Это правда! Но въ то же время онъ былъ вѣкомъ тяжкихъ государственныхъ потрясеній. При ней поднялся Емельянъ Пугачевъ, казакъ съ Дону. Принявъ на себя имя умершаго Императора Петра III-го, мужа Екатерины II, онъ возмутилъ Россію отъ Сибири до *Москвы* и отъ Кубани (у Кавказа) до Муромскихъ лѣсовъ (Влад. губерніи); шайки его наполняли губерніи Нижегородскую, Воронежскую и Астраханскую. Пушкинъ подробнымъ образомъ описалъ это печальное событіе, бывшее 1773 — 1774 годахъ въ отдѣльномъ сочиненіи «Исторія Пугачевскаго бунта» (напис. 1833 г.). Тутъ просто и ясно разсказано, какъ Пугачеву сдавались одинъ городъ за другимъ, какъ онъ появился за Волгою и навелъ смятеніе на всѣхъ. Преслѣдуемый войсками, вѣрными Императрицѣ, Пугачевъ бѣжалъ, но «бѣгство его, говоритъ Пушкинъ, — «казалось нашествіемъ. Никогда успѣхи его не были ужаснѣе, никогда мятежъ не свирѣпствовалъ съ такою силою. Возмущеніе переходило изъ одной деревни къ другой, отъ провинціи къ провинціи. Довольно было появленія двухъ или трехъ злодѣевъ, чтобъ взбунтовать цѣлыя области. Составлялись отдѣльныя шайки грабителей и бунтовщиковъ, и каждая имѣла у себя своего Пугачева»... (Соч. Пуш. т. 6, стр. 97). Время было ужасное. «Народъ не зналъ, кому повиноваться, — пишетъ Пушкинъ. «На вопросъ: кому вы вѣруете — Петру Ѳедоровичу или Екатеринѣ Алексѣевнѣ? мирные люди не смѣли отвѣчать, не зная, какой

сторонѣ принадлежали вопрошатели». (Соч. 6—105). Екатерининскіе орлы долго не могли сладить съ этимъ «вороненкомъ», какъ назвалъ самъ себя Пугачевъ передъ лицемъ главнокомандующаго графа Панина (т. 6, стр. 111). Вожди того времени—Бибиковъ, Михельсонъ, гр. Панинъ, даже Суворовъ призваны были уничтожить бунтъ; Михельсонъ, главный подавитель мятежа, застигнулъ Пугачева во ста шести верстахъ отъ города Царицына; Пугачевъ былъ выданъ своими же приближенными, а Суворовъ сторожилъ ночью ту желѣзную клѣтку, въ которую былъ заключенъ бунтовщикъ.

Сочиненіе Пушкина «Исторія Пугачевскаго бунта», занимающее собою цѣлую книгу въ его сочиненіяхъ, написано очень просто, очень понятно. Простота рѣчи есть отличительное достоинство сочиненій Пушкина, особенно тѣхъ, которыя не стихами написаны. Пушкинъ писалъ, какъ говорилъ. Онъ учился простотѣ рѣчи у простыхъ людей, у народа. На базарѣ прислушивался, какъ говорятъ Московскія просвирни. «Разговорный языкъ простаго народа (слова Пушкина) достоинъ глубочайшихъ изслѣдованій. Не худо намъ иногда прислушиваться къ московскимъ просвирнямъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ». (Соч. 4—70).

Такимъ же простымъ языкомъ, для всякаго грамотнаго и неграмотнаго понятнымъ, написана превосходная повѣсть Пушкина «Капитанская Дочка», тоже относящаяся, по своему содержанію, ко временамъ Екатерины II. Повѣсть представляетъ намъ величіе простыхъ людей. Поэтъ и здѣсь разсказываетъ о Пугачевскомъ бунтѣ, но обращаетъ особенное вниманіе на нравы, на внутреннюю жизнь того времени, когда было Пугачевское возмущеніе. Выведенъ тутъ капитанъ одной изъ Оренбургскихъ крѣпостей, по имени Иванъ, по отчеству Кузмичъ, по фамиліи Мироновъ, простакъ, совсѣмъ простакъ. Онъ учитъ солдатушекъ на площади, а самъ въ халатѣ; онъ имѣетъ для защиты крѣпости (а попросту деревушки) одну пушченку, да и та набита тряпочками, камешками, щепками, бабками и соромъ всякаго рода (соч. Пушк. 4—476); его супруга, Василиса Егоровна, была тоже простая—препростая женщина: она заставляла офицера держать, распяливъ на рукахъ, нитки, когда разматывала ихъ; она распоряжалась служебными дѣлами мужа и велѣла отвести офицера на постой къ тому хозяину, который лошадь свою пустилъ къ ней въ огородъ. Эти простые люди явились великими въ минуту опасности для государства; они рѣшились лучше погибнуть,—и дѣйствительно погибли,—чѣмъ измѣнить присягѣ. Явился Пугачевъ въ Бѣлогорскую крѣпость, гдѣ былъ комендантомъ названный выше капитанъ. «Близость опасности, — будемъ говорить выразительно-простымъ языкомъ Пушкина,—близость опасности одушевляла стараго воина бодростью необыкновенною... Капитанъ обошелъ свое войско (всего и было 130 человѣкъ), говоря солдатамъ: «Ну, дѣтушки, постоимъ сегодня за матушку Государыню и докажемъ всему свѣту, что мы люди бравые и присяжные!» (Соч. 4 — 485). Пугачевъ стоялъ около крѣпости. «Ну, ребята», сказалъ комендантъ: «теперь отворяй ворота, бей въ барабанъ. Ребята! впередъ, на вылазку, за мною!» Комендантъ и два офицера мигомъ очутились за крѣпостнымъ валомъ, но оробѣлый гарнизонъ не тронулся. «Что жъ вы, дѣтушки, стоите? закричалъ Иванъ Кузмичъ. «Умирать,

такъ умирать, дѣло служивое!» (Соч. 4—489). Голосъ капитана былъ безсиленъ. Пугачевъ вошелъ въ крѣпость. Ему начали присягать при трепещущемъ отцѣ Герасимѣ, но капитанъ... Опять лучше будемъ говорить простымъ словомъ нашего поэта: «Который комендантъ?» спросилъ самозванецъ. Урядникъ выступилъ изъ толпы и указалъ на Ивана Кузмича. Пугачевъ грозно взглянулъ на старика и сказалъ ему: «Какъ ты смѣлъ противиться мнѣ, своему Государю?» Комендантъ, изнемогая отъ раны, собралъ послѣднія силы и отвѣчалъ твердымъ голосомъ: «Ты мнѣ не государь; ты воръ и самозванецъ, слышь ты!» Пугачевъ мрачно нахмурился и махнулъ бѣлымъ платкомъ... Черезъ минуту капитана повѣсили. (Соч. 4—490). Капитанъ неустрашимымъ явился передъ лицемъ смерти. Неустрашимою же, подобно мужу своему, явилась и капитанша. «Батюшки мои!» кричала бѣдная старушка. «Отпустите душу на покаяніе. Отцы родные, отведите меня къ Ивану Кузмичу». Вдругъ она взглянула на висѣлицу и узнала своего мужа. «Злодѣи!» закричала она въ изступленіи. «Что это вы съ нимъ сдѣлали? Свѣтъ ты мой, Иванъ Кузмичъ, удалая солдатская головушка! не тронули тебя ни штыки Прусскіе, ни пули Турецкія; не въ честномъ бою положилъ ты свой животъ, а сгинулъ отъ бѣглаго каторжника!»—«Унять старую вѣдьму!» сказалъ Пугачевъ. (Соч. 4—492). Старуху уняли: ее разрубили саблею...

Каковы родители, такова была и дочь ихъ Марья Ивановна. Она-то и есть «Капитанская Дочка», давшая названіе повѣсти. Капитанская дочка усвоила себѣ неустрашимость отъ родителей. Задумавъ оправдать офи-

цера Гринева, суженаго своего, отъ обвиненія въ сообщничествѣ съ Пугачевымъ, она одна, взявъ только слугъ своихъ — Палашку и Савельича, отправилась изъ Симбирской губерніи въ Петербургъ, дабы лично явиться къ Императрицѣ. Она и явилась въ Царское Село, гдѣ была тогда Императрица, пошла въ Царскосельскій садъ, гдѣ Государыня гуляла, говорила съ нею,—но мы опять лучше словами нашего поэта разскажемъ эту замѣчательную бесѣду простой провинціальной дѣвушки съ Великою Государынею, разгромившею Турцію на морѣ и на сушѣ. «Марья Ивановна тихонько пошла въ садъ. Утро было прекрасное; солнце освѣщало вершины липъ, пожелтѣвшихъ уже подъ свѣжимъ дыханіемъ осени. Широкое озеро сіяло неподвижно. Проснувшіеся лебеди важно выплывали изъ-подъ кустовъ, осѣняющихъ берегъ. Марья Ивановна пошла около прекраснаго луга, гдѣ только что поставленъ былъ памятникъ въ честь недавнихъ побѣдъ Графа Петра Александровича Румянцева. Вдругъ бѣлая собачка Англійской породы залаяла и побѣжала ей на встрѣчу. Марья Ивановна испугалась и остановилась. Въ эту самую минуту раздался пріятный женскій голосъ: «Не бойтесь, она не укуситъ». И Марья Ивановна увидѣла даму, сидѣвшую на скамейкѣ противу памятника. Марья Ивановна сѣла на другомъ концѣ скамейки.... Дама первая перервала молчаніе. «Вы вѣрно не здѣшняя?» сказала она. — Точно такъ-съ: я вчера только пріѣхала изъ провинціи. «Вы пріѣхали съ вашими родными?» — Никакъ нѣтъ-съ, я пріѣхала одна. «Одна! Но вы такъ еще молоды.» — У меня нѣтъ ни отца, ни матери. «Вы здѣсь, конечно, по какимъ-нибудь дѣламъ»? — Точно такъ-съ. Я пріѣхала подать просьбу Госуда-

рынѣ. «Вы сирота: вѣроятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?» Никакъ нѣтъ-съ. Я пріѣхала просить милости, а не правосудія. «Позвольте спросить, кто вы таковы?» — Я дочь Капитана Миронова. «Капитана Миронова! того самаго, что былъ комендантомъ въ одной изъ Оренбургскихъ крѣпостей?» —Точно такъ-съ.» Дама, казалось, была тронута.

«Извините меня,» сказала она голосомъ, еще болѣе ласковымъ, «если я вмѣшиваюсь въ ваши дѣла; но я бываю при Дворѣ; изъясните мнѣ, въ чемъ состоитъ ваша просьба, и, можетъ быть, мнѣ удастся вамъ помочь.»

Марья Ивановна почтительно поклонилась и подала просьбу неизвѣстной дамѣ, которая внимательно ее прочитала.

«Вы просите за Гринева?» сказала дама съ холоднымъ видомъ. «Императрица не можетъ его простить. Онъ присталъ къ самозванцу не изъ невѣжества и легковѣрія, но какъ безнравственный и вредный негодяй.»

— Ахъ, неправда! вскрикнула Марья Ивановна.

«Какъ неправда!» возразила дама, вся вспыхнувъ.

— Неправда, ей Богу неправда! Я знаю все, я все вамъ разскажу. Онъ для одной меня подвергался всему, что постигло его. И если онъ не оправдался передъ судомъ, то развѣ потому только, что не хотѣлъ запутать меня.»

Тутъ она съ жаромъ разсказала все».

Черезъ нѣсколько минутъ прислана была за Марьей Ивановной придворная карета. Явилась наша сирота во дворецъ, въ уборную Государыни. «Государыня ласково къ ней обратилась, и Марья Ивановна узнала въ ней ту даму, съ которою такъ откровенно изъяснялась она нѣсколько минутъ тому назадъ. Государыня подозвала ее и сказала съ улыбкой: «Я рада, что могла сдержать вамъ мое слово и исполнить вашу просьбу. Дѣло ваше кончено. Я убѣждена въ невинности вашего жениха. Вотъ письмо, которое сами потрудитесь отвезти къ будущему свекру.»

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакавъ, упала къ ногамъ Императрицы, которая подняла ее и поцѣловала. Государыня разговорилась съ нею. «Знаю, что вы не богаты», сказала она: «но я въ долгу передъ дочерью Капитана Миронова. Не безпокойтесь о будущемъ. Я беру на себя устроить ваше состояніе.»

Обласкавъ бѣдную сироту, Государыня ее отпустила. (Сочин. Пушк. 4—557 и д.).

Этотъ превосходный отрывокъ изъ повѣсти Пушкина «Капитанская Дочка» помѣщается обыкновенно въ учебныхъ книгахъ, назначенныхъ для дѣтей. Пусть наши дѣти почаще читаютъ подобные разсказы о нашихъ добрыхъ Государяхъ! Пусть они, наши дѣти, съ малыхъ лѣтъ научаются, по лучшимъ сочиненіямъ нашихъ писателей, уважать и любить Великую Монархиню Екатерину II-ю. Ея простота, ея доступность бѣдной дѣвушкѣ, ея милосердіе, ея признательность къ подданнымъ, положившимъ животъ свой за нее, вызовутъ у нашихъ дѣтей то чувство благоговѣнія къ Императрицѣ, которое заставило Марью Ивановну пасть къ ногамъ безсмертной Государыни съ горячею слезою благодарности...

А Пушкинъ, нарисовавшій такими плѣнительными чертами Государыню въ повѣсти «Капитанская Дочка», можетъ по праву сказать, еще разъ сказать, о себѣ:

И долго тѣмъ народу буду я любезенъ,
Что *чувства добрыя* я лирой пробуждалъ.

Прекрасныя слова! Истинныя слова!

Вѣку Императора Александра 1-го (царствовалъ отъ 1801 г. по 1825 г.) у Пушкина посвящено не мало произведеній. Читая ихъ, мы видимъ много славныхъ именъ и событій. Императоръ Александръ Благословенный со своими знаменитыми сподвижниками и благодѣтельными на пользу просвѣщенія учрежденіями изображается у Пушкина свѣтлыми чертами. Стихотворенія «Могила Кутузова» (неизвѣстенъ годъ его написанія), «Полководецъ» (напис. 1835 г.), «На возвращеніе Александра I изъ Парижа» (— 1815 г.), «Наполеонъ на Эльбѣ» (—1815 г.), «Наполеонъ» (—1821 г.), «Лицейскія Годовщины»: 19 октября 1825 г., 19 окт. 1827, 19 окт. 1831 г., 19 окт. 1836 годовъ», разныя мѣста въ «Евгеніи Онѣгинѣ», — всѣ эти стихотворенія составляютъ своего рода лѣтопись великихъ именъ и великихъ дѣлъ царствованія Александра I-го.

Стихотвореніе Пушкина «Могила Кутузова» даетъ намъ прекрасное описаніе Казанскаго Собора (въ Петербургѣ), гдѣ покоится прахъ спасителя нашего отечества отъ полчищъ Наполеона I-го.

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой....
Все спитъ кругомъ; однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.

За этимъ, полнымъ правды, описаніемъ храма, слѣ-

дуетъ указаніе на то великое значеніе, которое имѣлъ Кутузовъ въ свое время и теперь имѣетъ:

Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.

(Соч. Пушк. 1—516).

Далѣе слѣдуетъ воспоминаніе о самомъ громкомъ событіи въ жизни знаменитаго вождя, о 1812-мъ годѣ:

Онъ (гробъ Кутузова) намъ твердитъ о той годинѣ,

Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
«Иди, спасай!» Ты всталъ — и спасъ....

Пушкинъ былъ правдивымъ человѣкомъ. Правда заставила его воздать должное другому вождю, не менѣе Кутузова знаменитому: имя ему Барклай-де-Толли. Генералъ Барклай былъ первымъ главнокомандующимъ въ 1812 году; онъ встрѣтилъ Наполеона при вторженіи въ Россію; онъ задумалъ планъ спасенія нашего отечества, заключавшійся въ томъ, чтобы завлечь непріятеля вовнутрь Россіи и затѣмъ погнать его по разоренной имъ самимъ дорогѣ. Барклая не поняли современники; называли «его и почти въ глаза измѣнникомъ», пишетъ Пушкинъ (соч. Пушк. 1—515). Этому-то «несчастливому вождю» поэтъ посвятилъ одно изъ превосходныхъ стихотвореній, подъ названіемъ «Полководецъ». Оно начинается такъ:

У Русскаго Царя въ чертогахъ есть палата:
Она не золотомъ, не бархатомъ богата,
Не въ ней алмазъ вѣнца хранится за стекломъ.
(Соч. Пушк. 1—511).

Тутъ, говоритъ поэтъ, «все плащи, да шпаги, да лица, полныя воинственной отваги»:

Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.

Среди множества мужей, нарисованныхъ на картинѣ, особенно одинъ привлекаетъ поэта—

Онъ писанъ во весь ростъ, Чело, какъ черепъ голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Тамъ грусть великая. Кругомъ—густая мгла;
За нимъ—военный станъ. Спокойный и угрюмый,
Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
О вождь несчастливый! Суровъ былъ жребій твой:
Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслію великой;
И въ имени твоемъ звукъ чуждый не взлюбя,
Своими криками преслѣдуя тебя,
Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался надъ твоей священной сѣдиною.
И долго укрѣпленъ могущимъ убѣжденьемъ,
Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ;
И на полупути былъ долженъ наконецъ
Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманный глубоко,—
И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.

Тамъ, устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
Свинца веселый свистъ заслышавшій впервой,
Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти,—
Вотще!—
(Соч. Пушк. 1—512 и 513).

Что̀ тутъ сказалъ Пушкинъ, то все подтверждается исторіею. Русскіе не полюбили заслуженнаго полководца, потому что не поняли его великаго замысла спасти отечество, — потому что имя носилъ онъ не-Русское, хотя всѣмъ жертвовалъ для Россіи, даже своею жизнію. На полѣ Бородинскомъ (26 авг. 1812 г.) онъ врѣзывался въ ряды непріятельскіе, ища себѣ смерти,—вокругъ него все было перебито, подъ нимъ пало нѣсколько лошадей, а онъ остался живъ и невредимъ. Такъ Богъ берегъ своего избраннаго архистратига, не любимаго войсками.

«О вождь несчастливый! Суровъ былъ жребій твой»...

Великая честь поэту, воздавшему должное человѣку, непонятому современниками!

Тутъ вы видите, что поэты, подобные Пушкину, возвѣщаютъ народу правду, — что они заступаются за людей, которымъ счастіе измѣнило. Поэты чутки, слишкомъ чутки ко всякаго рода несправедливости. Они стихами своими стремятся къ тому, чтобы царствовала въ обществѣ правда, чтобы царствовалъ разумъ!...

Возвращеніе Императора Александра I изъ Парижа въ 1815 г. Россія восторженно привѣтствовала. Шестнадцатилѣтній Пушкинъ, тогда еще питомецъ Царскосельскаго лицея, говорилъ въ стихахъ своихъ такъ:

Встрѣчать вождя побѣдъ летятъ Твои дружины;
Старикъ, счастливый вѣкъ забывъ Екатерины,

*

Взираетъ на Тебя съ безмолвною слезой.
Ты нашъ, о Русскій Царь! Оставь же шлемъ стальной,
И грозный мечъ войны, и щитъ—ограду нашу;
Излей священну мира чашу.
(Соч. Пушк. 1—78).

Мира и спокойствія желаетъ Россіи поэтъ; онъ собираетъ юныхъ сыновей около старика, который ветхимъ костылемъ:

И станъ, и ратный строй, и дальній боръ съ холмомъ
На прахѣ начертитъ;
Словами истины, свободными, простыми
Имъ славу прошлыхъ лѣтъ въ разсказахъ оживитъ
И добраго Царя въ слезахъ благословитъ.
(Соч. Пушк. 1—78).

То же великое народное ликованіе по случаю прибытія Государя изъ Парижа поэтъ рисуетъ въ стихотвореніи «19 окт. 1836 года»:

Вы помните, какъ нашъ Агамемнонъ (т. е. Императоръ Александръ I)
Изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался:
Какой восторгъ тогда предъ Нимъ раздался!
Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ онъ,
Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы!
Вы помните, какъ оживлялись вдругъ
Сіи сады, сіи живыя воды (т. е. Царскосельскій садъ),
Гдѣ проводилъ Онъ славный свой досугъ!
(Соч. Пушк. 1—534).

Несчастное событіе временъ Александра I,—наводненіе 7 ноября 1824 года,—Пушкинъ описалъ въ «Мѣдномъ Всадникѣ» великолѣпными стихами.

Въ тотъ грозный годъ
Покойный Царь еще Россіей
Со славой правилъ. На балконъ
Печаленъ, смутенъ вышелъ Онъ
И молвилъ: «Съ Божіей стихіей
Царямъ не совладѣть». Онъ сѣлъ,
И въ думѣ *скорбными очами*
На злое бѣдствіе глядѣлъ.
Стояли стогны озерами,
И въ нихъ широкими рѣками
Вливались улицы. Дворецъ
Казался островомъ печальнымъ.
Царь молвилъ—изъ конца въ конецъ,
По ближнимъ улицамъ и дальнымъ,
Въ опасный путь средь бурныхъ водъ
Его пустились генералы
Спасать и страхомъ обуялый
И дома тонущій народъ.
(Соч. Пушк. 2—310).

Великодушіе Государя Императора Александра I при зломъ бѣдствіи города влечетъ къ нему сердца...

Говоря объ Императорѣ Александрѣ I, Пушкинъ, руководимый правдою, воздалъ должное сопернику Государя, императору Наполеону I-му. Въ двухъ стихотвореніяхъ поэтъ нашъ касается судьбы Наполеона «Наполеонъ на Эльбѣ» (островъ на Средиземномъ морѣ, гдѣ Императоръ Французовъ пробылъ съ 4 мая 1814 г. по 16-е февр. 1815 г.) и «Наполеонъ». Послѣднее стихотвореніе, написанное по случаю смерти Наполеона (въ 1821 г.) и изображающее главнѣйшія событія его жизни—счастливой и несчастной—проникнуто чувствомъ уваженія къ бывшему врагу Россіи; Пушкинъ называетъ

Наполеона «великимъ человѣкомъ»; восхваляетъ Наполеона за то, что онъ великій жребій указалъ Русскому народу:

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
(т. е. въ день смерти)
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь!
Хвала! Онъ Русскому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.
(Соч. Пушк. 1—255).

«Изъ мрака ссылки», т. е. съ острова Св. Елены (на Атлантическомъ океанѣ), куда былъ сосланъ Наполеонъ Европейскими Государями и гдѣ онъ умеръ... *).

Благодѣтельна поэзія Пушкина: она шлетъ примиреніе и прощеніе человѣку. О Наполеонѣ I-мъ Пушкинъ пишетъ:

Давно ль орлы твои летали
Надъ обезславленной землей?
Давно ли царства упадали **)

*) О судьбѣ Наполеона Пушкинъ припоминаетъ еще въ стихотв. «Бова». Соч. Пушк. 2—432.

«И въ ничтожество низверженный
Александромъ, грознымъ ангеломъ,
Жизнь проводитъ въ униженіи,"
И, забытый всѣми, кличется
Нынѣ Эльбы Императоромъ.

**) Напр.: Неаполитанское королевство, Испанія, Германія, Австрія и др.; нѣкоторыя изъ этихъ государствъ онъ отдалъ своимъ родственникамъ.

При громахъ силы роковой?
Послушны волѣ своенравной,
Бѣдой шумѣли знамена,
И налагалъ яремъ державный
Ты на земныя племена.
(Соч. Пушк. 1—252).

И этому «губителю» народовъ и царей поэтъ нашъ посылаетъ прощеніе, вступается за него, хвалитъ его!.. Такова поэзія Пушкина вездѣ. Приведемъ другой примѣръ благотворнаго вліянія поэзіи Пушкина. Гостилъ у насъ знаменитый Польскій поэтъ (1824 г.) Адамъ Мицкевичъ. Ласково, радушно, съ хлѣбомъ и солью встрѣтили мы дорогаго гостя. Пушкинъ особенно былъ внимателенъ къ Мицкевичу. Прошло потомъ нѣсколько времени. Мицкевичъ, уѣхавъ заграницу, началъ унижать насъ между иноземцами. Что же Пушкинъ? Онъ написалъ стихотвореніе «Мицкевичу», гдѣ проситъ Бога смягчить гнѣвное сердце бывшаго нашего гостя,—только смягчить:

Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужаго; злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщалъ бесѣды наши... Онъ
Ушелъ на Западъ—и благословеньемъ
Его мы проводили. Но теперь (т. е. въ 1834 году)
Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ, и нынѣ
Въ своихъ стихахъ, угодникъ черни буйной,
Поетъ онъ ненависть.
О Боже! *Возврати*
Твой миръ въ его озлобленную душу!
(Соч. Пушк. 1—508).

Какъ хорошо читать стихотворенія, исполненныя такихъ высокихъ чувствъ!

Пушкинъ любилъ мѣсто своего воспитанія—Царскосельскій Лицей, открытый Императоромъ Александромъ I-мъ торжественно 19-го октября 1811 года.

Онъ взялъ Парижъ, и создалъ нашъ Лицей.
(Соч. Пушк. 1—335).

О своемъ Лицеѣ Пушкинъ часто вспоминаетъ въ стихахъ. Онъ называетъ Лицей «святымъ кровомъ» (соч. 1—329), а Царское Село «своимъ отечествомъ». Благородное товарищество, «святое братство», по словамъ поэта (соч. 1—169), соединяло воспитанниковъ Лицея:

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
Онъ, какъ душа, нераздѣлимъ и вѣченъ,
Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ
Срастался онъ подъ тѣнью дружныхъ Музъ.
Куда бы насъ ни бросила судьбина,
И счастіе куда бъ ни повело,
Все тѣ же мы: намъ цѣлый міръ чужбина;
Отечество намъ Царское Село.
(Соч. Пушк. 1—331).

Первую чашу въ день празднованія годовщины основанія Лицея Пушкинъ провозглашаетъ за мѣсто своего воспитанія:

И первую полнѣй, друзья, полнѣй!
И всю до дна въ честь нашего союза!
Благослови, ликующая Муза,
Благослови: да здравствуетъ Лицей!
«Златые дни, уроки и забавы,
И черный столъ, и бунты вечеровъ,
И нашъ словарь, и планы мирной славы.
(Соч. Пушк. 1—334).

Сердцемъ, исполненнымъ благодарности, Пушкинъ воспоминаетъ своихъ наставниковъ и такія назидательныя слова говоритъ:

Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Всѣмъ честію и мертвымъ, и живымъ,
Къ устамъ подъявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ.
(Соч. Пушк. 1—335).

И здѣсь опять то же истинно-христіанское чувство высказывается поэтомъ — всепрощеніе, незлобіе. «Не помня зла, за благо воздадимъ». Возвышенная, святая мысль!

Наставникамъ Пушкинъ былъ признателенъ, особенно профессору (т. е. наставнику) Куницыну, преподававшему лицеистамъ государственныя науки и ученіе о законахъ ума человѣческаго. Куницынъ говорилъ рѣчь при открытіи лицея, въ присутствіи Государя Императора Александра I, двухъ Императрицъ—Маріи Ѳеодоровны (матери Государя) и Елисаветы Алексѣевны, его супруги, Великаго Князя Константина Павловича и Великой Княжны Анны Павловны,—говорилъ рѣчь объ обязанностяхъ гражданина и воина голосомъ чистымъ, звучнымъ и внятнымъ. Глубокое впечатлѣніе произвела рѣчь на слушателей. Куницынъ, между прочимъ, говорилъ: «Благорастворенный воздухъ, безмолвное уединеніе, воспоминаніе о Великой въ женахъ (т. е. Екатеринѣ II) и о воспитаніи въ семъ мѣстѣ Августѣйшаго внука Ея (т. е. Императора Александра), воскриляетъ младые таланты... Вы ли не устрашитесь быть послѣдними въ вашемъ родѣ? Вы ли захотите смѣшаться съ толпою людей обыкновен-

ныхъ, пресмыкающихся въ неизвѣстности и каждый день поглощаемыхъ волнами забвенія? Нѣтъ! да не развратитъ мысль сія вашего воображенія. Любовь къ славѣ и отечеству должна быть вашимъ руководителемъ». (Изъ оттиска статьи П. Бартенева, помѣщ. въ Москов. Вѣд. 1854 г.).

Объ этой замѣчательной рѣчи Пушкинъ вспоминалъ даже черезъ 25 лѣтъ послѣ ея произнесенія:

Вы помните: когда возникъ Лицей,
Какъ Царь для насъ открылъ чертогъ Царицынъ—
И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Куницынъ
Привѣтствіемъ межъ Царственныхъ гостей.
(Соч. Пушк. 1—534).

Куницынъ имѣлъ большое нравственное вліяніе на Пушкина и его товарищей; при празднованіи лицейской годовщины Пушкинъ одну изъ первыхъ благодарственныхъ чашъ поднимаетъ за этого высоко-образованнаго учителя:

Куницыну дань сердца и вина!
Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень...
Поставленъ имъ краеугольный камень,
Имъ чистая лампада вожжена...
(Соч. Пушк. 1—335).

Какое высокое чувство благодарности высказывается здѣсь! Какіе чудные звуки Русскаго языка мы слышимъ! Миръ праху твоему, благородный наставникъ! Ты воспиталъ намъ талантъ великаго писателя! Ты поставилъ краеугольный камень въ основаніе поэтической души его! Тобою, незабвенный наставникъ, «чистая лампада» истинной поэзіи вожжена во всемъ существѣ твоего воспитанника, которому теперь, въ 1879 году, поставили памятникъ, по подпискѣ всей Россіи...

Тамъ, тамъ, еще въ Лицеѣ, на школьной скамьѣ, у Пушкина пробудилось поэтическое дарованіе.

Вспоминая одного изъ своихъ товарищей-лицеистовъ, барона Дельвига, бывшаго потомъ замѣтнымъ нашимъ поэтомъ, онъ пишетъ:

Съ *младенчества* духъ пѣсенъ въ насъ горѣлъ
И дивное волненье мы познали;
Съ младенчества двѣ Музы къ намъ летали,
И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ;
Но я любилъ уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пѣлъ для Музъ и для души.
(Соч. Пушк. 1—333).

Слово «муза», часто встрѣчающееся въ стихахъ Пушкина, — мы уже говорили, — значитъ богиня наукъ и искусствъ,—древнее языческое слово, вошедшее въ языкъ всѣхъ образованныхъ народовъ; муза еще значитъ *вдохновеніе*, т. е. особенное свѣтлое расположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній (соч. Пушк. 4—35); Муза, т. е. наклонность, расположеніе, влекущее поэта къ стихамъ, съ младенчества посѣщала Пушкина.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу (т. е. свирѣль, дудку) мнѣ вручила.
(Соч. Пушк. 1—243).

Ты, дѣтскую качая колыбель,
Мой юный слухъ напѣвами плѣнила
И межъ пеленъ оставила свирѣль,
Которую сама заворожила.
(Соч. Пушк. 1—258).

«*Началъ я писать*, говоритъ Пушкинъ, *съ 13-ти лѣтняго возраста* и печатать почти съ того же времени» (соч. 4 — 42). Есть цѣлый отдѣлъ стихотвореній Пушкина, такъ называемыхъ «Лицейскихъ». Въ прежнихъ изданіяхъ сочиненій Пушкина они занимали особый рядъ страницъ. Такихъ стихотвореній у него до 120-ти. Содержаніе своихъ лицейскихъ стихотвореній самъ Пушкинъ пересказываетъ такъ:

Богини мира, вновь явились Музы мнѣ
И независимымъ досугамъ улыбнулись;
Цѣвницы брошенной уста мои коснулись;
Старинный звукъ меня обрадовалъ—и вновь
Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу вѣрную, и милые предметы,
Плѣнявшіе меня въ младенческія лѣты,
Въ тѣ дни, когда еще незнаемый ни кѣмъ,
Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ,
Я пѣньемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣни
И Царскосельскія хранительныя сѣни.
(Соч. Пушк. 1—245).

Въ большомъ стихотворномъ своемъ произведеніи «Евгеній Онѣгинъ» Пушкинъ опять описываетъ свою школьную жизнь и начало поэтической своей дѣятельности:

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно разцвѣталъ,
Въ тѣ дни, какъ я поэмѣ (т. е. большому стихотворному произведенію) рѣдкой
Не предпочелъ бы мячикъ мѣткой,
Считалъ «ученіе» за вздоръ
И прыгалъ въ садъ черезъ заборъ,

Когда порой бывалъ прилеженъ,
Порой лѣнивъ, порой упрямъ,
Порой лукавъ, порою прямъ,
Порой смиренъ, порой мятеженъ,
Порой печаленъ, молчаливъ,
Порой сердечно говорливъ.
Когда въ забвеньи передъ классомъ
Порой терялъ я взоръ и слухъ,
И говорить старался басомъ
И стригъ надъ губой первый пухъ.
Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ,
Весной, при кликахъ лебединыхъ
Близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѣ,
Являться муза стала мнѣ.
Моя студенческая келья
Вдругъ озарилась. Муза въ ней
Открыла пиръ младыхъ затѣй,
Воспѣла дѣтскія веселья,
И славу нашей старины
И сердца трепетные сны.
(Соч. Пушк., изд. Анненкова, т. I, стр. 40, изд. Исакова, т. 3, стр. 185).

Къ этому откровенному разсказу о пребываніи Пушкина въ Лицеѣ весьма мало надо добавлять свѣдѣній. Главное здѣсь видно. Пушкинъ весь былъ погруженъ въ свою поэзію; Муза постоянно его звала къ себѣ. Занимался онъ преимущественно чтеніемъ и читалъ много,— читалъ не только Русскихъ, но и чужеземныхъ писатетей; составлялъ съ товарищами своими литературныя собранія, т. е. такія собранія, гдѣ воспитанники читали разныя свои сочиненія; издавали товарищи Пушкина журналы (напр. Лицейскій мудрецъ. Для удовольствія и

пользы, Неопытное перо, Пловецъ), т. е. такія тетради, въ которыхъ воспитанники собирали свои сочиненія, переписывали, дѣлали рисунки. Пушкинъ сталъ извѣстенъ какъ поэтъ и поэтъ замѣчательный. Товарищи Пушкина (Дельвигъ, Вальховскій, Пущинъ, Малиновскій и др.) цѣнили его дарованіе, стихи его расхваливали, прославляли, о чемъ онъ самъ, со свойственною ему скромностію, говоритъ: «стихи одного изъ товарищей, стихи *посредственные*, замѣтные только по нѣкоторой легкости и чистотѣ мелочной отдѣлки, были расхвалены и прославлены, какъ нѣкоторое чудо» (Соч. 4—27). На экзаменѣ 1815 года Пушкинъ читалъ свои стихи передъ знаменитымъ поэтомъ временъ Екатерины II, Державинымъ, который былъ тогда уже дряхлымъ старикомъ 72-хъ лѣтъ.

Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ.
(Соч. Пушк. 3—186).

Державинъ дѣйствительно замѣтилъ Пушкина, оцѣнилъ талантъ его торжественно, публично, при всѣхъ. При чтеніи Пушкинымъ стихотворенія «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» Державинъ, дотолѣ усталый, унылый, ни на что не обращавшій вниманія, вдругъ ожилъ,— но будемъ говорить простымъ, но въ душу льющимся, словомъ Пушкина: «Державинъ былъ очень старъ. Экзаменъ нашъ очень его утомилъ. Онъ дремалъ до тѣхъ поръ, пока не начался экзаменъ Русской Словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблистали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи.

Онъ слушалъ съ живостію необыкновенной. Наконецъ вызвали меня. Я прочелъ мои *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*, стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина. Я не въ силахъ описать состоянія души моей: когда я дошелъ до стиха, гдѣ упоминаю имя Державина, голосъ мой отроческій зазвенѣлъ, а сердце забилось съ упоительнымъ восторгомъ... Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе; не помню, куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи; онъ меня требовалъ, хотѣлъ меня обнять... Меня искали, но не нашли.» (Соч. 4, стр. 21). Какъ просто и ясно Пушкинъ разсказываетъ о своей встрѣчѣ съ первымъ поэтомъ вѣка Императрицы Екатерины II-й!

Слава Пушкина, отрока-Пушкина, — ему было тогда 15-ть 16-ть лѣтъ,—изъ Лицея неслась за его стѣны. Пушкинъ написалъ стихотвореніе «Къ Принцу Оранскому» (1816 г.): Императрица Марія Ѳеодоровна, мать Императора Александра I-го, прислала ему въ подарокъ золотые часы съ цѣпочкой. Наши писатели того времени: Карамзинъ, знаменитый историкъ, И. Дмитріевъ, замѣчательный баснописецъ (а по должности министръ Юстиціи), Жуковскій, прославившійся на всю Россію своимъ патріотическимъ стихотвореніемъ «Пѣвецъ во станѣ Рус. воиновъ», Батюшковъ, одинъ изъ талантливѣйшихъ нашихъ поэтовъ, и кн. П. Вяземскій, даровитѣйшій писатель, недавно умершій,—не говоря уже о Дельвигѣ, товарищѣ Пушкина,—начали обращать вниманіе на поэта-школьника, поэта-лицеиста. Карамзинъ, сочинявшій тогда «Исторію Государства Россійскаго» и жившій въ Царскомъ Селѣ подъ крыломъ Императора Александра, принималъ у себя Пушкина-ли-

ценста и выслушивалъ его строгія замѣчанія на свой исполинскій трудъ; Жуковскій посѣщалъ поэта-лицеиста и подарилъ ему собраніе своихъ стихотвореній (въ 1815 г.), а Жуковскій въ это время (т. е. въ 1812—1815 г.) былъ на верху своей славы. Три изданія «Пѣвца во станѣ Русскихъ воиновъ» раскупились въ одинъ годъ. Посланіе его къ Императору Александру было принято съ восторгомъ, какъ выраженіе общихъ народныхъ чувствъ. Вдовствующая Императрица (Марія Ѳеодоровна) отмѣнно ему благоволила. Тогда-то Пушкинъ написалъ къ нему посланіе «Благослови, поэтъ!» (напис. 1817 г.), гдѣ самъ говоритъ о вниманіи къ себѣ лучшихъ тогдашнихъ писателей: Карамзина, Дмитріева, Державина и Жуковскаго:

Сокрытаго въ вѣкахъ священный судія,
Стражъ вѣрный прошлыхъ лѣтъ,
Привѣтливымъ меня вниманьемъ ободрилъ;
И Дмитревъ слабый даръ съ улыбкой похвалилъ,
И славный старецъ нашъ, царей пѣвецъ избранный,
Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукой
И счастье мнѣ предрекъ, незнаемое мной.

Далѣе слѣдуетъ чудное обращеніе къ Жуковскому:

И ты, природою на пѣсни обреченный,
Не ты ль мнѣ руку далъ въ завѣтъ любви священной?
Могу ль забыть я часъ, когда передъ тобой
Безмолвный я стоялъ, и молнійной струей
Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла
И, тайно съединясь, въ восторгахъ пламенѣла?
(Соч. Пушк. 1—154 и 155).

Въ *первый* разъ появились стихи Пушкина *въ печати* 1814 г., въ лучшемъ журналѣ того времени «Вѣстникѣ

Европы». Стихи называются: «къ другу стихотворцу». *Пятнадцатилѣтній* новый Русскій поэтъ, Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, воспитанникъ Царскосельскаго Лицея, въ названномъ произведеніи вступается за писателей всего міра и въ особенности Русскихъ писателей. Наставники Лицея уже сообщили зачинающемуся таланту свѣдѣнія о бѣдственной долѣ писателя въ обществѣ. Прислушайтесь къ плачевнымъ строкамъ молодаго дарованія:

Не такъ, любезный другъ, писатели богаты.
Судьбой имъ не даны ни мраморны палаты,
Ни чистымъ золотомъ набиты сундуки:
Лачужка подъ землей, высоки чердаки —
Вотъ пышны ихъ дворцы, великолѣпны залы.
Костровъ (Рус. писатель XVIII в.) на чердакѣ безвѣстно умираетъ,
Руками чуждыми могилѣ преданъ онъ;
Ихъ жизнь—рядъ горестей, гремяща слава—сонъ.
(Соч. Пушк. 1—6 и 7).

Такіе славные стихи не могли не обратить вниманія мыслящихъ людей на даровитаго ихъ сочинителя. Одно Общество, трудившееся для развитія роднаго слова, по имени «Арзамасъ» (1815 г.), приняло Пушкина въ число своихъ членовъ и присвоило ему названіе «сверчокъ», ибо онъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Петербурга, спрятанный въ садахъ Лицея, прекрасными стихами уже издавалъ оттуда свой звонкій голосъ.

Пушкинъ пробылъ въ Лицеѣ шесть лѣтъ. Онъ поступилъ туда 12 Августа 1811 г., на двѣнадцатомъ году жизни, и выбылъ, по окончаніи полнаго курса, 9 Іюня 1817 г., на восемнадцатомъ году своего возраста.

Все это время онъ предавался поэзіи со страстію. «Какъ

теперь вижу»,—пишетъ одинъ изъ правдивыхъ товарищей Пушкина (И. И. Пущинъ), тотъ послѣобѣденный классъ Кошанскаго (учителя Рус. и Лат. языка), когда, кончивши лекцію нѣсколько раньше урочнаго часа, профессоръ сказалъ: «Теперь, господа, будемъ пробовать перья: опишите мнѣ пожалуйста розу стихами». Наши стихи вообще не клеились, а Пушкинъ мигомъ прочелъ два четырехстишія, которыя всѣхъ насъ восхитили. Кошанскій взялъ рукопись къ себѣ. Это было чуть ли не въ 1811 г., и никакъ не позже первыхъ мѣсяцевъ 1812 г.» (Атеней 1859, ч. 2, стр. 514).

Въ сердцѣ поэта нашего жила небесная, Божественная сила, которая порывала его къ перу и стихамъ. Въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому (отъ 27 Марта 1816 г.) Пушкинъ пишетъ: «зачѣмъ дразнить было несчастнаго Царскосельскаго пустынника, котораго и безъ того дергаетъ бѣшеной демонъ бумагомаранія». (Рус. Арх. 1874, кн. 1, стр. 111).

Въ стихотвореніи «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ» (напис. 1824 г.) онъ говоритъ о своихъ юныхъ поэтическихъ вдохновеніяхъ:

Я время то воспоминалъ,
Когда, надеждами богатый,
Поэтъ безпечный, я писалъ
Изъ вдохновенья, *не изъ платы*.
Я видѣлъ вновь пріюты скалъ,
И темный кровъ уединенья,
Гдѣ я на пиръ воображенья,
Бывало, Музу призывалъ.
Тамъ слаще голосъ мой звучалъ;
Тамъ долѣ яркія видѣнья,

Съ неизъяснимою красой,
Вились, летали надо мной —
Въ часы ночнаго вдохновенья.
И тяжкимъ, пламеннымъ *недугомъ*
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чудныя раждались;
Въ размѣрѣ стройные стекались
Мои послушныя слова
И звонкой риѳмой замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйной,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шепотъ рѣчки тихоструйной.

(Соч. Пушк. 1—292).

Пушкину вездѣ грезились стихи; онъ ихъ во снѣ видѣлъ; онъ ихъ писалъ въ карцерѣ Царскосельскомъ на стѣнахъ. Увлеченный потокомъ поэтическихъ видѣній, онъ, собственно говоря, мало занимался уроками и получалъ почти отъ всѣхъ учителей неодобрительные отзывы. Такъ профессоръ Куницынъ писалъ про него: «Весьма понятенъ, замысловатъ и остроуменъ, но крайне не прилеженъ. Онъ способенъ только къ такимъ предметамъ, которые требуютъ малаго напряженія; а потому *успѣхи* его очень *не велики*, особенно по части Логики» (т. е. науки о законахъ нашего мышленія). Какъ учился, такъ и окончилъ курсъ. Пушкинъ окончилъ курсъ девятнадцатымъ, а всѣхъ выпускалось 28 человѣкъ. Всѣ воспитанники *перваго* курса на всю жизнь оставили теплое воспоминаніе о мѣстѣ своего воспитанія:

Съ *первыми* друзьями
Не рѣзвою мечтой союзъ твой заключенъ;

*

Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судьбами,
О милый (пишетъ къ Пущину), вѣченъ, вѣченъ онъ.

Другому товарищу своему, Кюхельбекеру, такъ говоритъ:

Прости! Гдѣ бъ ни былъ я: въ огнѣ ли смертной битвы,
При мирныхъ ли брегахъ родимаго ручья,
Святому братству вѣренъ я.

(Соч. Пушк. 1—168 и 169).

Эти послѣдніе стихи писаны Пушкинымъ въ Лицеѣ 9 іюня 1817 г., не задолго до выпуска.

Лицеисты перваго выпуска всегда праздновали 19-е Октября, т. е. день открытія Лицея. Нѣсколько стихотвореній Пушкина носятъ имя «19-е Октября». Во всѣхъ ихъ онъ съ глубокой благодарностію вспоминаетъ Лицей, «неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья». Лицеисты и другихъ выпусковъ до *сего* времени тоже чествуютъ день 19-го Октября. Достойное полнаго подражанія благородное дѣло!

Пушкинъ былъ горячая, пламенная натура. Во время царствованія Императора Александра I онъ позволялъ себѣ необдуманныя рѣчи, поэтическія выходки.

Нашъ поэтъ былъ удаленъ изъ Петербурга въ началѣ мая 1820 г.—Онъ сначала жилъ въ Екатеринославлѣ, потомъ въ Кишеневѣ, былъ на Кавказѣ, въ Крыму и наконецъ—въ Одессѣ. Изъ Одессы онъ переѣхалъ на жительство въ село Михайловское, Опочецкаго уѣзда, Псковской губерніи. Здѣсь поэтъ жилъ съ августа 1824 г. по конецъ августа 1826 г.

Опять на родинѣ! я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ *два года* незамѣтныхъ.
Вотъ смиренный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моей (ее звали Арина Родіоновна).
Вотъ
И холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
Я сиживалъ недвижимъ, и глядѣлъ
На озеро.
Межъ нивъ златыхъ и пажитей зеленыхъ
Оно, синѣя, стелется широко:
Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой
Убогій неводъ. По брегамъ отлогимъ
Разсѣяны деревни; тамъ за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при вѣтрѣ.

(Соч. Пушк. 1—519).

Родина была мила Пушкину по своей красотѣ, простотѣ и участію въ немъ простыхъ людей, какова семидесятилѣтняя няня его, Арина Родіоновна, отпущенная своимъ помѣщикомъ на волю, но не хотѣвшая покинуть домъ Пушкиныхъ, гдѣ она выняньчила всѣхъ дѣтей. (Такія няни теперь едва ли есть!). Между Пушкинымъ и его нянею были самыя дружественныя отношенія. Они крѣпко любили другъ друга. Няня разсказывала ему сказки, пѣла ему пѣсни про синицу, «за моремъ синичка не пышно жила, пиво варивала»,—про дѣвицу, какъ она за водой шла, «по улицѣ мостовой шла дѣвица за водой». И это обстоятельство своей жизни Пушкинъ внесъ въ свои прекрасные стихи:

Что же ты, моя старушка,
Пріумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?
Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила;
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой по-утру шла.
(Соч. Пушк. 1—336).

Пушкинъ читалъ нянѣ свои стихи:

Я плоды моихъ мечтаній
И гармоническихъ затѣй
Читаю только старой нянѣ,
Подругѣ юности моей.
(Соч. Пушк. 3—98).

Въ письмѣ изъ Михайловскаго (отъ 1825 г.) онъ говоритъ: «я буквально остался съ моей *старой няней* и съ моей трагедіей» (т. е. Борисомъ Годуновымъ) *).

Самыми нѣжными словами поэтъ называетъ свою добрую няню:

Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!
Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
Горюешь, будто на часахъ,

*) Пушкинъ въ Александровскую эпоху, соч. *П. Анненкова*. Спб. 1874, стр. 294.

И медлятъ поминутно спицы
Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.
Глядишь въ забытыя вороты
На черный, отдаленный путь:
Тоска, предчувствіе, заботы
Тѣснятъ твою всечасно грудь.
(Соч. Пушк. 1—585).

Кромѣ няни, друзья Пушкина не оставляли его. Ссыльнаго поэта посѣщали Дельвигъ, Языковъ и Пущинъ, одинъ изъ любимыхъ товарищей по Лицею. Пущинъ разсказалъ подробно о своемъ посѣщеніи «отшельника»-поэта: «послѣ Крещенья (1825 г.) я поѣхалъ во Псковъ (пишетъ Пущинъ). Погостилъ у сестры нѣсколько дней и отъ нея вечеромъ пустился изъ Пскова. Къ утру слѣдующаго дня уже приближался къ желаемой цѣли. Свернули мы наконецъ съ дороги въ сторону, мчались среди лѣса, по гористому проселку: все мнѣ казалось не довольно скоро! Спускаясь съ горы, недалеко уже отъ усадьбы, которой за частыми соснами нельзя было видѣть, сани наши, въ ухабѣ, такъ наклонились набокъ, что ямщикъ слетѣлъ. Я съ Алексѣемъ, неизмѣннымъ моимъ спутникомъ отъ Лицейскаго порога.... кой-какъ удержался въ саняхъ. Схватили вожжи. Кони несутъ среди сугробовъ, опасности нѣтъ: въ сторону не бросятся, все лѣсъ и снѣгъ имъ по брюхо, править не нужно. Скачемъ опять въ гору извилистой тропой;—вдругъ крутой поворотъ, и какъ будто неожиданно вломились смаху въ притворенныя ворота, при громѣ колокольчика. Не было силы остановить лошадей у крыльца, протащили мимо и засѣли въ снѣгу нерасчищеннаго двора.

«Я оглядываюсь: вижу на крыльцѣ Пушкина, боси-

комъ, въ одной рубашкѣ, съ поднятыми вверхъ руками. Не нужно говорить, что тогда во мнѣ происходило. Выскакиваю изъ саней, беру его въ охапку и тащу въ комнату. На дворѣ страшный холодъ; но въ иныя минуты человѣкъ не простужается. Смотримъ другъ на друга, цѣлуемся, молчимъ! Онъ забылъ, что надобно прикрыть наготу, я не думалъ объ заиндевѣвшей шубѣ и шапкѣ. Было около 8-ми часовъ утра. Не знаю, что дѣлалось. Прибѣжавшая старуха застала насъ въ объятіяхъ другъ друга, въ томъ самомъ видѣ, какъ мы попали въ домъ: одинъ почти голый, другой—весь забросанный снѣгомъ. Наконецъ пробила слеза (она и теперь черезъ 33 года,—замѣчаетъ Пущинъ,—мѣшаетъ писать въ очкахъ), мы очнулись. Совѣстно стало передъ этой женщиной, впрочемъ она все поняла. Не знаю, за кого приняла меня, только ничего не спрашивая, бросилась обнимать. Я тотчасъ догадался, что это добрая его няня, столько разъ имъ воспѣтая, и чуть не задушилъ ее въ объятіяхъ.

«Все это происходило на маленькомъ пространствѣ. Комната Александра была возлѣ крыльца, съ окномъ на дворъ, въ которое онъ увидѣлъ меня, услышавъ колокольчикъ. Въ этой небольшой комнатѣ помѣщалось кровать его съ пологомъ, письменный столъ, диванъ, шкафъ съ книгами и пр. и пр. Во всемъ поэтическій безпорядокъ, вездѣ разбросаны исписанные листы бумаги, всюду валялись обкусанные, обожженные кусочки перьевъ (онъ всегда съ самаго Лицея писалъ оглодками, которые едва можно было держать въ пальцахъ). Вхожу къ нему прямо изъ корридора; противъ его двери—дверь въ комнату няни, гдѣ стояло множество пяльцевъ.

«Послѣ первыхъ нашихъ объятій, пришелъ и Алексѣй, который, въ свою очередь, кинулся цѣловать Пушкина: онъ не только близко зналъ и любилъ поэта, но и читалъ наизусть многіе изъ стиховъ его.

«Подали намъ кофей,—мы усѣлись съ трубками. Бесѣда пошла правильнѣе.—Онъ какъ дитя былъ радъ нашему свиданію, нѣсколько разъ повторялъ, что ему не вѣрится, что мы вмѣстѣ.

«Пушкинъ заставилъ меня разсказать ему о всѣхъ нашихъ *первокурсникахъ* Лицея; потребовалъ объясненія, какимъ образомъ изъ артиллериста я преобразился въ судьи. Это было ему по сердцу,—онъ гордился мною и за меня! Вотъ его стихи изъ годовщины 19 Октября 1825 года, гдѣ онъ вспоминаетъ, сидя одинъ, наше свиданіе и мое судейство:

И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада,
Мнѣ сладкая готовилась отрада.
Поэта домъ опальный,
О Пущинъ мой, ты первый посѣтилъ:
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его Лицея превратилъ!
Ты освятилъ тобой избранный санъ;
Ему въ очахъ общественнаго мнѣнья
Завоевалъ почтеніе гражданъ.

(Соч. Пушк. 1—332).

«Настало время обѣда. Алексѣй хлопнулъ пробкой,—начались тосты за Русь, за Лицей, за друзей. Незамѣтно полетѣла въ потолокъ и другая пробка; попотчивали искрометнымъ няню, а всѣхъ другихъ хозяйской налив-

кой. Все домашнее населеніе ожило; кругомъ все стало пошумнѣе, праздновали наше свиданіе.

«Я привезъ Пушкину въ подарокъ «Горе отъ Ума» (комедія Грибоѣдова); онъ былъ очень доволенъ этой, тогда рукописной комедіей, до того ему почти вовсе незнакомой. Послѣ обѣда, за чашкой кофею, онъ началъ читать ее вслухъ.

«Среди этого чтенія, кто-то подъѣхалъ къ крыльцу. Пушкинъ выглянулъ въ окно, какъ будто смутился и торопливо раскрылъ лежавшую на столѣ Четьи-Минею. (Вошелъ настоятель Святогорскаго монастыря, который скоро оставилъ друзей). Пушкинъ продолжалъ читать комедію; я съ необыкновеннымъ удовольствіемъ слушалъ его выразительное чтеніе.—Потомъ онъ прочелъ мнѣ кой-что свое.—Время не стояло.—Шло за полночь.—Намъ подали закусить,—на прощанье хлопнула третья бутылка. Мы крѣпко обнялись, въ надеждѣ, можетъ быть, скоро свидѣться въ Москвѣ.—На часахъ ударило три. Мы еще чокнулись стаканами, но грустно пилось: какъ будто чувствовалось, что въ послѣдній разъ вмѣстѣ пьемъ, и пьемъ на вѣчную разлуку! Молча я надѣлъ на плеча шубу и убѣжалъ въ сани. Пушкинъ еще что-то говорилъ мнѣ вслѣдъ; ничего не слышно, я глядѣлъ на него: онъ остановился на крыльцѣ, со свѣчей въ рукѣ. Кони рванули подъ гору. Послышалось: «прощай, другъ!» Ворота скрыпнули за мной». (Атеней 1859, ч. 2, стр. 530—537).

Пущинъ посѣтилъ поэта всего на одинъ день. По обычаю своему, Пушкинъ воспѣлъ въ стихахъ посѣщеніе своего Лицейскаго друга:

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,
Когда мой домъ уединенный,
Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое Провидѣнье,
Да голосъ мой душѣ твоей
Даруетъ то же утѣшенье!
(Соч. Пушк. 1—356).

Пушкину нравилась привязанность къ нему его друзей и няни, но заточеніе въ Псковской деревнѣ все таки было тяжело для поэта.

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой,
Вскормленный въ неволѣ орелъ молодой,
Мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ.
Клюетъ и бросаетъ, и смотритъ въ окно,
Какъ будто со мною задумалъ одно;
Зоветъ меня взглядомъ и крикомъ своимъ
И вымолвить хочетъ: «давай улетимъ!
Мы вольныя птицы: пора, братъ, пора!
Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,
Туда, гдѣ синѣютъ морскіе края,
Туда, гдѣ гуляемъ... лишь вѣтеръ да я».
(Соч. Пушк. 1—311).

Стихи эти писаны 1824 г., когда Пушкинъ жилъ въ своемъ Михайловскомъ уединеніи. Онъ отлученъ былъ отъ друзей, отъ обѣихъ столицъ, гдѣ жизнь его нѣкогда, по выходѣ изъ Лицея, текла шумно, весело, гдѣ молодежь носила его на рукахъ. «Слава Пушкина свѣтила тогда (т. е. въ 1824 г., время ссылки поэта) въ пол-

номъ блескѣ; вся молодежь благоговѣла передъ этимъ именемъ» (свидѣтельствуетъ писатель-стихотворецъ Подолинскій). Пушкинъ, находясь въ Михайловскомъ, состоялъ подъ тройнымъ надзоромъ: Псковскаго губернатора, предводителя дворянства и архимандрита Святогорскаго монастыря (въ 4 верстахъ отъ Михайловскаго). Отецъ укорялъ поэта за его неосторожное поведеніе. Въ Августѣ 1824 г. (какъ уже сказано) поэтъ возвратился изъ Одессы въ Михайловское, не видавшись съ родителями четыре года и три мѣсяца; тамъ онъ засталъ въ сборѣ все свое семейство: отца, мать, сестру Ольгу и брата Льва.

П. А. Осипова *) писала Жуковскому, благодѣтелю Пушкина до гробовой его доски. «Ежели Александръ долженъ будетъ оставаться здѣсь долго, то прощай для насъ Русскихъ его талантъ, его поэтическій геній, и обвинять его не можно будетъ. Нашъ Псковъ хуже Сибири, а здѣсь пылкой головѣ не усидѣть». (Рус. Арх. 1872, стр. 2361).

Изъ писемъ Пушкина и Осиповой къ Жуковскому мы убѣждаемся, какъ много жгучихъ ощущеній перегорѣло въ страдальческой груди, дабы вылились изъ нея слѣд. плѣнительныя строки:

Въ разны годы
Подъ вашу сѣнь, Михайловскія рощи,
Являлся я!—Вы во мнѣ пріяли
Усталаго пришельца! Я еще
Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неровной истомила;
Я былъ ожесточенъ! Въ уныньи часто
Я помышлялъ о юности моей,

*) Сосѣдка — помѣщица, жившая въ селѣ Тригорскомъ.

Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ,
О строгости заслуженныхъ упрековъ,
О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой
За жаръ души довѣрчивой и нѣжной —
И *горькія кипѣли* въ сердцѣ чувства!
(Соч. Пушк. 1—521).

Пушкинъ силился освободиться отъ тягостнаго положенія своего. По совѣту кн. П. А. Вяземскаго, сердечно къ нему расположеннаго, онъ писалъ письмо, отъ 12 іюня 1826 г., новому Государю Императору Николаю Павловичу (царствовалъ отъ 15 дек. 1825 г. по 18-е февр. 1855 г.) о снятіи съ него опалы, обѣщаясь «держать впередъ языкъ и перо на привязи» (Рус. Арх. 1879, № 8, стр. 478), — но это письмо не подѣйствовало. Тогда сама мать поэта, Надежда Осиповна, рѣшилась, особымъ письмомъ (изъ Ревеля, лѣтомъ) просить свободы ея сыну: письмо было сочинено кн. П. А. Вяземскимъ... Государь внялъ просьбѣ матери,—и ссылка Пушкина кончилась въ послѣднихъ числахъ августа 1826 года...

Пушкинъ пріѣхалъ въ Москву въ коляскѣ съ фельдъегеремъ 8 сент. 1826 г. прямо въ Кремлевскій дворецъ, въ день большаго бала. Императоръ Николай Павловичъ милостиво принялъ поэта, продолжительно бесѣдовалъ съ нимъ о возмущеніи 14 дек. 1825 г., о воспитаніи юношества, о народномъ образованіи; онъ повелѣлъ Пушкину, чтобы онъ письменно изложилъ свои мысли о народномъ воспитаніи,—что Пушкинъ впослѣдствіи исполнилъ въ ноябрѣ 1826 г. (записки Пушкина о народномъ воспитаніи напечатаны въ книгѣ «Девятнадцатый Вѣкъ». М. 1872, кн. 2, стр. 217). О бесѣдѣ

Императора съ поэтомъ одинъ наблюдательный современникъ (Вигель) пишетъ: «Умная, откровенная, почтительно-смѣлая рѣчь Пушкина полюбилась Государю. Ему позволено жить, гдѣ онъ хочетъ и печатать, что онъ хочетъ; Государь взялся быть его цензоромъ (т. е. судіею) съ условіемъ, чтобы онъ не употреблялъ во зло дарованную ему совершенную свободу». (Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля. М. 1865, ч. VII, стр. 55).

Самъ Пушкинъ глубоко былъ признателенъ за милости къ нему Императора Николая I. «Государь осыпалъ меня милостями съ *первой* же *минуты*, когда мысль его обратилась на меня. Въ числѣ его милостей есть такія, о которыхъ я не могу думать безъ глубокаго волненія,—столько въ нихъ было прямоты и великодушія. Онъ былъ *всегда* для меня Провидѣніемъ.» (Письмо А. С. Пушкина. Библіогр. Записки 1861, т. 3, стр. 258).

На балу Государь подозвалъ къ себѣ Блудова (государственнаго человѣка) и сказалъ ему: «Знаешь, что я нынче (т. е. 8 сент. 1826 г.) *долго* говорилъ съ *умнѣйшимъ* человѣкомъ въ Россіи». Государь назвалъ Пушкина... Съ многолюднаго бала радостная вѣсть о пріѣздѣ Пушкина, — объ этой высокой и знаменательной Царской милости,—облетѣла всю Москву. (*Бартеневъ*. Рус. Арх. 1865, стр. 96 и 390).

Вполнѣ довольный милостями Государя Императора Николая Павловича, Пушкинъ въ стихахъ высказалъ свои чувства радости и благодарности къ Вѣнценосцу. 22 дек. 1826 г. Пушкинъ писалъ:

Нѣтъ, я не льстецъ, когда Царю
Хвалу свободную слагаю:

Я смѣло чувства выражаю,
Языкомъ сердца говорю.
Его я просто полюбилъ:
Онъ бодро, честно правитъ нами;
Россію вдругъ онъ оживилъ
Войной, надеждами, трудами.
(Соч. Пушк. 1—355).

Въ поясненіе этихъ стиховъ надо сказать, что мысли новаго Государя о коренныхъ преобразованіяхъ, объ освобожденіи крестьянъ, о народномъ просвѣщеніи, о самостоятельности отношеній нашихъ къ другимъ государствамъ тогда же начали приводиться въ исполненіе.— Пушкинъ продолжаетъ выражать свою благодарность Государю лично за себѣ:

Текла въ изгнаньи жизнь моя,
Влачилъ я съ милыми разлуку,
Но *онъ* мнѣ царственную руку
Подалъ — и съ вами снова я!
Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою,
И я — ль, въ сердечномъ умиленьи,
Его хвалой не воспою? (Тамъ же).

Разныя событія, бывшія въ царствованіе Императора Николая I-го, пробуждали поэтическій духъ въ нашемъ писателѣ. 1830 года посѣтила Россію губительная болѣзнь—холера. Въ концѣ лѣта она стала поражать жителей первопрестольной столицы Москвы. Губернаторъ Москвы письменно извѣщалъ Государя о бѣдствіи, постигшемъ столицу. Сердце Царя было потрясено печальнымъ извѣстіемъ. Государь отвѣчалъ губернатору слѣд. письмомъ отъ 24 сент. 1830 года:

«Съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ получилъ я Ваше печальное письмо. Увѣдомляйте меня съ эстафетами о ходѣ болѣзни. Отъ вашихъ извѣстій будетъ зависѣть мой отъѣздъ. Я пріѣду дѣлить съ Вами опасности и труды. Преданность въ волю Божію!» (Спб. Вѣд. 1830, № 122). — 29 сентября Государь прибылъ въ Москву, пораженную холерою. «Родительское сердце не утерпѣло», сказано въ газетахъ того времени... Народъ со слезами на глазахъ встрѣтилъ Государя своего. Митрополитъ Филаретъ, срѣтая Монарха при входѣ въ большой Успенскій Соборъ, сказалъ краткую, но трогательную рѣчь:

«Благочестивѣйшій Государь! Цари обыкновенные любятъ являться Царями славы, чтобы окружать себя блескомъ торжественности, чтобы принимать почести. Ты являешься нынѣ среди насъ, какъ Царь подвиговъ, чтобы опасности съ народомъ Твоимъ раздѣлять, чтобы трудности препобѣждать. Такое Царское дѣло выше славы человѣческой, поелику основано на добродѣтели Христіанской. Царь Небесный приводитъ сію жертву сердца Твоего и милосердо хранитъ Тебя, и долготерпѣливо щадитъ насъ. Со Крестомъ срѣтаемъ Тебя, Государь: да идетъ съ Тобою воскресеніе и жизнь».

«Царь подвиговъ!» Знаменательныя слова! Нашъ поэтъ выразилъ удивленіе Государю, жертвующему своею жизнію за спасеніе подданныхъ, въ стихотвореніи «Герой», подписанномъ 29 сент. 1830 года, — день пріѣзда Государя въ Москву. Обратите вниманіе на это стихотвореніе! Въ немъ ни слова не сказано объ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, а все говорится про Наполеона I. Тутъ бесѣдуютъ два лица: другъ и поэтъ.

Другъ спрашиваетъ, кто болѣе всего властвуетъ его душею изъ людей? Поэтъ отвѣчаетъ: Наполеонъ. Другъ опять предлагаетъ вопросы за вопросомъ о томъ, когда жъ Наполеонъ болѣе всего поражаетъ умъ поэта: тогда ли, когда онъ вторгается въ Италію, или беретъ верховную власть во Франціи, или когда побѣда за побѣдой покоряетъ ему разные народы,

Иль какъ Москва пустынно блещетъ,
Его пріемля, и молчитъ?
Нѣтъ, не у счастія на лонѣ
Его я вижу, не въ бою,

и рисуетъ поэтъ слѣдующую потрясающую картину:

Одровъ я вижу длинный строй;
Лежитъ на каждомъ трупъ живой,
Клейменный мощною чумою,
Царицею болѣзней. Онъ,
Не бранной смертью окруженъ,
Нахмурясь ходитъ межъ одрами,
И хладно руку жметъ чумѣ,
И въ погибающемъ умѣ
Раждаетъ бодрость.

(Соч. Пушк. 1—446).

Изъ этого стихотворенія видно, что дѣла человѣколюбія, подвиги нравственнаго мужества увлекали Пушкина. Уже по смерти Пушкина обнаружилось, что онъ написалъ стихотвореніе «Герой» въ память посѣщенія Императоромъ Николаемъ I-мъ зачумленной Москвы.

Стихи митрополиту Филарету, на которыхъ теперь остановимся, показываютъ въ поэтѣ нашемъ истиннаго христіанина, глубоко преданнаго Богу и его закону.

На Пушкина иногда находили минуты душевной невзгоды, пытки нравственной,—онъ тогда не вѣрилъ въ добро, смотрѣлъ на жизнь съ презрѣніемъ, ожесточался на всѣхъ,—рѣдко, но бывали съ нимъ такія ужасныя минуты. Въ одно изъ подобныхъ состояній духа онъ написалъ нехорошее по мыслямъ стихотвореніе «Даръ напрасный, даръ случайный» (напис. 26 Мая 1828 г.), гдѣ, вопреки здравому смыслу и указаніямъ вѣры, назвалъ жизнь,— это величайшее благо, — «даромъ напраснымъ, даромъ случайнымъ», ни къ чему не нужнымъ. Митрополитъ Филаретъ, знаменитый пастырь церкви, написалъ стихами отвѣтъ Пушкину о жизни и поучалъ поэта:

Не напрасно, не случайно
Жизнь отъ Бога мнѣ дана;
Не безъ воли Бога тайной
И на казнь осуждена.
Самъ я своенравной властью
Зло изъ темныхъ безднъ воззвалъ,
Душу самъ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ.
Вспомнись мнѣ, забытый мною!
Просіяй сквозь сумракъ думъ!
И созиждется Тобою
Сердце чисто, правый умъ!

Прочитавъ такіе назидательные стихи глубокомысленнаго архипастыря, Пушкинъ смирился. Умиленіе коснулось его благородной души, расположенной ко всему доброму и святому. Поэтъ говоритъ, что, слыша проповѣди богомудраго пастыря, онъ «лилъ потоки слезъ нежданныхъ»:

И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.
И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.
Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

(Сочин. Пушк. 1—435).

Голосъ пастыря благодѣтельно, подобно арфѣ серафима, подѣйствовалъ на скорбящую душу поэта; вмѣсто разочарованія, вмѣсто мрачныхъ думъ и чувствъ, онъ ощутилъ «священный ужасъ» въ своемъ сердцѣ.

Истинно-даровитый человѣкъ только временно забывается, только на мгновеніе предается гнетущему чувству отчаянія. Пройдетъ накипь сердечная, уймется желчь, и онъ опять вѣщаетъ слова любви, примиренія, всепрощенія и молитвы.

Чувство патріотическое Пушкинъ постоянно воспитывалъ своими стихами. Въ разныхъ нашихъ школахъ изучаютъ наизусть превосходное стихотвореніе Пушкина «Клеветникамъ Россіи», написанное 1831 году, въ царствованіе Императора Николая I. Случаемъ къ написанію этого пламеннаго стихотворенія послужилъ Польскій мятежъ, бывшій 1831 г.

Когда сдѣлалось возстаніе въ Польшѣ, то въ иностранныхъ газетахъ стали нападать на Россію; въ тамошнихъ собраніяхъ правительства многіе министры

*

говорили грозныя рѣчи противъ нашего отечества, они предавали насъ «анаѳемѣ». Пушкинъ въ стихотвореніи «Клеветникамъ Россіи» заступается за наше отечество. Нападенія иностранцевъ на насъ поэтъ считаетъ признакомъ ихъ невѣжества, незнанія нашей родины: ни ея исторіи, ни ея нравовъ. Обращаясь къ иностраннымъ «крикунамъ», громившимъ Россію проклятіями за желаніе подавить бунтъ въ Польшѣ, поэтъ говоритъ:

Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали,

т. е. тѣ страницы исторіи, на которыхъ написаны всѣ причины нашихъ несогласій съ Польшею,—тѣ разсказы о битвахъ Русскихъ съ Поляками, на которыхъ полито столько крови нашихъ предковъ.

Для васъ безмолвны Кремль и Прага.

Кремль — Московскій Кремль, свидѣтель многихъ славныхъ дѣлъ нашего отечества, — для иностранцевъ непонятенъ, «безмолвенъ». Они не знаютъ, что съ Московскаго Кремля началось изгнаніе Поляковъ въ 1613 г., вскорѣ послѣ Самозванцевъ. Съ Кремля Московскаго началось очищеніе всей Русской земли отъ Французовъ въ 1812 г. Но Кремль имѣетъ для Русскихъ еще одно высокое значеніе, это—святыня благочестія Русскаго. Тамъ почиваютъ нетлѣнныя мощи Святыхъ, прославляемыхъ Русскою церковью: Петра, Алексѣя, Іоны и Филиппа, потрудившихся и умершихъ за Россію. Тамъ, въ Кремлѣ, усыпальница нашихъ Великихъ Князей и Царей Московскихъ, жившихъ до Петра Великаго, собиравшихъ Рус-

скую землю въ одно крѣпкое Государство, грозное для враговъ.

Для васъ, иностранные крикуны, безмолвны Кремль и Прага...

Прага, — здѣсь разумѣется то предмѣстье Варшавы (въ Царствѣ Польскомъ), гдѣ Суворовъ при Императрицѣ Екатеринѣ II, 29 Окт. 1794 г., показалъ Полякамъ и всему міру несокрушимую силу и непобѣдимость Русскаго воинства, положивъ на мѣстѣ около 24 тысячъ враговъ Русской Императрицы. «Прага у ногъ Вашего Величества!»—Ура, фельдмаршалъ Суворовъ!» воскликнула Государыня, тогда какъ онъ не былъ еще фельдмаршаломъ... Она за взятіе Праги даровала Суворову званіе фельдмаршала: высшая почесть для военнаго человѣка! Послѣ взятія Праги часть Польши подпала подъ власть Россіи навсегда. Такъ много значитъ Прага!

Указаніе на незнаніе иностранцами исторіи продолжается дальше въ стихотвореніи «Клеветникамъ Россіи». Пушкинъ все спрашиваетъ, за что иноземные крикуны ненавидятъ насъ:

За то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
За то ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?
(Соч. Пушк. 1—473).

Пушкинъ припоминаетъ иностраннымъ краснобаямъ

дѣянія нашихъ предковъ все грознѣе и грознѣе. Онъ выбираетъ такія событія, которыя обнаруживаютъ вполнѣ могущество нашего народа, напр. низверженіе Наполеона I-го, поплатившагося позоромъ за свое нашествіе на Россію. Онъ припоминаетъ имъ разгромъ Турецкой Имперіи при императрицѣ Екатеринѣ II (въ 1790 г.) въ слѣд. поразительныхъ стихахъ:

Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой Измаильскій штыкъ?

«Измаильскій штыкъ!» Два слова! Но тутъ страшное воспоминаніе для Турціи... Есть на свѣтѣ крѣпость Турецкая (или лучше: была, да сплыла), на берегахъ Дуная, въ Молдавіи. При Императрицѣ Екатеринѣ II здѣсь Русскіе показали чудеса храбрости. Суворовъ писалъ Турецкому начальнику крѣпости, обороняемой тремя стами пушекъ: «двадцать четыре часа на размышленіе и штурмъ. Мой штурмъ — смерть.» Екатерининскіе «орлы» не любили по пустому тратить время... Турецкій начальникъ не соглашался сдать крѣпость, и она была взята штурмомъ на разсвѣтѣ 11 дек. 1790 года. Кутузовъ по лѣстницѣ, сдѣланной изъ штыковъ, первый взошелъ на стѣну крѣпости, за что Екатерина II и называла его «мой Кутузовъ». Кутузовъ, вошедши въ крѣпость, требовалъ отъ Суворова подкрѣпленій, — Суворовъ не далъ ему новыхъ войскъ, а вмѣсто того назначилъ его Измаильскимъ комендантомъ. Пушкинъ напоминаетъ иностранцамъ всѣ подобныя событія, чтобы показать имъ силу Русскаго народа, ими «ненавидимаго.»

Далѣе въ стихотвореніи «Клеветникамъ Россіи» говорится о могуществѣ слова Русскаго Царя и огромномъ

пространствѣ, на которомъ разселена Россія. Это вдохновенные стихи:

Иль Русскаго Царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль Русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды (Крыма),
Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды (Грузіи),

Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ Русская земля?
(Соч. Пушк. 1—474).

Эти «огнедышащія» слова наше юношество заучиваетъ наизусть въ школѣ; эти стихи часто приводятся въ газетахъ; эти стихи часто произносятся въ устной рѣчи. Пламенные стихи! возвышенные стихи! Пушкинъ понималъ силу Россіи. Онъ съ невольнымъ благоговѣніемъ останавливался передъ ея безпредѣльнымъ пространствомъ: онъ заставлялъ насъ дорожить именемъ Русскаго. Изучайте и вы наизусть подобные мощные стихи, исполненные пламенной любви къ нашей великой родинѣ...

Стихотвореніе «Бородинская Годовщина», написанное 1831 года, вѣетъ тѣмъ же возвышеннымъ патріотическимъ духомъ. Поэтъ указываетъ на неразумныя желанія Поляковъ отнять у Русскихъ разные города и земли, кровью предковъ нашихъ пріобрѣтенныя:

Нашъ Кіевъ дряхлый, златоглавый,
Сей пращуръ Русскихъ городовъ,

Сроднитъ ли съ буйною Варшавой
Святыню всѣхъ своихъ гробовъ?
(Соч. Пушк. 1—476).

Поэтъ убѣжденъ въ несокрушимости Россіи, не смотря на разныя бѣдствія, которыя послалъ ей тогда, въ 1830 — 1831 г., Господь.

Сильна ли Русь? Война, и моръ,
И бунтъ, и внѣшнихъ бурь напоръ,
Ее, бѣснуясь, потрясали. —
Смотрите жъ: *все стоитъ она!*
А вкругъ нея волненья пали. (Тамъ же, стр. 477).

Въ этихъ немногихъ словахъ указано на злосчастный для Россіи 1831-й годъ. Тогда бунтъ поднялся въ Польшѣ, велась война съ мятежниками, а въ то же время «моръ» губилъ людей, т. е. холера свирѣцствовала въ разныхъ мѣстахъ Имперіи. Тысячи народу мерли; жертвами губительной болѣзни сдѣлались бывшій главнокомандующій въ Турецкой войнѣ графъ Дибичъ-Забалканскій, умершій 29 Мая, и Его И. Высочество В. Кн. Константинъ Павловичъ, братъ Царскій, умершій 15 Іюня. — Сверхъ Польскаго бунта, войны и мора, еще былъ «внѣшнихъ бурь напоръ», т. е. волненія простаго народа въ Петербургѣ, на Сѣнной и другихъ частяхъ города. Волненія въ народѣ происходили отъ заблужденія; народъ въ умственномъ своемъ затьмѣніи думалъ, что холера напускается докторами нарочно. Волненіе достигло такихъ большихъ размѣровъ, что Государь Императоръ Николай Павловичъ самъ пріѣзжалъ на Сѣнную площадь, дабы успокоить помрачившіеся умы. Его могучій голосъ, раздавшійся на площади, повергъ

ницъ тысячи народа, и слезами горькаго раскаянія народъ смылъ свою вину передъ своимъ «героемъ» — Царемъ. «Простой народъ, — приводимъ слова тогдашнихъ газетъ,—забывшійся въ минуту ослѣпленія, услышалъ священный голосъ Государя,—голосъ, которымъ Государь, вмѣсто всякаго наказанія, повелѣлъ народу преклонить колѣни передъ храмомъ Божіимъ*). Самъ Государь молился за ослѣпленныхъ и народъ, устыдясь своего заблужденія, палъ ницъ, просилъ прощенія у Бога и Царя своего.» (Сѣверная Пчела 1831, № 159).—

«Иль Русскаго Царя безсильно слово?» По-праву могъ Пушкинъ задать такой вопросъ.

— Сильна ли Русь? Война, и моръ,
И бунтъ, и внѣшнихъ бурь напоръ,
Ее, бѣснуясь, потрясали —
Смотрите жъ: *все стоитъ она*!...

Великія и сладкія слова, «все стоитъ она», наша святая Русь!...

Стихотворенія Пушкина «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская Годовщина» въ 1831 г. были изданы отдѣльною книжкою вмѣстѣ съ произведеніемъ Жуковскаго «Русская Слава». И — прекрасно! Пусть народъ почаще читаетъ сочиненія, прославляющія наше Отечество...

Но не одни громкія дѣянія нашихъ предковъ и Царей воспѣвалъ Пушкинъ. Онъ съ любовію пѣлъ о мирныхъ, мало кому замѣтныхъ, событіяхъ жизни нашихъ Госуда-

---

*) Это великое событіе изображено на памятникѣ Императора Николая I, что въ Петербургѣ, близъ Маріинскаго Дворца.

рей. Поэтъ не то, что мы, обыкновенные люди, — онъ поражается и такимъ явленіемъ, которое мимо насъ проходитъ, не остановивъ наше вниманіе. У Пушкина есть стихотвореніе подъ названіемъ «Къ Н**». Оно написано въ 1834 году. Это прежнее названіе «Къ Н**» и до сихъ поръ остается такъ напечатаннымъ, хотя полное имя буквы «Н**» давно уже открыто нашимъ знаменитымъ писателемъ Гоголемъ (род. 1810 г., ум. 1852 г.). Гоголь о происхожденіи названнаго стихотворенія говоритъ слѣдующее: «Былъ вечеръ въ Аничковомъ дворцѣ, одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, къ которымъ, какъ извѣстно, приглашались одни избранные изъ нашего общества. Между ними былъ тогда и Пушкинъ. Все въ залахъ уже собралося; но Государь (Николай Павловичъ) долго не выходилъ. Отдалившись отъ всѣхъ въ другую половину дворца и воспользовавшись первой досужей минутой, онъ развернулъ Иліаду *) и увлекся нечувствительно ея чтеніемъ во все то время, когда въ залахъ давно уже гремѣла музыка и кипѣли танцы. Сошелъ онъ на балъ уже нѣсколько поздно, принеся на лицѣ своемъ слѣды иныхъ впечатлѣній. Сближеніе этихъ двухъ противоположностей скользнуло незамѣченнымъ для всѣхъ, но въ душѣ Пушкина оставило сильное впечатлѣніе», (Рус. Арх. 1866, стр. 1732), плодомъ котораго было слѣд. стихотвореніе:

*) Дошедшее съ древности до насъ произведеніе, въ которомъ стройными стихами разсказано, какъ древніе Греки брали знаменитый городъ Трою (Иліонъ) въ Азіи.

Съ Гомеромъ *) долго ты бесѣдовалъ одинъ;
Тебя мы долго ожидали;
И свѣтелъ ты сошелъ съ таинственныхъ вершинъ,
И вынесъ намъ свои скрижали.
И чтожъ? Ты насъ обрѣлъ
Въ безумствѣ суетнаго пира,
Поющихъ буйну пѣснь и скачущихъ кругомъ
Отъ насъ созданнаго кумира.
Смутились мы, твоихъ чуждаяся лучей.
Ты любишь съ высоты
Скрываться въ тѣнь долины малой;
Ты любишь громъ небесъ, и также внемлешь ты
Журчанью пчелъ надъ розой алой.
(Соч. Пушк. 1—509).

Такимъ образомъ незамѣченное другими было замѣчено поэтомъ и осталось навѣки въ его плѣнительныхъ стихахъ.

До сихъ поръ мы знакомились съ тѣми стихотвореніями и сочиненіями Пушкина, которыя касаются *историческихъ* событій въ нашемъ отечествѣ. Мы видѣли, что по сочиненіямъ нашего поэта можно изучать великія дѣянія нашихъ предковъ и воспитывать наше патріотическое чувство, т. е. чувство любви къ родинѣ.

Перейдемъ теперь къ другому обширному отдѣлу его произведеній, къ произведеніямъ *народнаго* содержанія.

Пушкинъ былъ нашъ *народный* поэтъ. Онъ пламенно любилъ наши родные нравы, наши «свычаи и обычаи». Если внимательно вникнуть въ многочислен-

*) Знаменитый Греч. поэтъ, жившій за нѣсколько сотъ лѣтъ до Р. Хр.

ныя произведенія Пушкина, то можно найти въ нихъ чудную картину нашей народной жизни.

Нравился Пушкину во-первыхъ нашъ сказочный міръ. Въ письмѣ къ брату отъ октября 1824 г. изъ деревни пишетъ онъ: «Знаешь ли мои занятія? до обѣда пишу записки, обѣдаю поздно; послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки — и вознаграждаю тѣмъ недостатки своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки!» (Библіогр. Записки, изд. Лонгинова. 1858, т. 1, стр. 46). Своимъ чуднымъ языкомъ Пушкинъ такъ описалъ на 29-мъ году своей жизни нашъ очаровательный сказочный міръ:

У лукоморья (на излучистомъ берегу моря) дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ:
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идетъ направо — пѣснь заводитъ,
Налѣво — сказку говоритъ.
Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынутъ волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ
И съ ними дядька ихъ морской;
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;

Тамъ въ облакахъ передъ народомъ
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря;
Въ темницѣ тамъ царевна тужитъ,
А бурый волкъ ей вѣрно служитъ;
Тамъ ступа съ бабою ягой
Идетъ — бредетъ сама собой;
Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ;
Тамъ Русскій духъ... тамъ Русью пахнетъ!
И тамъ я былъ, и медъ я пилъ,
У моря видѣлъ дубъ зеленый,
Подъ нимъ сидѣлъ; и котъ ученый
Свои мнѣ сказки говорилъ.

(Соч. Пушк. 2—5 и 6).

Онъ съ любовію изучалъ наши сказки, дѣлалъ къ нимъ чертежи самъ... (См. I т. соч. Пушкина, изд. Анненкова. Спб. 1855, на концѣ книги). Онъ записывалъ сказки со словъ своей няни Арины Родіоновны, а затѣмъ перекладывалъ ихъ въ стихи. Онъ усвоилъ себѣ разныя народныя прибаутки о животныхъ, напр.:

Въ ту пору звѣри собиралися
Ко тому ли медвѣдю — ко боярину;
Прибѣгали звѣри большіе,
Прибѣгали тутъ звѣришки меньшіе,
Прибѣгалъ тутъ волкъ...
У него-то зубы закусливые,
У него-то глаза завистливые!
Приходилъ тутъ бобръ, торговый гость,
У него-то бобра жирный хвостъ!
Приходила ласточка — дворяночка,
Приходила бѣлочка — княгиничка,

Приходила лисичка — подъячиха —
Подъячиха, казначеиха!
Приходилъ скоморохъ — горностаюшка,
Прибѣгалъ тутъ зайка — смердъ,
Зайка бѣдненькой, зайка сѣренькой!
Приходилъ цѣловальникъ — ёжъ:
Все-то онъ ёжъ ёжится,
Все-то онъ щетинится!

(Соч. Пушк. 2—442).

Пушкинъ написалъ *шесть* сказокъ: «Женихъ» (напис. 1825 г.), «Сказка о Царѣ Салтанѣ» (— 1831 г.), «О купцѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ» (—1831 г.), «О золотомъ пѣтушкѣ», «О мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ», «О рыбакѣ и Рыбкѣ» (—1833 г.). Сказки Пушкина чрезвычайно нравились нашимъ предкамъ. Одинъ изъ нихъ, Н. И. Гнѣдичъ, писатель нашъ, человѣкъ весьма ученый, знавшій основательно Греческій языкъ, прочитавши сказку Пушкина про Царя Салтана, выразилъ такимъ образомъ свое изумленіе нашему поэту:

Пушкинъ, *чародѣй*,
Гибкимъ твоимъ языкомъ и волшебствомъ твоихъ пѣснопѣній.
Уши закрой отъ похвалъ и сравненій
Добрыхъ друзей!
Пой, какъ поешь ты, родной соловей!
Ты нашъ Баянъ (славный древній пѣвецъ)!
Небомъ роднымъ вдохновенный,
Ты на Руси нашъ пѣвецъ несравненный!

(Изд. Анненкова. 1—321).

«Сказка о Царѣ Салтанѣ, о сынѣ его, славномъ и могучемъ богатырѣ князѣ Гвидонѣ Салтановичѣ и о прекрасной Царевнѣ Лебеди»—простая, самая простая сказочка. Тутъ выведены три сестрицы: одна хвалится, что она на весь міръ приготовитъ пиръ, если сдѣлается царицей; другая хвалится, что она одна соткетъ на весь міръ полотна, —

Кабы я была царица,
Третья молвила сестрица,
Я бъ для батюшки — царя
Родила богатыря.

(Соч. Пушк. 2—354).

Царь Салтанъ подслушалъ эти рѣчи, женился на третьей сестрицѣ, первую же сдѣлалъ ткачихой, а вторую поварихой. Родила царица сына въ аршинъ, а ткачиха съ поварихой, со злости, велятъ сказать царю Салтану:

Родила царица въ ночь
Не то сына, не то дочь:
Не мышенка, не лягушку,
А невѣдому звѣрюшку.

Царь въ сердцахъ велѣлъ и царицу и приплодъ, засмоливъ въ бочкѣ, пустить по морю-окіяну. Разныя чудеса потомъ происходили. Царевичъ выросъ, вышелъ съ матерью на берегъ, спасъ лебедь отъ коршуна, — лебедь оказалась царевною, которая, по волѣ царевича, дѣлала все, ему угодное. Царевичъ сдѣлался царемъ на островѣ, на которомъ прежде росъ дубокъ единый,

А теперь стоитъ на немъ
Новый городъ со дворцомъ,
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами и садами.

Царь острова Гвидонъ желаетъ видѣть царя Салтана; корабельщики разныя чудеса разсказываютъ про островъ; они говорятъ про чудную бѣлку, которая пѣсенки поетъ

И орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотыя,
Ядра—чистый изумрудъ,—
Кучки (изумруда) ровныя кладетъ,
И съ присвисточкой поетъ
При честномъ, при всемъ народѣ:
Во саду ли, въ огородѣ.

Разсказываютъ корабельщики Салтану про тридцать три богатыря, раждающіеся изъ моря:

Море вдругъ
Всколыхалося вокругъ,
Расплескалось въ шумномъ бѣгѣ
И оставило на брегѣ
Тридцать три богатыря.

Богатыри стерегутъ островъ царя Гвидона. Разсказываютъ корабельщики царю Салтану про одно дивное диво на томъ же островѣ:

За моремъ царевна есть,
Что не можно глазъ отвесть.
Днемъ свѣтъ Божій затмѣваетъ,
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.

Всѣ эти дива желалъ посмотрѣть царь Салтанъ, но

«Ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой»

мѣшали; но когда корабельщики сказали про чудесную Царевну,—царь Салтанъ не утерпѣлъ,—

«Что я? царь или дитя?»
Говоритъ онъ не шутя:
«Нынче жъ ѣду!» Тутъ онъ топнулъ,
Вышелъ вонъ и дверью хлопнулъ.

Салтанъ поѣхалъ на чудный островъ, увидѣлъ бѣлку чудную, увидѣлъ тридцать три богатыря и чудесную царевну, а въ царѣ Гвидонѣ узналъ своего сына, въ его матери—свою жену.

Въ немъ взыграло ретивое!
«Что я вижу? что такое?
Какъ!» и духъ въ немъ занялся.
Царь слезами залился,
Обнимаетъ онъ царицу,
И сынка и молодицу,
И садятся всѣ за столъ;
И веселый пиръ пошелъ.
(Соч. Пушк. 2—385).

Всѣ сказки Пушкина прекрасны: онѣ вѣютъ роднымъ нашимъ духомъ:

Въ нихъ Русскій духъ... *въ нихъ* Русью пахнетъ.

Но всѣхъ безподобнѣе сказка «о Рыбакѣ и Рыбкѣ» Безподобна она своею простотою, ясностію, задушевностію, чистымъ народнымъ языкомъ и глубокою поучительностію. Сказка эта вошла во всѣ школьныя книжки по Русскому языку, издана особо для народнаго чтенія, съ картинками.

Жилъ старикъ со своей старухой
У самаго синяго моря;
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неводомъ рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
(Соч. Пушк. 2—421).

Закинулъ старикъ неводъ,—поймалъ одну тину; еще закинулъ неводъ,—вытащилъ морскую траву; въ третій разъ закинулъ неводъ—поймалъ золотую рыбку. Рыбка была чудесная:

Какъ взмолится золотая рыбка,
Голосомъ молвитъ человѣчьимъ:
«Отпусти ты, старче, меня въ море,
Дорогой за себя дамъ откупъ:
Откуплюсь чѣмъ только пожелаешь».
Старикъ сказалъ ей ласковое слово:
— Богъ съ тобою, золотая рыбка!
Твоего мнѣ откупа не надо;
Ступай себѣ въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на просторѣ.

Доброта старика, рыбачившаго тридцать лѣтъ и три года, не понравилась его старухѣ. Она разбранила мужа за то, что онъ «такъ» пустилъ рыбку въ синее море, т. е. безъ выкупа, безъ денегъ. Старикъ потомъ нѣсколько разъ обращался къ рыбкѣ съ разными просьбами для удовлетворенія требованій своей бабы. Просилъ онъ новаго корыта,—рыбка дала корыто; просилъ онъ новой избы,—дана была новая изба—

Со свѣтелкой,
Съ кирпичною, бѣленою трубою,
Съ дубовыми, тесовыми вороты.

Просилъ рыбку произвесть старуху въ столбовые дворяне—рыбка исполнила эту просьбу; пожелала старуха быть, къ изумленію мужа, вольной царицей, — и это желаніе было исполнено; наконецъ старуха восхотѣла сдѣлаться владычицей морской,

«Чтобъ жить мнѣ въ окіянѣ-морѣ,
Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая,
И была бъ у меня на посылкахъ».

Вотъ тутъ-то и стряслась надъ старухой сущая бѣда,—старику

Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостомъ по водѣ плеснула
И ушла въ глубокое море.

Стоялъ-стоялъ рыбакъ у моря, не дождался рыбки, къ старухѣ воротился:

Глядь: опять передъ нимъ землянка,
На порогѣ сидитъ его старуха,
А передъ нею разбитое корыто.

Поучительно! Весьма поучительно! Будь доволенъ немногимъ, будь доволенъ тѣмъ, что тебѣ дано, не требуй безумнаго; благодари Бога за теплый и свѣтлый уголъ, а думать о царскихъ палатахъ, да о владычествѣ надъ моремъ, коли ты родился для скромной доли,—не моги, никакъ не моги. Знай сверчокъ свой шестокъ!...

Прекрасная сказка «о Рыбакѣ и Рыбкѣ» издана отдѣльно (1859 г.), съ картинками, и не дорого стоитъ. Желательно бы, чтобы народъ нашъ покупалъ себѣ подобныя книжки для своего домашняго чтенія и бросалъ

*

бы разные «Бовы Королевичи», «Еруслановы Лазаревичи», «Битвы Русскихъ съ Кабардинцами», «Приключенія Милорда Англійскаго», разносимые мальчиками—вмѣстѣ съ спичками. Не «Милордъ Англійскій» намъ нуженъ, а сочиненія Пушкина,—эти прекрасныя произведенія, наполняющія умъ здравыми мыслями, сердце — добрыми чувствами.

Про сказки Пушкина можно сказать его же меткими словами:

А куда разумны шутки,
Приговоры, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!...
Слушать—такъ душѣ отрадно;
Кто придумалъ ихъ такъ складно?
И не пилъ бы, и не ѣлъ,
Все бы слушалъ, да глядѣлъ.
(Соч. Пушк. 2—443).

Кромѣ сказокъ, Пушкинъ любилъ во-вторыхъ наши *народныя пѣсни*. Обращаясь къ своей нянѣ, онъ говоритъ:

Спой мнѣ пѣсню, какъ синица,
Тихо за моремъ жила;
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой поутру шла.
(Соч. Пушк. 1—337).

Бѣлка въ его сказкѣ «о Царѣ Салтанѣ» поетъ при всемъ честномъ народѣ «во саду ли, во огородѣ». Бродячій монахъ Мисаилъ поетъ пѣсню «какъ во городѣ было во Казани» (въ сочиненіи «Борисъ Годуновъ»). Мятежникъ Пугачевъ въ повѣсти «Капитанская Дочка» поетъ разбойничью пѣсню:

«Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ добру молодцу думу думати».
(Соч. Пуш. 4—498).

И самъ Пушкинъ не мало сочинилъ прекрасныхъ пѣсенъ въ духѣ народа: онѣ встрѣчаются во многихъ его произведеніяхъ: «Черкесская Пѣсня»,—въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ» (напис. 1821 г., соч. 2—122), «Татарская Пѣсня» — въ сочиненіи «Бахчисарайскій Фонтанъ» (напис. 1822 г., соч. 2—137), «Цыганская Пѣсня»—въ сочиненіи «Цыганы» (напис. 1824 г., соч. 2—181). Эта послѣдняя пѣсня начинается такъ:

Старый мужъ, грозный мужъ,
Рѣжь меня, жги меня —
Я тверда, не боюсь
Ни ножа, ни огня.

Цыгане усвоили себѣ эту пѣсню еще при жизни Пушкина и распѣвали ее дикимъ своимъ напѣвомъ, говоря—«*ѣшь* меня» вмѣсто «рѣжь меня». (Рус. Арх. 1874 г., кн. 1, стр. 424).

Въ томъ же сочиненіи, т. е. «Цыганахъ» находится пѣсенка про беззаботную птичку: «Птичка Божія не знаетъ ни заботы, ни труда»,—обще-Русская пѣсенка, которую твердили и твердятъ дѣти наши во всевозможныхъ низшихъ школахъ. Въ сочиненіи «Полтава» есть пѣсня про казака, везущаго важное донесеніе Царю Петру:

Кто при звѣздахъ и при лунѣ
Такъ поздно ѣдетъ на конѣ?
Чей это конь неутомимый
Бѣжитъ въ степи необозримой?
(Соч. Пушк. 2—225).

Въ большомъ своемъ произведеніи «Евгеній Онѣгинъ» Пушкинъ помѣстилъ прекрасную пѣсню про дѣвушекъ:

Дѣвицы красавицы,
Душеньки подруженьки,
Разыграйтесь, дѣвицы,
Разгуляйтесь, милыя!
Затяните пѣсенку,
Пѣсенку завѣтную:

(Соч. Пушк. 3—81).

Особенно хороша пѣсня въ сочиненіи его «Русалка», (напис. 1832 г.). Здѣсь представлена древняя Русская свадьба, съ разными ея старинными обрядами. Выходитъ сватъ и говоритъ, обращаясь къ дѣвушкамъ:

Что жъ, красныя дѣвицы, вы примолкли,
Что жъ, бѣлыя лебедушки, притихли?
Али всѣ пѣсенки вы перепѣли?
Аль горлышки отъ пѣнья пересохли?

Хоръ отвѣчаетъ:

Сватушка, сватушка,
Безтолковый сватушка!
По невѣсту ѣхали —
Въ огородъ заѣхали,
Пива бочку пролили,
Всю капусту полили,
Тыну поклонилися,
Вереѣ молилися:
Верея ль, вереюшка,
Укажи дороженьку
По невѣсту ѣхати.
Сватушка, догадайся,
За мошоночку принимайся:

Въ мошнѣ денежка шевелится,
Краснымъ дѣвушкамъ норовится.

(Соч. Пушк. 3—441).

Читаешь такую славную пѣсню и думаешь, что Пушкинъ подслушалъ ее гдѣ-нибудь на полѣ, или на свадьбѣ въ избѣ мужика.

Пѣсня Пушкина «Подъ вечеръ осенью ненастной» (напис. 1814 г., соч. 1 — 24) играется шарманщиками по всей Россіи, а она написана поэтомъ на пятнадцатомъ году его жизни. Также общеизвѣстна Молдавская пѣсня Пушкина «Черная Шаль» (напис. 1820 г.), начинающаяся словами:

Гляжу я безмолвно на черную шаль
И хладную душу терзаетъ печаль.

(Соч. Пушк. 1—221).

И эту пѣсню еще при жизни поэта положили на музыку (Верстовскій) и пѣли на Невѣ въ присутствіи Пушкина. Ясное доказательство, что пѣсни нашего поэта весьма нравились Русскимъ.

Любилъ Пушкинъ въ третьихъ наши повѣрья. Всѣ сочиненія его наполнены драгоцѣнными матеріалами для ознакомленія съ этою стороною народнаго быта.

Прочтите слѣд. произведенія Пушкина: «Домовому» (напис. 1819 г.), «Утопленникъ» (—1828 г.), «Бѣсы» (— 1830 г.), «Гусаръ» (1833 г.), — это все небольшія сочиненія, — и вы получите ясное понятіе о нашемъ народѣ. Обращаясь къ домовому, Пушкинъ проситъ хранить селеніе, лѣсъ, садикъ, поля, берегъ сонныхъ водъ, укромный огородъ съ калиткой ветхою, зеленый скатъ холмовъ, луга, прохладныя липы и шумныя

сосны. Стихотвореніе «Къ Домовому» прямо переноситъ насъ въ душу крестьянина, вѣрующаго въ домоваго, какъ въ дѣйствительное лице.

Стихотвореніе «Утопленникъ» изображаетъ намъ нѣсколько важныхъ сторонъ въ быту крестьянина: боязнь суда, грубое обращеніе съ дѣтьми, бѣдность, вѣру въ появленіе покойниковъ. Здѣсь разсказывается, что дѣти извѣстили отца объ утопленникѣ на рѣкѣ:

— Врите, врите, бѣсенята,
Заворчалъ на нихъ отецъ;
Охъ, ужъ эти мнѣ ребята!
Будетъ вамъ ужо́ мертвецъ!
(Соч. Пушк. 1—395).

Мужикъ, боясь суда, оттолкнулъ трупъ отъ берега,

И мертвецъ внизъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.

Обращаясь къ дѣтямъ, онъ говоритъ:

«Вы, щенки, за мной ступайте!
Будетъ вамъ по калачу,
Да смотрите жъ, не болтайте,
А не то поколочу».

Ночью зашумѣла погода:

Ужъ лучина догорѣла
Въ дымной хатѣ мужика,
Дѣти спятъ, хозяйка дремлетъ,
На палатяхъ мужъ лежитъ

Буря на дворѣ, вдругъ стукъ у окна,—мужикъ взглянулъ въ окно, а передъ нимъ —

Голый.
Съ бороды вода струится,

Взоръ открытъ и недвижимъ;
Все въ немъ страшно онѣмѣло,
Опустились руки внизъ,
И въ распухнувшее тѣло
Раки черные впились.

Въ концѣ стихотворенія говорится, что несчастный мужикъ съ той поры въ часъ урочный видитъ утопленника, который является и стучитъ подъ окномъ и у воротъ. Само собою разумѣется, что здѣсь не все надо понимать въ буквальномъ смыслѣ, — утопленникъ на самомъ дѣлѣ не приходилъ, а просыпалась совѣсть у мужика, которая въ извѣстное время мучила его за нечеловѣколюбивое дѣло—отказъ мертвому человѣку въ погребеніи, изъ боязни суда...

Стихотвореніе «Бѣсы» представляетъ намъ ямщика среди зимней вьюги:

Вьюга злится, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе храпятъ;
Вонъ ужъ *онъ* далече скачетъ,
Лишь глаза во мглѣ горятъ.

Кто же это *онъ*? Бѣсъ, по словамъ и убѣжденію ямщика. Снѣгъ отъ вѣтра подымается, носится съ ужасною силою отъ одного мѣста на другое, затрудняетъ дорогу лошадямъ, — онѣ совсѣмъ останавливаются: ямщикъ все объясняетъ нечистою силою:

«Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
Дуетъ, плюетъ на меня;
Вонъ—теперь въ оврагъ толкаетъ
Одичалаго коня;

Тамъ верстою небывалой
Онъ торчалъ передо мной;
Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
И пропалъ во тьмѣ пустой».

Вѣтеръ свищетъ, завываетъ, шумитъ, кружитъ, мятетъ, — ямщику же все представляются бѣсы, бѣсы и бѣсы:

Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны
Будто листья въ ноябрѣ...
Сколько ихъ! Куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?
Домоваго ли хоронятъ,
Вѣдьму ль замужъ выдаютъ?
(Соч. Пушк. 1—449).

Такъ всегда непросвѣщенный умъ по своему объясняетъ самыя обыкновенныя явленія природы. Онъ не хочетъ вѣрить, что вѣтеръ свищетъ; онъ думаетъ, что бѣсъ воетъ. Надо учиться, чтобы понимать окружающую насъ природу.

Стихотвореніе «Гусаръ» говоритъ о вѣрованіи Русскаго простаго человѣка въ существованіе Кіевскихъ вѣдьмъ. Тутъ служивый разсказываетъ хлопцу, какъ онъ съ полкомъ стоялъ въ Кіевѣ.

«То ль дѣло Кіевъ? Что за край!
Валятся сами въ ротъ галушки,
Виномъ хоть пару поддавай.
(Соч. Пушк. 1—498).

Одно не хорошо,—что тамъ (т. е. въ Кіевѣ) вѣдьмы дѣлаются хозяйками.

«Разъ я лежу, глаза прищуря
(А ночь была тюрьмы чернѣй
И на дворѣ шумѣла буря),
«И слышу! кумушка моя
Съ печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присѣла къ печкѣ, уголь вздула,
«И свѣчку тонкую зажгла,
Да въ уголокъ пошла со свѣчкой,
Тамъ съ полки скляночку взяла,
И сѣвъ на вѣникъ передъ печкой,
«Раздѣлась до нага; потомъ
Изъ склянки три раза хлебнула,
И вдругъ на вѣникѣ верхомъ
Взвилась въ трубу и улизнула.»

Удивился гусаръ и сталъ самъ пробовать склянку, изъ которой его хозяйка хлебала,—на что ни плеснетъ, все подымается и уходитъ въ печку.

«Гляжу: подъ лавкой дремлетъ котъ;
И на него я брызнулъ склянкой —
Какъ фыркнетъ онъ! Я: брысь!.. И вотъ
И онъ туда же за лаханкой...»

Потомъ онъ и самъ попробовалъ выпить. Опять чудо! Гусаръ взвился и полетѣлъ подъ небеса.

«Лечу, лечу, лечу,
Куда, не помню и не знаю;
Лишь встрѣчнымъ звѣздочкамъ кричу:
Правѣй!... и на земь упадаю...»

Смотритъ гусаръ: гора; на горѣ поютъ, играютъ и жида съ лягушкою вѣнчаютъ. Глядь: бѣжитъ его хозяйка

и ну на него кричать, зачѣмъ онъ здѣсь, — и велитъ ему отсюда убираться на кочергѣ.

«Чтобъ я, я сѣлъ на кочергу,
Гусаръ присяжный! Ахъ ты, дура!
«Коня»!—

Ему данъ былъ конь; гусаръ понесся на конѣ и очутился у печки, а подъ нимъ не конь, а старая скамья....

И въ Кіевскихъ вѣдьмъ народъ нашъ по не грамотности своей вѣритъ, точно также, какъ и въ домовыхъ, лѣсовиковъ, русалокъ, появленіе утопленниковъ подъ окнами, присутствіе бѣсовъ въ метели. Пушкинъ очень внимательно изучалъ суевѣрія простонародья, иначе онъ не написалъ бы такихъ превосходныхъ стихотвореній, какъ «Къ Домовому», «Утопленникъ», «Бѣсы» и «Гусаръ».

Зналъ Пушкинъ повѣрья Русскаго народа; зналъ онъ и другія стороны быта простаго Русскаго человѣка. Въ обширномъ своемъ сочиненіи «Евгеній Онѣгинъ» онъ говоритъ:

Просто вамъ перескажу
Преданья Русскаго семейства
Да нравы нашей старины.
(Соч. Пушк. 3—65).

Вотъ вамъ занятія деревенской барыни:

Она ѣзжала по работамъ,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила въ баню по субботамъ,
Служанокъ била осердясь,
Все это мужа не спросясь.
(Соч. Пушк. 3—52).

Припомните, что сочиненіе «Евгеній Онѣгинъ» писалось съ 1825 по 1832-й годъ, во время крѣпостнаго права,—когда не только помѣщикъ, но и жена его могла «брить лбы», т. е. отдавать крестьянъ въ солдаты; въ царствованіе Императора Александра II, Царя-Освободителя, подобное грустное право уничтожено 19 Февр. 1861 года.

А вотъ ежедневныя занятія дочери чиновника въ Коломнѣ, что въ Петербургѣ:

Параша
Умѣла мыть и гладить, шить и плесть;
Всѣмъ домомъ правила одна Параша;
Поручено ей было счеты весть,
При ней варилась гречневая каша
(Сей важный трудъ ей помогала несть
Стряпуха Ѳекла, добрая старуха,
Давно лишенная чутья и слуха).
(Соч. Пушк. 2—274).

Присмотритесь къ жизни помѣщиковъ нашей старины:

Они хранили въ жизни мирной
Привычки милой старины:
У нихъ на масляницѣ жирной
Водились Русскіе блины.
Два раза въ годъ они говѣли,
Любили круглыя качели,
Подблюдны пѣсни, хороводъ;
Въ день Троицынъ, когда народъ
Зѣвая слушаетъ молебенъ,
Умильно на пучокъ зари
Они роняли слезки три.
Имъ квасъ какъ воздухъ былъ потребенъ,

И за столомъ у нихъ гостямъ
Носили блюда по чинамъ.
(Соч. Пушк. 3—54).

Своихъ гостей они угощали на славу, по нашимъ Русскимъ обычаямъ:

Обрядъ извѣстный угощенья:
Несутъ на блюдечкахъ варенья,
На столикъ ставятъ вощаной
Кувшинъ съ брусничною водой.
(Соч. Пушк. 3—59).

Гостепріимная старина сказывается во всемъ. Обратите вниманіе на вечерній чай въ деревнѣ:

Смеркалось; на столѣ блистая
Шипѣлъ вечерній самоваръ,
Китайскій чайникъ нагрѣвая;
Подъ нимъ клубился легкій паръ.
По чашкамъ темною струею
Уже душистый чай бѣжалъ,
И сливки мальчикъ подавалъ.
(Соч. Пушк. 3—80).

Въ сельскомъ быту имянины справляются съ особеннымъ торжествомъ.

Веселый праздникъ имянинъ.
Съ утра домъ Лариной (помѣщицы) гостями
Весь полонъ; цѣлыми семьями
Сосѣди съѣхались въ возкахъ,
Въ кибиткахъ, въ бричкахъ и въ саняхъ.
Въ передней толкотня, тревога,
Въ гостиной встрѣча новыхъ лицъ,
Лай мосекъ, чмоканье дѣвицъ,

Шумъ, хохотъ, давка у порога,
Поклоны, шарканье гостей,
Кормилицъ крикъ и плачъ дѣтей.
(Соч. Пушк. 3—121).

На имянины въ селахъ пріѣзжаютъ родители съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ «отъ тридцати до двухъ годовъ». Начинается обѣдъ.

Но кушать подали. Четой
Идутъ за столъ рука съ рукой,
Тѣснятся барышни къ Татьянѣ (дочь помѣщика);
Мужчины противъ — и крестясь
Толпа жужжитъ, за столъ садясь:
На мигъ умолки разговоры;
Уста жуютъ. Со всѣхъ сторонъ
Гремятъ тарелки и приборы,
Да рюмокъ раздается звонъ.
Но вскорѣ гости понемногу
Подъемлютъ общую тревогу:
Никто не слушаетъ, кричатъ,
Смѣются, спорятъ и пищатъ.
(Соч. Пушк. 3—124).

Въ сочиненіи «Евгеній Онѣгинъ» Пушкинъ описалъ весь день имянинъ въ домѣ помѣщика. Обѣдъ мы видѣли. Взгляните на время послѣ обѣда.

Гремятъ отдвинутые стулья;
Толпа въ гостиную валитъ:
Такъ пчелъ изъ лакомаго улья
На ниву шумный рой летитъ;
Довольный праздничнымъ обѣдомъ,
Сосѣдъ сопитъ передъ сосѣдомъ:
Подсѣли дамы къ комельку:

Дѣвицы шепчутъ въ уголку.
Столы зеленые раскрыты:
Зовутъ задорныхъ игроковъ
Бостонъ, и ломберъ стариковъ,
И вистъ, донынѣ знаменитый,
Однообразная семья,
Всѣ жадной скуки сыновья.
(Соч. Пушк. 3—127).

Далѣе слѣдуетъ чай и танцы съ вальсомъ и мазуркою.

Мазурка раздалась. Бывало,
Когда гремѣлъ мазурки громъ,
Въ огромной залѣ все дрожало,
Паркетъ трещалъ подъ каблукомъ,
Тряслися, дребезжали рамы.
(Соч. Пушк. 3—130).

Послѣ ужина всѣ гости остались на ночлегъ въ домѣ гостепріимнаго хозяина.

Постели стелятъ; для гостей
Ночлегъ отводятъ отъ сѣней
До самой дѣвичьей. Всѣмъ нуженъ
Покойный сонъ.
(Соч. Пушк. 3—133).

«Евгеній Онѣгинъ»—одно изъ самыхъ лучшихъ сочиненій Пушкина. Въ немъ собрано много матеріаловъ для пониманія нашей старины. Не даромъ книгопродавецъ Слёнинъ предлагалъ Пушкину за Онѣгина, сколько онъ хочетъ денегъ. «Слёнинъ предлагаетъ мнѣ за Онѣгина, сколько я хочу. Какова Русь!» (Письмо Пушкина отъ апр. 1824 г., Рус. Арх. 1874, кн. 1, стр. 133).

Мы уже много черпали матеріаловъ для картины на-

шего быта изъ «Евгенія Онѣгина». Но далеко не исчерпали этого глубокаго кладезя. Здѣсь мы находимъ живые разсказы о святкахъ, о крещенскихъ вечерахъ въ деревнѣ, о Мартынѣ-Задекѣ, извѣстномъ снотолкователѣ. Стариною, доброю стариною, простою и задушевною такъ на васъ и вѣетъ, такъ и вѣетъ...

Настали святки. То-то радость!
Гадаетъ вѣтряная младость,
Которой ничего не жаль.
Гадаетъ старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потерявъ невозвратимо;
Татьяна любопытнымъ взоромъ
На воскъ потопленный глядитъ;
Онъ чудно — вылитымъ узоромъ
Ей что-то чудное гласитъ;
Изъ блюда, полнаго водою,
Выходятъ кольца чередою;
И вынулось колечко ей
Подъ пѣсенку старинныхъ дней:
«*Тамъ мужички-то все богаты!*
Гребутъ лопатой серебро:
Кому поемъ, тому добро
И слава!» Но сулитъ утраты
Сей пѣсни жалостный напѣвъ;
Милѣй *кошурка* сердцу дѣвъ.

Тутъ Пушкинъ приводитъ двѣ строки изъ народной пѣсни, предвѣщающей свадьбу:

Зоветъ котъ кошурку
Въ печурку спать.
(Соч. Пушк. 3—112).

Описываетъ Пушкинъ крещенскіе вечера:

Татьяна (Русская душою,
Сама незная почему),
Съ ея холодною красою
Любила Русскую зиму,
На солнцѣ иней въ день морозной,
И сани, и зарею поздной
Сіянье розовыхъ снѣговъ,
И мглу Крещенскихъ вечеровъ.
По старинѣ торжествовали
Въ ихъ домѣ эти вечера:
Служанки со всего двора
Про барышень своихъ гадали,
И имъ сулили каждый годъ
Мужьевъ военныхъ и походъ.
Татьяна вѣрила преданьямъ
Простонародной старины,
И снамъ, и карточнымъ гаданьямъ,
И предсказаніямъ луны.
Жеманный котъ, на печкѣ сидя,
Мурлыча лапкой рыльцо мылъ:
То несомнѣнный знакъ ей былъ,
Что ѣдутъ гости.

(Соч. Пушк. 3—110).

Сны въ деревнѣ разгадываютъ по книгѣ, называемой Мартынъ-Задека.

Эта книга въ большомъ ходу у сельскихъ барышень. Татьяна видѣла сонъ, будто медвѣдь на нее напалъ; она искала въ Мартынѣ Задекѣ разгадки сна:

Въ постелѣ съ книгою лежитъ,
За листомъ листъ перебирая

И ничего не говоритъ.
То былъ, друзья, Мартынъ Задека,
Глава Халдейскихъ мудрецовъ,
Гадатель, толкователь сновъ.
Татьяна въ оглавленьи краткомъ
Находитъ азбучнымъ порядкомъ
Слова: боръ, буря, воронъ, ель,
Ежъ, мракъ, востокъ, медвѣдь, мятель
И прочая. Ея сомнѣній
Мартынъ Задека не рѣшитъ.

(Соч. Пушк. 3—120).

Вчитываясь прилежнѣе въ сочиненія Пушкина, мы найдемъ въ нихъ много неоцѣненныхъ указаній на сѣдую нашу старину.

Хотите имѣть понятіе о старинномъ сватовствѣ, прочитайте слѣд. строки Пушкина.

Богатъ, хорошъ собою Ленскій (помѣщикъ),
Вездѣ былъ принятъ какъ женихъ;
Таковъ обычай деревенскій:
Всѣ дочекъ прочили своихъ
За полу-Русскаго сосѣда.
Войдетъ ли онъ—тотчасъ бесѣда
Заводятъ слово стороной
О скукѣ жизни холостой;
Зовутъ сосѣда къ самовару,
А Дуня разливаетъ чай;
Ей шепчутъ: «Дуня, примѣчай!»
Потомъ приносятъ ей гитару,
И запищитъ она (Богъ мой!):
«Прійди въ чертогъ ты мой златой!»

(Соч. Пушк. 3—42).

*

Встарину сватовство совершалось очень просто. Не спрашивали у невѣсты согласія на ея замужество. Жениха выбирали родители. Няня Филипьева разсказываетъ своей питомицѣ-боярышнѣ, на вопросъ какъ она вѣнчалась?»

Такъ, видно, Богъ велѣлъ. Мой Ваня
Моложе былъ меня, мой свѣтъ,
А было мнѣ тринадцать лѣтъ.
Недѣли двѣ ходила сваха
Къ моей роднѣ, и наконецъ
Благословилъ меня отецъ.
Я горько плакала со страха;
Мнѣ съ плачемъ косу расплели,
И съ пѣньемъ въ церковь повели.
И вотъ ввели въ семью чужую....

(Соч. Пушк. 3—67).

Пушкинъ любилъ простую жизнь, простые сельскіе виды, простую Русскую природу.—

Село Захарово (близъ Москвы) онъ такъ описываетъ:

Мнѣ видится мое селенье,
Мое Захарово, оно
Съ заборами, въ рѣкѣ волнистой
Съ мостомъ и рощею тѣнистой,
Зерцаломъ водъ отражено.
На холмѣ домикъ мой; съ балкона
Могу сойти въ веселый садъ,
Гдѣ *боги*
Цвѣты съ плодами мнѣ дарятъ,
Гдѣ старыхъ кленовъ темный рядъ
Возносится до небосклона,
И глухо тополи шумятъ.

Туда зарею поспѣшаю
Съ смиреннымъ заступомъ въ рукахъ,
Въ лѣсахъ тропинку извиваю,
Тюльпанъ и розу поливаю,
И счастливъ въ утреннихъ трудахъ!
Но вотъ ужъ полдень. Въ свѣтлой залѣ
Весельемъ круглый столъ накрытъ,
Хлѣбъ-соль на чистомъ покрывалѣ,
Дымятся щи, вино въ бокалѣ
И щука въ скатерти лежитъ....
Гдѣ вы, мирныя картины
Прелестной сельской простоты?

(Соч. Пушк. 1—151).

Ему нравился видъ дѣдовскихъ лѣсовъ и міръ родныхъ полей:

Я скроюсь съ тайною свободой,
Съ цѣвницей, нѣгой и природой,
Подъ тѣнью дѣдовскихъ лѣсовъ!
Надъ озеромъ въ покойной хатѣ,
Или въ травѣ густой луговъ,
Или холма на злачномъ скатѣ,
Въ Бухарской шапкѣ и халатѣ
Я буду пѣть моихъ боговъ.

(Соч. Пушк. 1—187).

Родное пепелище и отеческіе гробы были священными предметами для поэта:

Два чувства близки къ намъ,
Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу:
Любовь къ родному пепелищу,
Любовь къ отеческимъ гробамъ.

(Соч. Пушк. 1-602).

Его привлекало къ себѣ мирное сельское кладбище простотою своею:

Но какъ же любо мнѣ
Осеннею порой, въ вечерней тишинѣ,
Въ деревнѣ посѣщать кладбище родовое,
Гдѣ дремлютъ мертвые въ торжественномъ покоѣ:
Тамъ неукрашеннымъ могиламъ есть просторъ!
Къ нимъ ночью темною не лѣзетъ блѣдный воръ.
Близь камней вѣковыхъ, покрытыхъ желтымъ мохомъ,
Проходитъ селянинъ съ молитвой и со вздохомъ;
На мѣсто праздныхъ урнъ и мелкихъ пирамидъ,
Безносыхъ геніевъ, растрепанныхъ харитъ
Стоитъ широкій дубъ надъ важными гробами,
Колеблясь и шумя....

(Соч. Пушк. 1—528).

Поэтъ съ наслажденіемъ смотрѣлъ на разные виды сельской жизни:

Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи —
Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ,
Раздолье утокъ молодыхъ;
Теперь мила мнѣ балалайка
Да пьяный топотъ трепака
Передъ порогомъ кабака.

(Соч. Пушк. 3—218).

Маленькое довольство, маленькая свобода въ семейномъ быту: къ такимъ невиннѣйшимъ благамъ стремился нашъ великій поэтъ въ совершенные годы своей жизни:

Мой идеалъ теперь—хозяйка,
Мои желанія — покой,
Да щей горшокъ, да самъ большой...

(Соч. Пушк. 3—218).

Пушкинъ до страсти любилъ деревню; при первомъ удобномъ случаѣ онъ удалялся въ свои «Михайловскія рощи», въ деревню своихъ родителей, и потому, что тамъ, въ сельской тиши, лучше зрѣли его поэтическія думы, и потому, что его привлекала сельская природа. «*Я убѣжалъ въ деревню, почуя риѳмы*». (Изд. Анненкова. 1 — 176). Неоднократно Пушкинъ описывалъ деревню теплыми красками, но есть одно стихотвореніе, которое превосходитъ всѣ остальныя богатствомъ мыслей, чувствъ и картинъ:

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
Гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ,
На лонѣ счастья и забвенья!
Я твой: я промѣнялъ
Роскошные пиры, забавы, заблужденья,
На мирный шумъ дубровъ, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.
Я твой: люблю сей темный садъ
Съ его прохладой и цвѣтами,
Сей лугъ, уставленный душистыми скирдами,
Гдѣ свѣтлые ручьи въ кустарникахъ шумятъ.
Вездѣ передо мной подвижныя картины:
Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
Гдѣ парусъ рыбаря бѣлѣетъ иногда,
За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,
Вдали разсыпанныя хаты,

На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
Овины дымные и мельницы крылаты;
Вездѣ слѣды *довольства* и *труда*.
Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ *невѣжества* губительный позоръ.
Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца:
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ;
Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ
О если бъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
Почто въ груди моей горитъ безплодный жаръ
И не данъ мнѣ въ удѣлъ витійства (проповѣди) грозный даръ?
Увижу ль я, друзья, *народъ неугнетенной*
И *рабство, падшее по манію Царя*,
И надъ Отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?..

(Соч. Пушк., изд. 1871, т. 1, стр. 203—205).

Это стихотвореніе тѣмъ болѣе поразительно, что написано Пушкинымъ во время юности, на *двадцатомъ* году его жизни (въ 1819 г.). Молодое поколѣніе! Учись у Пушкина любить родину, любить труды, любить Царя! О чемъ поэтъ мечталъ въ 1819 году, при Императорѣ Александрѣ Первомъ, — *то* теперь, въ наши славные

дни, къ чести нашей родины, сбылось 19-го Февраля 1861 года... Мы увидѣли рабство, *падшее* по манію Царя...

Тобой свершилося желанное вѣками,
Возрадовалась Русь, довольна и горда.
И празднуетъ народъ... молитвой и слезами
Великій первый день свободнаго труда.

Слова Русскаго дворянина (кн. В. Ѳ. Одоевскаго) нашихъ дней. (Рус. Арх. 1871, стр. 186).

Произведенія Пушкина достойны самаго внимательнаго изученія еще потому, что онъ отличный былъ живописецъ *Русской природы*. Онъ, родной нашъ поэтъ, любилъ Русскую осень, Русскую зиму и Русскую весну. Никто лучше его не говорилъ еще о всѣхъ этихъ предметахъ.

Осеннюю природу онъ неоднократно описывалъ и всегда съ особеннымъ чувствомъ, съ особеннымъ блескомъ. Слушайте!

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ;
Сребритъ морозъ увянувшее поле;
Проглянетъ день какъ будто по неволѣ,
И скроется за край окружныхъ горъ.
Пылай, каминъ, въ моей пустынной кельѣ;
А ты, вино, осенней стужи другъ,
Пролей мнѣ въ грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горькихъ думъ.

(Соч. Пушк. 1—328).

Стихотвореніе это носитъ названіе «19-е Октября 1825 г.»

Вотъ вамъ стихотвореніе «Осеннее Чувство» (напис. 1830 г.). Поэтъ описываетъ бѣгъ коня въ открытомъ

полѣ по промерзлой землѣ и оканчиваетъ стихи слѣдующей замѣткой:

Полезенъ Русскому здоровью
Нашъ укрѣпительный морозъ.
Ланиты жарче вешнихъ (весеннихъ) розъ
Играютъ холодомъ и кровью...

(Соч. Пушк. 1—450).

Обратите вниманіе на стихотвореніе «Осень» (напис. 1830 г.), одно изъ подробныхъ прелестныхъ описаній разныхъ картинъ осени, — одно изъ откровенныхъ произведеній, такъ какъ Пушкинъ прямо говоритъ, что ему осень нравится лучше всѣхъ временъ года:

Октябрь ужъ наступилъ; ужъ роща отряхаетъ
Послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей;
Дохнулъ осенній хладъ, дорога промерзаетъ;
Журча еще бѣжитъ за мельницу ручей,
Но прудъ уже застылъ, сосѣдъ мой поспѣшаетъ
Въ отъѣзжія поля съ охотою своей —
И страждутъ озими отъ бѣшеной забавы,
И будитъ лай собакъ уснувшія дубравы
Теперь *моя* пора: я не люблю весны.

(Соч. Пушк. 1—451).

Зима ему нравится съ ея снѣгомъ, осіяннымъ луною, съ ея легкимъ бѣгомъ саней, катаньемъ на коньках «по зеркалу стоячихъ рѣкъ» и «блестящими тревогами праздниковъ».

Но надо знать и честь; полгода снѣгъ да снѣгъ,
Вѣдь это наконецъ и жителю берлоги,
Медвѣдю надоѣстъ.
Охъ, лѣто красное, любилъ бы я тебя,
Когда бъ не зной, да пыль, да комары, да мухи

Перечисливъ неудобства зимы, весны и лѣта, Пушкинъ опять высказываетъ свою особенную привязанность къ осени:

Мнѣ она мила, читатель дорогой:
Красою тихою, блистающей смиренно,
Какъ нелюбимое дитя въ семьѣ родной.

Далѣе Пушкинъ описываетъ прелести осени:

Унылая пора, очей очарованье,
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса!
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ *багрецъ* и въ *золото* одѣтые лѣса.

(Соч. Пушк. 1—453).

Вникните въ эти роскошные стихи! Вникните въ этотъ послѣдній стихъ! Тутъ цѣлая чудная картина. Художникъ! бери кисть и рисуй! Понимаете теперь, что стихами можно рисовать картину! Въ нашемъ воображеніи въ сіе мгновеніе возстаетъ самый очаровательный видъ осенней природы!

Въ багрецъ и въ золото одѣтые лѣса,
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И отдаленныя сѣдой зимы угрозы.
И съ каждой осенью я расцвѣтаю вновь;
Здоровью моему полезенъ Русскій холодъ...
Легко и радостно играетъ въ сердцѣ кровь...
Я снова жизни полнъ...
Ведутъ ко мнѣ коня; въ раздоліи открытомъ,
Махая гривою, онъ всадника несетъ —
И звонко подъ его блистающимъ копытомъ
Звенитъ промерзлый долъ и трескается ледъ.

Но гаснетъ краткій день, и въ камелькѣ забытомъ
Огонь опять горитъ, то яркій свѣтъ лѣтъ,
То тлѣетъ медленно; а я надъ нимъ читаю,
Иль думы долгія въ душѣ моей питаю.
И забываю міръ, и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
И пробуждается поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется *лирическимъ* волненьемъ...
(Соч. Пушк. 1—453 и 454).

Не бойтесь этого иностраннаго слова: оно, т. е. «лирическое» волненье, значитъ, что Пушкину хочется писать стихи, полные чувства, полные думъ,—стихи, которые такъ и просятся къ нему на перо, такъ и рвется его душа, проникнутая осеннимъ видомъ природы, къ стихамъ—

И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И риѳмы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ,
Минута—и стихи свободно потекутъ.
(Соч. Пушк. 1—451).

Все разсказанное здѣсь значитъ, что осень производила на Пушкина благодѣтельное впечатлѣніе: онъ тогда сочинялъ съ особенною любовію; онъ тогда хотѣлъ, жаждалъ писать и писать. И, дѣйствительно, осенью написано Пушкинымъ *множество* сочиненій, самыхъ совершенныхъ. Такъ напр. осенью 1830 года Пушкинъ, живя три осенніе мѣсяца въ деревнѣ Болдинѣ (Нижегор. губ.), по причинѣ карантиновъ, которыми, по случаю холеры, были оцѣплены разныя мѣстности Россіи,—написалъ въ эти три осенніе мѣсяца множество произведеній, изумляющихъ разнообразіемъ мыслей, красокъ и пріемовъ...

Въ письмѣ къ одному нашему извѣстному писателю (П. А. Плетневу) онъ говоритъ: «скажу тебѣ за тайну, что я въ Болдинѣ писалъ, какъ давно уже не писалъ. Вотъ что я привезъ сюда (въ Москву изъ Болдина: двѣ послѣднія главы «Онѣгина», повѣсть «Домикъ въ Коломнѣ»; нѣсколько театральныхъ (драматическихъ) сценъ: «Скупой Рыцарь», «Моцартъ и Сальери», «Пиръ во время Чумы» и «Донъ-Жуанъ». Сверхъ того я написалъ около тридцати мелкихъ стихотвореній. Еще не все: написалъ я не стихами (прозой) пять повѣстей Бѣлкина». (Соч. Пушкина, изд. Анненкова, т. 1, стр. 283).

Много тутъ перечислилъ Пушкинъ, что онъ написалъ осенью 1830 года, но не все еще: тою же благодатной, «дѣтородной» (по его собственному выраженію) осенью онъ написалъ «Лѣтопись села Горохина» и «пропасть» (опять выраженіе Пушкина) статей для разныхъ журналовъ. (Анненковъ, 1—284). Кто понимаетъ дѣло, тотъ будетъ удивляться этому богатству творчества. Одни статьи для журналовъ,—а ихъ у Пушкина очень много,—могли бы составить имя сочинителю ихъ. И чего-чего нѣтъ въ этихъ журнальныхъ статьяхъ Пушкина, статьяхъ краткихъ, но умныхъ, наполненныхъ мыслями здравыми, строгостію сужденій, знаніемъ дѣла и неизсякаемою любовію къ родинѣ. Въ сочиненіяхъ Пушкина цѣлая книга (см. томъ пятый) наполнена его журнальными статьями, по которымъ мы можемъ познакомиться со множествомъ Русскихъ лицъ, событій, съ міромъ иноземнымъ, съ разными предметами науки и искусства, напр.: о сочиненіи Гомера «Иліадѣ» въ Русскомъ переводѣ, о сочиненіи Загоскина «Юрій Милославскій», сцены изъ котораго въ то время вырисовывались на носовыхъ платкахъ,—

о сочиненіи Фонъ-Визина «Разговоръ у княгини Халдиной», гдѣ изображенъ нѣкто Сорванцовъ, продающій крестьянъ въ рекруты и умно разсуждающій о просвѣщеніи, — о сочиненіи «Исторія Русскаго Народа», гдѣ Пушкинъ воздаетъ дань полнаго уваженія знаменитому нашему историку Карамзину,—о враждѣ между тогдашними журналами и пр.

«Да сверхъ того я написалъ около тридцати мелкихъ стихотвореній», говорилъ Пушкинъ осенью 1830 года (Анненковъ, 1—283). Между этими мелкими стихотвореніями есть такія цѣнныя произведенія, которыя дороже цѣлой большой книги, по своему внутреннему смыслу, напр. стихотвореніе «Отрокъ». Оно состоитъ изъ четырехъ строкъ, но въ этихъ четырехъ строкахъ—море мыслей, именно море. Выслушайте его съ начала до конца:

Неводъ рыбакъ разстилалъ по брегу студенаго моря;
Мальчикъ отцу помогалъ. Отрокъ, оставъ рыбака!
Мрежи иныя тебя ожидаютъ, иныя заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощникъ Царямъ!
(Соч. Пушк. 1—469).

Немного словъ, но сколько тутъ смысла и смысла самаго глубокаго! Вѣдь это цѣлая книга о нашемъ великомъ писателѣ, вышедшемъ изъ народа,—о писателѣ, который былъ, по словамъ Пушкина, «весельемъ Россіянъ, полунощнымъ дивомъ» (соч. 1—156),—я говорю о Ломоносовѣ, именемъ котораго гордится Россія, имя котораго знаетъ просвѣщенный міръ всей вселенной. Онъ былъ рыбакомъ, а силою труда, терпѣнія и ума достигъ до высокихъ, до первыхъ почестей въ государствѣ. Онъ уловлялъ умы всѣхъ Русскихъ людей, онъ

былъ дѣйствительно помощникомъ Царицамъ нашимъ: Аннѣ Іоанновнѣ, Елисаветѣ Петровнѣ и Екатеринѣ II; онъ «былъ первымъ нашимъ университетомъ», — опять беремъ выраженіе у Пушкина, этого глубокаго знатока дѣла (соч. 5—403). Ломоносовъ съ его разнообразными трудами на пользу отечества (они высчитаны въ 5 т. соч. Пушкина, стр. 404—410) и есть тотъ «отрокъ», о которомъ Пушкинъ написалъ четыре, приведенныя выше, многознаменательныя строки...

Про осень есть еще у Пушкина одно замѣчательное стихотвореніе, показывающее удивительную наблюдательность поэта, любящаго все Русское, все родное. Это стихотвореніе находится въ сочиненіи «Евгеній Онѣгинъ», гл. IV-я. Оно читается такъ:

Ужъ небо осенью дышало,
Ужъ рѣже солнышко блистало,
Короче становился день.
Лѣсовъ таинственная сѣнь (тѣнь)
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась,
Ложился на поля туманъ,
Гусей крикливыхъ караванъ
Тянулся къ югу: приближалась
Довольно скучная пора—
Стоялъ Ноябрь ужъ у двора.
Встаетъ заря во мглѣ холодной;
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
Съ своей волчихою голодной
Выходитъ на дорогу волкъ;
Его почуя, конь дорожный
Храпитъ—и путникъ осторожный
Несется въ гору въ весь духъ;
На утренней зарѣ пастухъ

Не гонитъ ужъ коровъ изъ хлѣва,
И въ часъ полуденный въ кружокъ
Ихъ не зоветъ его рожокъ;
Въ избушкѣ распѣвая, дѣва
Прядетъ, и, зимнихъ другъ ночей,
Трещитъ лучинка передъ ней.
(Соч. Пушк. 3—100 и 101).

Въ разныхъ учебныхъ книгахъ, назначенныхъ для дѣтей младшаго возраста, эти стихи печатаются на всю Россію, и вся Россія въ лицѣ своихъ маленькихъ дѣтей учитъ наизусть приведенные стихи Пушкина. Тутъ, въ небольшомъ отрывкѣ, подсмотрѣно много примѣтъ Русской осени: рѣдко являющееся солнце, короткій день, паденье листьевъ, отлетъ птицъ въ теплыя страны, прекращеніе полевыхъ работъ, появленіе голоднаго волка, прекращеніе выгона скота въ поле и начало пряжи при трескѣ лучины... Все это наше, родное, Русское!... И Пушкинъ, видно, съ природы списывалъ ея черты.

Теперь посмотримъ, что̀ говоритъ Пушкинъ про Русскую зиму. Описанію Русской зимы поэтъ посвятилъ слѣд. отдѣльныя стихотворенія: «Зимній Вечеръ» (написано 1825 г.), «Зимняя Дорога» (—1826 г.), «Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ?» (—1829 г.), «Зимнее Утро» (—1828 г.) и—нѣсколько отрывковъ въ большомъ стихотвореніи «Евгеній Онѣгинъ», изъ котораго мы особенно часто приводили примѣры выше.

Пушкинъ описываетъ появленіе зимы:

Вотъ сѣверъ, тучи нагоняя,
Дохнулъ, завылъ—и вотъ сама
Идетъ волшебница зима.
Пришла, разсыпалась, клоками

Повисла на сукахъ дубовъ;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкою
Сравняла пухлой пеленою;
Блеснулъ морозъ.
(Соч. Пушк. 3—170).

Отрывокъ изъ «Евгенія Онѣгина». Въ другомъ мѣстѣ того же «Евгенія Онѣгина», — этой богатѣйшей картины Русскаго быта и Русской природы,—Пушкинъ тоже рисуетъ зиму, первое ея появленіе:

На стеклахъ легкіе узоры,
Деревья въ зимнемъ серебрѣ
И мягко устланныя горы
Зимы блистательнымъ ковромъ.
(Соч. Пушк. 3—108).

По сочувствію своему къ простому деревенскому быту, Пушкинъ съ особою любовію показываетъ вліяніе зимы на бытъ Русскаго мужичка, на деревенскій бытъ.

Зима... Крестьянинъ торжествуя
На дровняхъ обновляетъ путь;
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью какъ-нибудь;
Бразды пушистыя взрывая,
Летитъ кибитка удалая;
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.
Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ,
Въ салазки *жучку* посадивъ,
Себя въ коня преобразивъ;
Шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ:

Ему и больно, и смѣшно,
А мать грозитъ ему въ окно...
(Соч. Пушк. 3—109).

Для художника богатый матеріалъ дается здѣсь. Онъ можетъ нарисовать и кибитку, и ямщика въ тулупѣ, и мальчика, и салазки съ жучкою!..

И вотъ уже трещатъ морозы
И серебрятся средь полей...
Опрятнѣй моднаго паркета,
Блистаетъ рѣчка, льдомъ одѣта.
Мальчишекъ радостный народъ
Коньками звучно рѣжетъ ледъ;
На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый,
Задумавъ плыть по лону водъ,
Ступаетъ бережно на ледъ,
Скользитъ и падаетъ; веселый
Мелькаетъ, вьется первый снѣгъ,
Звѣздами падая на брегъ.
(Соч. Пушк. 3—101).

И этотъ отрывокъ (изъ «Евгенія Онѣгина») про зиму наши дѣти заучиваютъ наизусть.

Въ стихотвореніи «Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ» и «Зимнее Утро» Пушкинъ показываетъ занятія помѣщиковъ, живущихъ зимою въ деревнѣ. Одно изъ любимыхъ занятій помѣщиковъ въ это время есть катанье на лошадяхъ по снѣжнымъ полямъ:

Не велѣть ли въ санки
Кобылку бурую запречь?
Скользя по утреннему снѣгу,
Предадимся бѣгу
Нетерпѣливаго коня.

Да и какъ не прокатиться? Погода чудная, снѣгъ сверкаетъ искрами:

Подъ голубыми небесами,
Великолѣпными коврами
Блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ;
Прозрачный лѣсъ одинъ чернѣетъ,
И ель сквозь иней зеленѣетъ,
И рѣчка подо льдомъ блеститъ.
(Соч. Пушк. 1—424).

Но самое любимое занятіе помѣщиковъ въ зимнее время—охота по первой порошѣ. Пушкинъ говоритъ о такой охотѣ:

Пороша. Мы встаемъ и тотчасъ на коня,
И рысью по полю при первомъ свѣтѣ дня;
Арапники въ рукахъ, собаки вслѣдъ за нами;
Глядимъ на блѣдный снѣгъ прилежными глазами;
Кружимся, рыскаемъ и поздней ужъ порой,
Двухъ зайцевъ протравивъ, являемся домой.
Куда какъ весело!
(Соч. Пушк. 1—420).

За охотою слѣдуетъ скучный вечеръ дома, поэтъ зѣвая читаетъ книгу,—бросаетъ книгу, берется за перо. Но—не спорится дѣло, риѳмы не нижутся на перо.

Ко звуку звукъ нейдетъ. Теряю всѣ права
Надъ риѳмой.
Стихъ вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый, съ лирою я прекращаю споръ.
(Соч. Пушк. 1—421).

Совсѣмъ не то, что осенью. Тогда творилось скоро и легко. Тамъ съ кораблемъ, движущимся въ море, сравнивалось творчество поэта.

*

Чу... матросы кидаются, ползутъ
Вверхъ, внизъ—и паруса надулись, вѣтра полны:
Громада двинулась и разсѣкаетъ волны.
Плыветъ.

(Соч. Пушк. 1—454).

Зимнія вьюги и мятели нашей милой родины не забыты Пушкинымъ. Онъ описалъ ихъ въ стихотвореніи «Зимній Вечеръ» и повѣсти «Капитанская Дочка», о которой уже было говорено.

Наши дѣти выучиваютъ наизусть стихотвореніе Пушкина «Зимній Вечеръ», это чудное произведеніе, въ которомъ поэтъ описываетъ свои собственныя деревенскія занятія съ любимою имъ нянею Ариною Родіоновною, подъ завываніе мятели:

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То какъ звѣрь она завоетъ,
То заплачетъ какъ дитя,
То по кровлѣ обветшалой
Вдругъ соломой зашумитъ,
То какъ путникъ запоздалой
Къ намъ въ окошко застучитъ.
Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что же ты, моя старушка,
Пріумолкла у окна?
Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила;
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой поутру шла.

(Соч. Пушк. 1—336).

Ту же зимнюю вьюгу поэтъ описалъ въ стихотвореніи «Бѣсы», про которое уже было говорено.

—Эй, пошелъ, ямщикъ!..—«Нѣтъ мочи:
Конямъ, баринъ, тяжело;
Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
Всѣ дороги занесло;
Хоть убей, слѣда не видно».
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.

(Соч. Пушк. 1—448 и 449).

Дополненіемъ къ представленной здѣсь картинѣ зимней вьюги можетъ служить превосходное описаніе бурана въ Оренбургскихъ степяхъ, которое находится въ повѣсти «Капитанская Дочка».

«Я увидѣлъ на краю неба бѣлое облачко, которое принялъ было сперва за отдаленный холмикъ. Ямщикъ изъяснилъ мнѣ, что облачко предвѣщало буранъ.

«Ямщикъ поскакалъ, но все поглядывалъ на востокъ. Вѣтеръ между тѣмъ часъ отъ часу становился сильнѣе. Облачко обратилось въ бѣлую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегала небо. Пошелъ мелкій снѣгъ и вдругъ повалилъ хлопьями. Вѣтеръ завылъ; сдѣлалась мятель. Въ одно мгновеніе темное небо смѣшалось съ снѣжнымъ моремъ. Все исчезло.

«Ну, баринъ», закричалъ ямщикъ: «бѣда: буранъ»!...

«Я выглянулъ изъ кибитки: все было мракъ и вихорь. Вѣтеръ вылъ съ такой свирѣпой выразительностію, что казался одушевленнымъ; снѣгъ засыпалъ меня; лошади шли шагомъ и стали.

«Что же ты не ѣдешь?» спросилъ я ямщика.

— Да что ѣхать? отвѣчалъ онъ, слѣзая съ облучка;

невѣсть и такъ куда заѣхали: дороги нѣтъ, и мгла кругомъ.

«Дѣлать было нечего. Снѣгъ такъ и валилъ. Около кибитки подымался сугробъ... Я глядѣлъ во всѣ стороны, надѣясь увидѣть хоть признакъ жилья или дороги, но ничего не могъ различить, кромѣ мутнаго крученія мятели».

(Соч. Пушк. 4—435 и д.).

Въ предложенномъ отрывкѣ видно начало бурана и его послѣдовательное выростаніе изъ облачка въ мутное крученіе снѣга, затьмѣвающее всю окрестность. Такой буранъ, говоритъ Пушкинъ, нерѣдко заноситъ цѣлые обозы. Ужасное явленіе природы!

Описалъ поэтъ и нашу зимнюю дорогу, печальныя поляны при лунѣ, тройку борзую, однозвучный колокольчикъ, долгія пѣсни ямщика съ ихъ щемящими сердце звуками и разгульемъ удалымъ.

По дорогѣ зимней, скучной,
Тройка борзая бѣжитъ,
Колокольчикъ однозвучной
Утомительно гремитъ.
Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...
Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снѣгъ... На встрѣчу мнѣ
Только версты полосаты
Попадаются однѣ.

(Соч. Пушк. 1—349).

Ничего изъ нашей печальной зимней дороги не забылъ поэтъ. Даже полосатыя версты, когда-то стоявшія по всѣмъ нашимъ большакамъ, не пройдены молчаніемъ. Всему-то родному Пушкинъ откликнулся въ своихъ чудныхъ стихахъ, подобно эху, которое самъ же описалъ.

Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ —
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.
Ты внемлешь грохоту громовъ
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ —
И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ жъ нѣтъ отзыва...

(Соч. Пушк. 1—479).

Красная весна нашла въ Пушкинѣ достойнаго пѣвца. Седьмая глава «Евгенія Онѣгина» начинается превосходнымъ описаніемъ весны, гдѣ указаны главнѣйшія примѣты этого радостнаго времени года: тепло, таяніе снѣговъ, прибыль воды, блескъ неба, одѣваніе лѣсовъ, вылетъ пчелки изъ улья, появленіе цвѣтовъ, выгонъ скота въ поле и щелканье соловушки. Замѣтимъ этотъ небольшой отрывокъ о веснѣ:

Гонимы вешними (весенними) лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года;
Синѣя блещутъ небеса.

Еще прозрачные, лѣса
Какъ-будто пухомъ зеленѣютъ.
Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой.
Долины сохнутъ и пестрѣютъ;
Стада шумятъ, и соловей
Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей.

(Соч. Пушк. 3—156).

Весну поэтъ называетъ порою «тепла, цвѣтовъ, работъ, гуляній» и приглашаетъ всѣхъ

Въ поля, скорѣй, скорѣй,
Въ каретахъ, тяжко нагруженныхъ,
На долгихъ, иль на почтовыхъ,
Тянитесь изъ заставъ градскихъ.

(Соч. Пушк. 3—158).

Въ другомъ стихотвореніи онъ вновь касается весны, говоритъ о появленіи цвѣточковъ, вылетѣ пчелки, о распусканіи клейкихъ листочковъ и душистой черемухѣ.— Это стихотвореніе замѣчательно по своимъ народнымъ выраженіямъ, которыя всегда любилъ употреблять нашъ великій поэтъ:

Только что на проталинахъ весеннихъ
Показались ранніе цвѣточки,
Какъ изъ царства восковова,
Изъ душистой келейки медовой
Вылетаетъ первая пчелка.
Полетѣла по раннимъ цвѣточкамъ
О красной веснѣ развѣдать:
Скоро ли будетъ гостья дорогая,
Скоро ль луга зазеленѣютъ...

Распустятся клейкіе листочки...
Зацвѣтетъ черемуха душиста?...

(Соч. Пушк. 1—600).

Сколько тутъ уменьшительныхъ словъ! Цвѣточки, келейка, пчелка, листочки! Уменьшительныя слова составляютъ особенное достоинство народнаго нашего языка. Такихъ словъ много въ народныхъ пѣсняхъ, распѣваемыхъ по всей Руси святой.

Пушкинъ, какъ любитель нашихъ народныхъ нравовъ, соблюдалъ одинъ изъ исконныхъ нашихъ обычаевъ въ день Благовѣщенія. При этомъ «свѣтломъ праздникѣ весны» онъ выпускалъ птичку на волю. Въ 1823 году онъ жилъ на югѣ Россіи и тамъ написалъ слѣд. небольшое, но трогательное, стихотвореніе, подъ названіемъ «Птичка»:

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При свѣтломъ праздникѣ весны.
Я сталъ доступенъ утѣшенью;
За что на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Я могъ свободу даровать?

(Соч. Пушк. 1—281).

Кромѣ осени, зимы и весны, поэтъ съ любовію описывалъ разныя мѣстности Россіи. Петербургъ, Москва, Малороссія, Одесса, Кавказъ, Крымъ, Черное Море, Нижній Новгородъ въ стихотвореніяхъ Пушкина представлены въ яркихъ чертахъ.

Петербургъ описанъ въ большомъ стихотвореніи «Мѣдный Всадникъ». Начало этого описанія мы приво-

дили въ первомъ отдѣлѣ нашего чтенія *). Здѣсь дочитаемъ остальную часть превосходнаго изображенія разныхъ красотъ нашей сѣверной столицы:

Юный градъ,
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво.
Люблю тебя, Петра творенье;
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампады,
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотыя небеса,
Одна заря смѣнить другую
Спѣшитъ, давъ ночи полчаса;
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой.
Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ Марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красивость,
Въ ихъ стройно-зыблемомъ строю
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,

*) Писано для *народа*.

Насквозь простреленныхъ въ бою;
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда полнощная Царица
Даруетъ сына въ Царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ Россія
Снова торжествуетъ,
Или, взломавъ свой синій ледъ,
Нева къ морямъ его несетъ
И, чуя вешни дни, ликуетъ.
Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!

(Соч. Пушк. 2—305).

Съ 1833 года, когда появились въ печати эти прекрасные стихи, до сихъ поръ они составляютъ предметъ удивленія для людей, понимающихъ дѣло. Въ предложенномъ описаніи представлены самыя главныя черты Петербурга, и потому юношество учитъ наизусть «Петербургъ» Пушкина.

Поэтъ нашъ любилъ Москву, гдѣ онъ родился. Въ «Евгеніи Онѣгинѣ» такъ описана Москва:

Ужъ бѣлокаменной Москвы,
Какъ жаръ крестами золотыми,
Горятъ старинныя главы.
Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца Русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!
Уже столпы заставы
Бѣлѣютъ; вотъ ужъ по Тверской
Возокъ несется чрезъ ухабы.
Мелькаютъ мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,

Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротахъ
И стаи галокъ на крестахъ.
(Соч. Пушк. 3—174 и 175).

Кто не узнаетъ въ этомъ подробномъ описаніи нашу бѣлокаменную Москву съ ея многочисленными церквами — золотыя маковки, съ ея «сорока сороковъ», съ ея пестротою на каждомъ шагу, съ ея простотою быта, съ ея своеобразною жизнію, представляющею смѣшеніе стараго съ новымъ!...

Вотъ вамъ Макарьевская ярмарка съ ея шумомъ и гамомъ:

Макарьевъ суетно хлопочетъ,
Кипитъ обиліемъ своимъ.
Сюда жемчугъ привезъ Индѣецъ,
Поддѣльны вина Европеецъ.
Табунъ бракованныхъ коней
Пригналъ заводчикъ изъ степей.
Игрокъ привезъ свои колоды
И горсть услужливыхъ костей:
Помѣщикъ спѣлыхъ дочерей.
А дочки — прошлогодни моды.
Всякъ суетится, лжетъ за двухъ,
И всюду меркантильный духъ (т. е. торговый).
(Соч. Пушк. 3—215).

Пушкинъ посѣтилъ разныя мѣстности Россіи. Онъ былъ въ Кіевѣ, ѣздилъ въ Заволжье, жилъ въ Одессѣ, въ Крыму, былъ на Кавказѣ два раза, на Дону. Всѣ

эти Русскія мѣстности онъ обезсмертилъ въ своихъ стихахъ. Одессу поэтъ такъ описалъ:

Я жилъ тогда (1823 г.) въ Одессѣ пыльной...
Тамъ долго ясны небеса,
Тамъ хлопотливо торгъ обильной
Свои подъемлетъ паруса.
Тамъ все Европой дышетъ, вѣетъ;
Все блещетъ югомъ и пестрѣетъ
Разнообразностью живой.
Языкъ Италіи златой
Звучитъ по улицѣ веселой,
Гдѣ ходитъ гордый Славянинъ,
Французъ, Испанецъ, Армянинъ,
И Грекъ, и Молдаванъ тяжелой,
И сынъ Египетской земли.

Описавъ разныхъ инородцевъ, поэтъ говоритъ о потопленіи Одессы со стороны моря и недостаткѣ хорошей воды:

Однако въ сей Одессѣ влажной
Еще есть недостатокъ важной!
Чего бъ, вы думали? — воды!
Потребны тяжкіе труды....
(Соч. Пушк. 3—219 и 221).

Но что особенно любилъ Пушкинъ воспѣвать,— это Кавказъ. Неоднократно и въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ онъ описываетъ этотъ поразительный по своей природѣ и нравамъ обитателей край. Пушкинъ былъ на Кавказѣ два раза: первый разъ съ семействомъ генерала Раевскаго (1820 г.), а другой разъ по своему собственному желанію, во время войны нашей съ Турціею, въ

свитѣ главнокомандующаго генерала Паскевича (1829 г). Въ первый разъ онъ былъ на Кавказѣ два мѣсяца. Кавказъ поразилъ поэта своею дикою природою. Отъ 24 сент. 1820 г. Пушкинъ такъ пишетъ къ брату о Кавказѣ: «Два мѣсяца жилъ я на Кавказѣ... жалѣю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ, ледяныя ихъ вершины, которыя издали на ясной зарѣ кажутся странными облаками, разноцвѣтными и неподвижными; жалѣю, что не всходилъ со мною на острый верхъ пятихолмнаго Бешту, Машука, Желѣзной горы, Каменной и Змѣиной. Кавказскій край, знойная граница Азіи, любопытенъ во всѣхъ отношеніяхъ.» (Изд. Анненкова. 1—77). Что въ письмѣ поэтъ писалъ о Кавказѣ, то же самое, но съ большею плѣнительною подробностію онъ разсказалъ въ стихотворной повѣсти «Кавказскій Плѣнникъ» (окончена въ Кіевской губерніи 1821). Эту повѣсть самъ Пушкинъ назвалъ «молодою, слабою» (соч. Пушкина 4—125), — но она заключаетъ въ себѣ великолѣпное описаніе Кавказской природы:

Великолѣпныя картины!
Престолы вѣчные снѣговъ!
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ.
И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
Эльбрусъ огромный, величавый,
Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ,
Когда, съ глухимъ сливаясь гуломъ,
Предтеча бури, громъ гремѣлъ,
Какъ часто плѣнникъ предъ ауломъ (деревня)

Недвижимъ на горѣ сидѣлъ!
У ногъ его дымились тучи,
Въ степи взвивался прахъ летучій;
Уже пріюта между скалъ
Елень испуганный искалъ;
Орлы съ утесовъ подымались
И въ небесахъ перекликались;
Шумъ табуновъ, мычанье стадъ
Ужъ гласомъ бури заглушались...
И вдругъ на долы дождь и градъ
Изъ тучъ сквозь молній извергались;
Волнами роя крутизны,
Сдвигая камни вѣковые,
Текли потоки дождевые...
(Соч. Пушк. 2—107—110).

Описавъ природу Кавказа, Пушкинъ знакомитъ насъ съ нравами его обитателей. Обитатели Кавказа (Горцы) любятъ войну; они вооружены бронями, пищалью (ружьемъ особаго рода), колчаномъ, лукомъ, кинжаломъ, шашкою и шлемомъ; будучи кровожадны на войнѣ, Горцы въ мирномъ быту гостепріимны, просты, любятъ пѣсни и игры.

Въ «Евгеніи Онѣгинѣ» Пушкинъ тоже описываетъ Кавказъ: Терекъ своенравный, берега Арагвы и Куры, тамошнихъ птицъ и животныхъ: орла, оленя, верблюда, коня и овецъ,—затѣмъ—горы: остроконечный Бешту и зеленѣющій Машукъ,

Машукъ, податель струй цѣлебныхъ.
(Соч. Пушк. 3—216).

Описанію суровой и грозной природы Кавказа посвящены слѣд. небольшія стихотворенія: «Кавказъ» (на-

пис. 1829 г.), «Монастырь на Казбекѣ» (— 1829 г.), «Обвалъ» (— 1829 г.). — Кромѣ того, у Пушкина есть «Путешествіе въ Арзрумъ во время похода 1829 года», гдѣ есть любопытныя замѣтки о Кавказскомъ краѣ.

Обратимъ вниманіе на небольшое стихотвореніе, описывающее Кавказъ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины:
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.
Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ низвергаясь шумятъ водопады;
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ, ниже, мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.
(Соч. Пушк. 1—412).

Это стихотвореніе занимаетъ у Пушкина одну страницу, но въ немъ мы видимъ самое полное и самое картинное описаніе Кавказа: его снѣжныхъ вершинъ, стремнинъ, обваловъ, водопадовъ, веселыхъ долинъ, рощей, рѣкъ льющихся то въ тѣнистыхъ берегахъ, то среди утесовъ, — орловъ, парящихъ неподвижно, — оленей, скачущихъ въ зеленыхъ рощахъ, — овецъ, ползающихъ по злачнымъ стремнинамъ.

А вотъ описаніе одной изъ высочайшихъ горъ Кавказа, называемой Казбекомъ, и монастыря на вершинѣ его.

Высоко надъ семьею горъ,
Казбекъ, твой царственный шатеръ

Сіяетъ вѣчными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Какъ въ небѣ рѣющій ковчегъ,
Паритъ, чуть видный надъ горами.
(Соч. Пушк. 1—413).

Грозная природа Кавказа производила на Пушкина благодѣтельное дѣйствіе: она пробуждала въ немъ чувство благоговѣнія къ Творцу:

Туда бъ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ.

Такъ и необходимо быть! Природа должна пробуждать въ насъ мысли о Богѣ. «Небеса повѣдаютъ славу Божію, твореніе же руку Его возвѣщаетъ твердь». Природа есть храмъ Бога, вездѣ присутствующаго и все наполняющаго. Благодареніе поэту, что онъ стихами своими воспитываетъ въ насъ чувство благоговѣнія къ Создателю міра!..

Стихотвореніе «Обвалъ» изображаетъ одно изъ поразительныхъ явленій Кавказской грозной природы — обрывъ снѣжныхъ громадъ съ вершины горы. Такой обрывъ производитъ страшное опустошеніе: загромождаетъ дороги, запружаетъ рѣку:

Сорвался разъ обвалъ,
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ,
И Терека могущій валъ
Остановилъ.
И долго прорванный (Терекомъ) обвалъ
Неталой грудою лежалъ,
И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ.

Терекъ пришибъ снѣга, надъ рѣкой образовался ледяной сводъ и—чудно!

И путь по немъ широкій шелъ:
И конь скакалъ, и влекся волъ,
И своего верблюда велъ
Степной купецъ.

(Соч. Пушк. 1—414).

Эти стихотворенія надо читать вмѣстѣ съ записками Пушкина о Кавказѣ, названными у него «Путешествіе въ Арзрумъ 1829 г.» (соч. 4, стр. 121, 124, 125, 128, 129 и д.). И тамъ и здѣсь говорится одно и то же, напр. о монастырѣ на Казбекѣ въ «Запискахъ» Пушкина говорится слѣдующее: «Утромъ (1 авг. 1829 г.), проѣзжая мимо Казбека, увидѣлъ я чудное зрѣлище: бѣлыя, оборванныя тучи перетягивались черезъ вершину горы, и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось, плавалъ въ воздухѣ, несомый облаками». (Соч. 4—170). Или приведемъ описаніе обвала по «Запискамъ» Пушкина: «Дорога шла черезъ обвалъ, обрушившійся въ концѣ Іюня 1827 года. Таковые случаи бываютъ обыкновенно каждыя семь лѣтъ. Огромная глыба, свалясь, засыпала ущеліе на цѣлую версту и запрудила Терекъ. Часовые, стоявшіе ниже, слышали ужасный грохотъ и увидѣли, что рѣка быстро мелѣла и въ четверть часа совсѣмъ утихла и истощилась. Терекъ прорылся сквозь обвалъ не прежде, какъ черезъ два часа. То-то былъ онъ ужасенъ!» (Соч. 4—128).

Эти выписки показываютъ, что поэзія Пушкина есть поэзія *дѣйствительной* жизни,—его поэзія есть изложеніе того, что онъ на самомъ дѣлѣ видѣлъ и испыталъ, что

онъ чувствовалъ. Со временъ Пушкина брошена мысль, что поэты говорятъ однѣ небылицы, однѣ сказки, несбыточный вздоръ. Пушкинъ научилъ всѣхъ поэтовъ говорить то, *что есть или было* на самомъ дѣлѣ въ мірѣ видимомъ, или въ душѣ нашей,—этомъ невидимомъ, но дѣйствительномъ мірѣ.

Вы, если грамотны, перечитайте со вниманіемъ «Путешествіе Пушкина въ Арзрумъ». Тутъ вы найдете много полезнаго и занимательнаго про Кавказъ,—этотъ богатѣйшій край Россіи, — и все, что разсказалъ о немъ поэтъ, написано ясно, кратко, вразумительно и въ то же время увлекательно. Вотъ одно изъ лучшихъ сочиненій для грамотнаго человѣка и одно изъ полезныхъ произведеній для дѣтей! Какъ бы желательно, чтобы это «Путешествіе» издано было отдѣльно *для народнаго чтенія*. Напечатать надо его крупными буквами, не рѣжущими глаза, и пустить въ продажу по 10 к. с. «Да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности»!.. Эти слова одного изъ первыхъ манифестовъ Государя Императора Александра II отъ 19 марта 1856 года надо твердо помнить всѣмъ намъ, а особенно тѣмъ, кто обязанъ заботиться о просвѣщеніи народа Русскаго, народа православнаго...

Кромѣ Кавказа, есть еще на Руси богатый край,—это Крымъ, находящійся на Черномъ морѣ. «Прекрасны вы, брега Тавриды!» восклицаетъ Пушкинъ, описывая Крымъ въ своемъ сочиненіи «Евгеній Онѣгинъ».

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда васъ видишь съ корабля,
При свѣтѣ утренней *зари*,
Какъ васъ впервой увидѣлъ я;

*

Вы мнѣ предстали въ блескѣ брачномъ:
На небѣ синемъ и прозрачномъ
Сіяли груды вашихъ горъ;
Долинъ, деревьевъ, селъ узоръ
Разостланъ былъ передо мною.
(Соч. Пушк. 3—217).

Пушкинъ жилъ въ Татарской деревнѣ Юрзуфѣ. Юрзуфъ — очаровательнѣйшій уголокъ на южномъ берегу Крыма: онъ лежитъ между Ялтою и Яйлою (Яйла—горный хребетъ, а Ялта—городъ). «Въ Юрзуфѣ я прожилъ (пишетъ Пушкинъ) три недѣли (въ 1820 г.), счастливѣйшія минуты моей жизни» (изд. Анненкова, 1 — 76). Въ письмѣ къ брату (отъ 20 сент. 1820 г.) онъ пишетъ о Крымѣ: «отправились мы (вмѣстѣ съ семействомъ генерала Раевскаго) моремъ (Чернымъ) мимо полуденныхъ береговъ Тавриды въ Юрзуфъ. Корабль плылъ передъ горами, покрытыми тополями, виноградомъ, лаврами и кипарисомъ *); вездѣ мелькали Татарскія селенія; онъ остановился въ виду Юрзуфа; тамъ прожилъ я три недѣли». (Библіогр. Зап. 1858, т. 1, стр. 4).

Видъ Чернаго моря очаровалъ поэта, и онъ ночью, на кораблѣ написалъ прекрасное стихотвореніе о морѣ:

Погасло дневное свѣтило;
На море синее вечерній палъ туманъ.
Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!
(Соч. Пушк. 1—214).

Море навѣяло на него воспоминанія о прошедшихъ грѣхахъ юности. Дабы оторваться отъ нихъ, поэтъ опять обращается къ морю и повторяетъ:

*) Гдѣ стройны тополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ.
(Соч. 1—217).

Шуми, шуми, послушное вѣтрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!

Природа Крыма, омываемаго Чернымъ моремъ, дѣйствовала на поэта обаятельно: онъ часто вспоминалъ о красотахъ этого края.

Въ повѣсти «Бахчисарайскій Фонтанъ» Пушкинъ такъ описалъ Тавриду:

Волшебный край, очей отрада!
Все живо тамъ: холмы, лѣса,
Янтарь и *яхонтъ* винограда,
Долинъ пріютная краса,
И струй, и тополей прохлада—
Все чувство путника манитъ.
(Соч. Пушк. 2—152).

Ночная природа Крыма такова:

Настала ночь; покрылись тѣнью
Тавриды сладостной поля;
Вдали подъ тихой лавровъ сѣнью
Я слышу пѣнье соловья.
За хоромъ звѣздъ луна восходитъ;
Она съ безоблачныхъ небесъ
На долы, на холмы, на лѣсъ
Сіянье томное наводитъ.
(Соч. Пушк. 2—142).

Изъ всѣхъ красотъ природы Крыма Пушкинъ полюбилъ кипарисъ, который росъ въ двухъ шагахъ отъ дома, гдѣ онъ жилъ. Преданіе разсказываетъ, что соловей прилеталъ къ этому кипарису до самой смерти Пушкина.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что Пушкинъ былъ пѣвецъ родимаго намъ края. Его поэзія есть зер-

кало, въ которомъ отразилась наша Русская природа, наши города, наши деревни, наши осень, зима и весна. Поэтъ узналъ Россію, переѣзжая изъ одного ея угла въ другой. Гдѣ только онъ ни былъ, вездѣ наблюдалъ, изучалъ и заносилъ свои думы въ стихи. Поэтому читать Пушкина со вниманіемъ значитъ *изучать родимый нашъ край*.

Мы разобрали произведенія Пушкина съ трехъ сторонъ: со стороны исторической, со стороны народной и со стороны природы. Отечественная исторія, народный бытъ и родной край нашли въ Пушкинѣ великаго пѣвца,—потому и называютъ его *народнымъ* поэтомъ.

Народнымъ поэтомъ онъ долженъ быть названъ еще и потому, что стихами своими развивалъ чувство *благочестія* (религіозное чувство). Пушкинъ крѣпко держался вѣры; онъ со умиленіемъ преклонялся передъ Всевышнимъ Богомъ. Вездѣ, гдѣ онъ касался вѣры (религіи), онъ былъ глубоко набожнымъ человѣкомъ. Описываетъ Пушкинъ дворецъ Татарскаго князя и—послушайте—на какую высокую картину обращаетъ вниманіе:

И, мнится, въ томъ уединеньи
Сокрылся нѣкто неземной...
Тамъ день и ночь горитъ лампада
Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой—
Души тоскующей отрада,
Тамъ упованье въ тишинѣ
Съ смиренной Вѣрой обитаетъ.
(Соч. Пушк. 2—141).

Такая святыня привела въ изумленіе Грузинку, одну изъ плѣнницъ хана:

Вошла, взираетъ съ *изумленьемъ*...
И *тайный страхъ* въ нее проникъ.
Лампады свѣтъ уединенный,
Кивотъ, печально озаренный,
Пречистой Дѣвы кроткій ликъ,
И крестъ, любви символъ (знакъ) священный.
(Соч. Пушк. 2—144).

Переноситъ поэтъ нашу мысль въ одну изъ башень въ замкѣ гетмана Мазепы (см. сочиненіе «Полтава»). Тамъ мы видимъ страдальца за родную землю Кочубея, приговореннаго къ смертной казни. Передъ смертію несчастный Кочубей прежде всего думалъ о Богѣ,—первѣе всего помышлялъ онъ о принятіи св. Таинъ Христовыхъ. Глубокое чувство умиленія Христіанскаго вызываетъ весь разсказъ о предсмертныхъ страданіяхъ Кочубея. Прочтемъ его:

Въ одной изъ башень, подъ окномъ,
Въ глубокомъ, тяжкомъ размышленьѣ,
Оковань, Кочубей сидитъ
И мрачно на небо глядитъ.
Заутра казнь. Но безъ боязни
Онъ мыслитъ объ ужасной казни;
О жизни не жалѣетъ онъ.
Что смерть ему? желанный сонъ.
Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый.
Дрема долитъ. Но, *Боже правый*!
Къ ногамъ злодѣя, молча, пасть
Какъ безсловесное созданье,
Царемъ быть отдану во власть
Врагу Царя на поруганье,
Утрать жизнь—и съ нею честь,
Друзей съ собой на плаху весть,

Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья,
Ложась безвиннымъ подъ топоръ,
Врага веселый встрѣтить взоръ,
И смерти кинуться въ объятья,
Не завѣщая никому
Вражды къ злодѣю своему!...
И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
Обычный кругъ семьи, друзей,
Минувшихъ дней богатство, славу,
И пѣсни дочери своей,
И старый домъ, гдѣ онъ родился,
Гдѣ зналъ и трудъ, и мирный сонъ,
И все, чѣмъ въ жизни насладился,
Что добровольно бросилъ онъ,
И для чего?—
Но ключъ въ заржавомъ
Замкѣ гремитъ—и пробужденъ,
Несчастный, думаетъ: вотъ онъ!
Вотъ на пути моемъ кровавомъ
Мой вождь подъ знаменемъ Креста,
Грѣховъ могучій разрѣшитель,
Духовной скорби врачъ, служитель
За насъ распятаго Христа,
Его святую кровь и тѣло
Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
Да приступлю ко смерти смѣло
И жизни вѣчной пріобщусь!
И съ сокрушеніемъ сердечнымъ
Готовъ несчастный Кочубей
Передъ Всесильнымъ, Безконечнымъ
Излить тоску мольбы своей.

(Соч. Пушк. 2—237 и 238).

Допрашиваютъ Кочубея о богатствахъ, ему принадлежащихъ,—о кладахъ его. Кочубей и тутъ окончательное слово свое возлагаетъ на Господа Бога:

Такъ, не ошиблись вы: три клада
Въ сей жизни были мнѣ отрада,
И первый кладъ мой честь была—
Кладъ этотъ пытка отняла;
Другой былъ кладъ невозвратимый,
Честь дочери моей любимой:
Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ...
Мазепа этотъ кладъ укралъ!..
Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
Мой третій кладъ—святую месть,
Ее готовлюсь Богу снесть.

(Соч. Пушк. 2—240).

Описывая ужасныя минуты казни Кочубея, Пушкинъ опять обращаетъ взоры своихъ читателей на тотъ же священнѣйшій для человѣка предметъ — вѣру въ Бога. И тамъ, передъ топоромъ палача, она, одна она не покидаетъ человѣка:

Телѣга ѣхала. Въ тревогѣ
Всѣ взоры обратили къ ней.
Въ ней, съ міромъ, съ небомъ примиренный,
Могущей вѣрой укрѣпленный,
Сидѣлъ безвинный Кочубей;
Съ нимъ Искра тихій, равнодушный,
Какъ агнецъ, жребію послушный.
Телѣга стала. Раздалось
Моленье ликовъ громогласныхъ;
Съ кадилъ куренье поднялось.
За упокой души несчастныхъ
Безмолвно молится народъ,
Страдальцы за враговъ.

(Соч. Пушк. 2—248).

Великія слова! «Безмолвно молится народъ, страдальцы за враговъ»... На какую высоту, едва достижимую высоту нравственнаго совершенства возноситъ насъ Пушкинъ своими стихами! Онъ внушаетъ чисто-христіанскія мысли. «Молись за враговъ!» говоритъ намъ поэзія Пушкина. Этотъ призывъ напоминаетъ намъ голосъ Евангелія «любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ и молитеся за творящихъ вамъ напасть». (Еванг. отъ Матѳ. гл. 5, ст. 44).

Евангельскими истинами дышетъ поэзія нашего великаго писателя....

На святое Евангеліе онъ смотрѣлъ очами глубокаго христіанина. Проповѣданіе Евангелія народамъ дикимъ онъ считалъ могущественнымъ средствомъ къ усмиренію ихъ. «Должно надѣяться, что пріобрѣтеніе восточнаго края Чернаго Моря, отрѣзавъ Черкесовъ отъ торговли съ Турціей, принудитъ ихъ съ нами сблизиться. Вліяніе роскоши можетъ благопріятствовать ихъ укрощенію: самоваръ былъ бы важнымъ нововведеніемъ. Есть средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка: *проповѣданіе Евангелія*... Кавказъ ожидаетъ Христіанскихъ миссіонеровъ. Но тщетно въ замѣну слова живаго выливать мертвыя буквы и посылать нѣмыя книги людямъ, не знающимъ грамоты». (Сочиненія 4 — 122 и 123 «Путешествіе въ Арзрумъ»).

Благочестивое чувство читателя находитъ обильную пищу во многихъ произведеніяхъ Пушкина. Въ сочиненіи «Борисъ Годуновъ» разсказъ Патріарха о цѣлебной и чудотворной силѣ мощей Св. Царевича Димитрія исполненъ глубокаго благочестія. Читая этотъ простой разсказъ, положительно забываешь, что онъ сочиненъ свѣтскимъ лицемъ, а думаешь, что передъ вами говоритъ старецъ-отшельникъ, посвятившій всю свою жизнь Богомыслію. — Патріархъ обращается къ Царю Борису Годунову:

Знай, Государь, тому прошло шесть лѣтъ,
Въ тотъ самый годъ, когда тебя Господь
Благословилъ на Царскую державу —
Въ вечерній часъ ко мнѣ пришелъ однажды
Простой пастухъ, уже маститый старецъ,
И чудную повѣдалъ онъ мнѣ тайну.

Пастухъ разсказывалъ Патріарху, какъ онъ лѣчилъ свою слѣпоту. Прибѣгалъ несчастный слѣпецъ къ разнымъ народнымъ лѣченіямъ, — ничто не помогало.

«Разъ
Въ глубокомъ снѣ, я слышу, дѣтскій голосъ
Мнѣ говоритъ: встань дѣдушка, поди
Ты въ Угличъ-градъ, въ Соборъ Преображенья;
Тамъ помолись ты надъ моей могилой,
Богъ милостивъ — и я тебя прощу.
Но кто же ты? спросилъ я дѣтскій голосъ.
Царевичъ я Димитрій. Царь Небесный
Пріялъ меня въ ликъ Ангеловъ своихъ,
И я теперь великій Чудотворецъ.
Иди, старикъ. — Проснулся я и думалъ:
Что жъ? можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, Богъ
Мнѣ позднее даруетъ исцѣленье.
Пойду — и въ путь отправился далекій.
Вотъ Углича достигъ я, прихожу
Въ святой Соборъ и слушаю обѣдню,
И, разгорясь душей усердной, плачу
Такъ сладостно, какъ будто слѣпота

Изъ глазъ моихъ слезами вытекала.
Когда народъ сталъ выходить, я внуку
Сказалъ: Иванъ, веди меня на гробъ
Царевича Димитрія. И мальчикъ
Повелъ меня — и только передъ гробомъ
Я тихую молитву сотворилъ,
Глаза мои прозрѣли: я увидѣлъ
И Божій свѣтъ, и внука, и могилку».
Вотъ, Государь, что мнѣ повѣдалъ старецъ.
Я посылалъ тогда нарочно въ Угличъ,
И свѣдаю, что многіе страдальцы
Спасеніе подобно обрѣтали
У гробовой Царевича доски.

(Соч. Пушк. 3—307).

До такой простоты, какую мы видимъ въ этой рѣчи Патріарха, рѣдкій изъ нашихъ писателей достигалъ. А чувство благочестія, проникающее весь разсказъ, сообщаетъ ему неизъяснимую прелесть.

Стихотвореніе «Пророкъ» (напис. 1826 г.) даетъ намъ ясное понятіе о человѣкѣ, обновленномъ благодатію Божіею. Серафимъ, явившійся къ погибавшему въ пустынѣ человѣку, коснулся его зѣницъ, и глаза у будущаго пророка открылись подобно глазамъ орлицы; Серафимъ дотронулся до ушей, и они наполнились шумомъ, звономъ, стали слышать, какъ растетъ лоза въ долинѣ, какъ ангелы летаютъ въ небесахъ; Серафимъ вырвалъ у погибающаго человѣка языкъ, празднословный и лукавый, а вмѣсто него вложилъ жало мудрой змѣи; Серафимъ разсѣкъ грудь будущаго пророка и водвинулъ туда уголь, пылающій огнемъ. Когда такимъ образомъ весь человѣкъ былъ измѣненъ дѣйствіями Серафима, тогда самъ Богъ словомъ вызвалъ пророка на дѣло служенія обществу и сказалъ: смотри, слушай, исполнись моею

волей и словомъ своимъ «жги сердца людей». Чтобы пророкъ могъ жечь сердца людей, для того ему Серафимъ далъ орлиное, т. е. проницательное зрѣніе,—одарилъ его тонкимъ слухомъ, — надѣлилъ его могущественнымъ даромъ слова «жаломъ мудрыя змѣи», а сердце наполнилъ пламенною любовію къ ближнему «и уголь, пылающій огнемъ, во грудь отверстую водвинулъ...»

Стихотвореніе «Мадонна» (напис. 1830 г.), т. е. Богородица, отличается отъ разныхъ стихотвореній Пушкина высотою своихъ мыслей. Поэтъ говоритъ, что онъ въ простомъ углу своемъ, средь медленныхъ трудовъ, одной картины желалъ бы вѣчнымъ быть зрителемъ, —

Одной: чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
Пречистая и нашъ Божественный Спаситель—
Она съ величіемъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ —
Взирали, кроткіе, во славѣ и въ лучахъ,
Одни, безъ Ангеловъ, подъ пальмою Сіона.
Исполнились мои желанія. Творецъ
Тебя мнѣ ниспослалъ, тебя, моя Мадонна,
Чистѣйшей прелести чистѣйшей образецъ.

(Соч. Пушк. 1—442).

Простота, кротость, чистота—такихъ нравственныхъ качествъ искалъ Пушкинъ самъ и своимъ читателямъ постоянно о нихъ напоминалъ.

Въ послѣдніе годы своей жизни Пушкинъ сдѣлался особенно религіозенъ. Вѣра и ея святыя тайны давали ему бодрость среди разныхъ нравственныхъ страданій, его внутреннихъ скорбей. Онъ часто читалъ Евангеліе, Четьи-Минеи; думалъ написать нѣсколько благочестивыхъ разсказовъ. И онъ, великій поэтъ, и воспитатель всего Русскаго народа, достигъ до убѣжденія, что въ Богѣ,

одномъ Богѣ все наше спасеніе и жизнь... На память о своихъ занятіяхъ духовными предметами, поэтъ оставилъ превосходное стихотвореніе «Молитва», написанное 1836 года, за годъ до смерти. Заучимъ его наизусть:

Отцы-пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ;
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные Великаго поста;
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста
И падшаго свѣжитъ невѣдомою силой:
«Владыко дней моихъ! Духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже! прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи».

(Соч. Пушк. 1—530).

Эти стихи, какъ знаютъ всѣ православные, представляютъ собою переложеніе молитвы св. отца Церкви Ефрема Сирина, жившаго лѣтъ триста спустя послѣ Рождества Христова,—молитвы Великопостной, начинающейся словами: «Господи и владыко живота моего!»

Вообще поэзія Пушкина имѣетъ одну цѣль—пробудить у читателя добрыя чувства.

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,

Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ.

(Соч. Пушк. 1—536).

И это не слова только, а настоящее дѣло. Пушкинъ весь оживлялся, когда дѣло касалось облегченія участи какого-нибудь несчастнаго человѣка; онъ выжидалъ минуты Царскаго къ нему благоволенія, чтобы немедленно заговорить о помощи какому-нибудь страдальцу.

Поэзія Пушкина производитъ на человѣка благотворное дѣйствіе, возвышающее его душу. Пушкинъ говоритъ о поэтахъ, что они рождены «*для звуковъ сладкихъ и молитвъ*», а «не для житейскаго волненья, не для корысти, не для битвъ», т. е. не для того, чтобы уничтожать разные пороки, которыми волнуется общество, напр.: малодушіе, коварство, безстыдство, злобу, неблагодарность, клевету, рабство, глупость, вообще «пороки, гнѣздящіеся въ насъ, по словамъ Пушкина, клубомъ».

(Соч. Пушк. 1—403).

Для исцѣленія общества отъ подобныхъ пороковъ есть другія средства. Пушкинъ говоритъ:

Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры.

Поэзія Пушкина имѣетъ назначеніе другое — пробуждать добрыя чувства, звуками сладкими склонять человѣка къ молитвѣ, ко всему *высокому*, *прекрасному*, *благородному*, *святому*.

Поэзія Пушкина ободряетъ человѣка; она поселяетъ въ немъ надежду на лучшее:

Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и треволненья;
Порой опять гармоніей упьюсь (т. е. буду писать стихи),
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И, можетъ быть, на мой закатъ печальной
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.
(Соч. Пушк. 1—447).

Пушкинъ здѣсь прямо внушаетъ своему читателю *надежду* на лучшую будущность,—ту свѣтлую надежду, которая всегда и вездѣ должна укрѣплять человѣка, побуждая его безропотно нести посылаемый Небомъ крестъ...

Жизнь есть *благо*. Эта мысль всегда занимала Пушкина. Въ одномъ стихотвореніи онъ говоритъ:

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.
(Соч. Пушк. 1—427).

Здѣсь опять мысль о «сладкой» жизни (соч. 1—524) неразлучно связывается съ мыслію о смерти. Гробъ съ молодою жизнію соединяются. Вникайте въ подобныя свѣтлыя мысли нашего поэта! Гробъ съ могилою поселяютъ въ человѣкѣ мрачныя мысли, а жизнь, и притомъ молодая жизнь, пробуждаетъ радостное чувство. Тутъ опять сіяетъ надежда...

Обозрѣвая многочисленныя произведенія Пушкина, каждый мыслящій человѣкъ признаетъ за поэтомъ полное

право сказать то, что онъ выразилъ въ своемъ безсмертномъ стихотвореніи «Памятникъ» (напис. 1836 г.);

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворной;
Къ нему *не заростетъ народная тропа*;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Наполеонова столпа (колонна въ Парижѣ).
Нѣтъ! весь я *не умру*: душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ—
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.
Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня *всякъ сущій въ ней языкъ* (всякое племя);
И гордый внукъ Славянъ, и Финъ, и нынѣ дикой
Тунгузъ, и другъ степей Калмыкъ.
И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что *чувства добрыя я лирой пробуждалъ*,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ.
(Соч. Пушк. 1—535).

Пушкинъ умеръ 29 янв. 1837 г., на тридцать восьмомъ году своей жизни. Семейное несчастіе свело поэта преждевременно въ могилу...

Его ужъ нѣтъ. Младой пѣвецъ
Нашелъ *безвременный* конецъ!
Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный
Увялъ на утренней зарѣ!..
Потухъ огонь на алтарѣ!
(Соч. Пушк. 3—148).

Эти стихи Пушкинъ словно писалъ о самомъ себѣ... Могила нашего великаго поэта находится въ Свято-

горскомъ монастырѣ, въ четырехъ верстахъ отъ селенія Михайловскаго, въ которомъ написано столько превосходныхъ произведеній. На могилѣ поэта супругою его поставлена мраморная чаша и положенъ мраморный платокъ: знакъ того, что Россія будетъ лить *неосушаемыя* слезы объ одномъ изъ геніальныхъ своихъ сыновъ...

4-го Ноября
1879 г.

ПРОДАЕТСЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

И. И. ГЛАЗУНОВА.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

ПО БОЛЬШОЙ САДОВОЙ УЛ., ВЪ ДОМѢ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ, №№ 21 и 22.

ВЪ МОСКВѢ:

НА ПЕТРОВКѢ, ПРОТИВЪ КУЗНЕЦКАГО МОСТА, ВЪ ДОМѢ БР. ХОМЯКОВЫХЪ, № 20.